

ЕВР

ФИЛИП
ХИТТИ

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

МОСТ ТРЕХ КОНТИНЕНТОВ

ФИЛИП ХИТТИ

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ
БЛИЖНЕГО
ВОСТОКА

МОСТ ТРЕХ КОНТИНЕНТОВ

ФИЛИП ХИТТИ

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ
БЛИЖНЕГО
ВОСТОКА

PHILIP K. HITTI

A SHORT HISTORY
OF THE
NEAR EAST

ФИЛИП ХИТТИ

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ
БЛИЖНЕГО
ВОСТОКА

МОСТ ТРЕХ КОНТИНЕНТОВ

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
X52

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

*Оформление художника
Я.А. Галеевой*

Хитти Ф.
X52 **Краткая история Ближнего Востока. Мост трех
континентов / Пер. с англ. А.В. Бушуева. — М.: ЗАО
Центрполиграф, 2012. — 286 с.**

ISBN 978-5-9524-4987-9

Филип Хитти, известный американский ученый, профессор Принстонского университета, посвятил свою книгу истории Ближнего Востока. На протяжении многих веков на этой обширнейшей части планеты жили самые разные народы: египтяне, вавилоняне, ассирийцы, финикийцы, евреи, турки, персы, арабы. В течение пяти тысячелетий эта территория динамично развивалась и являла собой источник материальной и духовной культуры, из которого черпали знания и умения жители Европы. Искусство одомашнивания животных, выплавки металлов, изготовления изделий из керамики, солнечный календарь, алфавит — все это и многое другое подарил Европе Ближний Восток. Исследуя жизнь Ближнего Востока, автор затронул важнейшие вопросы, связанные с территориальными завоеваниями, развитием науки, культуры, экономики, возникновения и распространения трех великих мировых религий: иудаизма, христианства, ислама.

**УДК 94(5)
ББК 63.3(5)**

ISBN 978-5-9524-4987-9

© Перевод, ЗАО
«Центрполиграф», 2012
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2012

Глава 1

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН

На протяжении всей своей истории по богатству и разнообразию опыта и вклада в мировую цивилизацию Ближний Восток занимал и занимает уникальное место среди прочих регионов мира. Сегодня эта территория включает в себя азиатскую часть Турции (Анатолию), Ирак и Иран (Персию), Сирию, Ливан, Израиль и Иорданию, страны Аравийского полуострова и Египет. В настоящее время их нередко называют странами Среднего Востока, хотя так ранее именовали Индию и соседние с ней земли. Беспрецедентный исторический опыт Ближнего Востока стал возможен в первую очередь благодаря благоприятному климату и стратегическому положению на стыке трех континентов: Европы, Азии и Африки — между Средиземным морем и Индийским океаном.

История человечества началась с письменности, а письменность зародилась на Ближнем Востоке. В течение пяти тысячелетий эта территория постоянно и динамично развивалась. Однако за несколько столетий до того, как благодаря письменным источникам над исторической сценой поднялся занавес, жители этих земель построили первые города и учредили первые политические, экономические и социальные институты. Еще раньше они узнали свойства металлов, особенно меди, и начали изготавливать ору-

дия труда и разнообразное оружие. Открытие металла дало им неоспоримые преимущества над соседями, которые по старинке продолжали пользоваться орудиями из камня. В предыдущие века на основании долгого опыта, отправной точкой которого наверняка стало случайное открытие, они поняли, что определенные дикие растения, произраставшие в их местности, можно выращивать самостоятельно, а некоторых диких животных — приручать. Таким образом, из собирателей, кочевавших с места на место в поисках пищи, люди превратились в ее производителей. Это привело к оседлому образу жизни с присущим ему земледельческим укладом и сделало возможным постепенное накопление богатства и рост населения. Жителям Ближнего Востока крайне повезло: этот регион отличался благоприятным климатом, богатой флорой и фауной, без чего переход от кочевой жизни к оседлой был бы просто невозможен.

Немаловажную роль в истории народов играет также перемещение технических новшеств и духовных достижений из регионов, где они появились, в другие районы. Попав на Европейский материк, они послужили своего рода прелюдией к античной греко-римской цивилизации, от которой ведет свою родословную и современная западная цивилизация. Еще столетие назад величина долга Европы перед Ближним Востоком едва ли осознавалась. Археологи и ботаники утверждают, что предков европейской пшеницы и ячменя следует искать среди диких злаков, по-прежнему произрастающих в Сирии, Ливане и Палестине. Предки одомашненных европейских овец когда-то паслись на огромном нагорье, простирающемся от Анатолии до Ирана. Древнекритские ремесленники, занимавшиеся изготовлением изделий из металла, следовали традициям египтян и сирийцев. Несомненное сходство прослеживается между доисторическими керамическими изделиями из Восточной Европы и аналогичными

изделиями из Западной Азии. Миграция, завоевания и торговля предоставляли новые возможности для обмена. Анатолия, Финикия (Ливан) и Египет служили своего рода мостами распространения материальной культуры, а Крит в Средиземноморье и Микены на юге Греции были чем-то вроде трамплинов.

Одомашнивание растений и животных, выплавка металлов, изготовление изделий из керамики и другие полезные открытия — не единственные дары, принесенные в Европу с Ближнего Востока. Неотъемлемой частью нашей повседневной жизни стали самые разные вещи, доставшиеся нам в наследство от жителей этого региона. Наша семидневная неделя ведет начало от библейского сюжета о Сотворении мира, основанного, в свою очередь, на семитской системе исчисления, в которой имеется число семь. Древние семиты Месопотамии (вавилоняне) почитали семь планет, первой из которых, Солнцу, они посвящали первый день недели. Второй планете, Луне, был посвящен второй день — наш понедельник. Седьмая планета, Сатурн, дала нам субботу. То, что мы делим час на шестьдесят минут, а минуты — на шестьдесят секунд, то, что окружность равняется 360 градусам, — все это также пришло к нам из древней Месопотамии. Европейский солнечный календарь через Древний Рим унаследован нами от цивилизации Египта.

Еще более значимыми, нежели эти нити культуры, вплетенные в ткань нашей цивилизации, являются различные интеллектуальные и духовные элементы, позаимствованные из сокровищницы древней Финикии и Палестины. Финикийцы, далекие предки современных жителей Ливана, изобрели алфавит, который затем подарили всему цивилизованному миру. Первыми, кто придумал пиктографическую систему письма, были жители Месопотамии (шумеры), а позднее — египтяне, но именно финикийцы преобразовали эти картинки в менее многочисленные, но

более простые и удобные знаки, знание которых на протяжении веков высоко ценилось, ибо было неотъемлемым условием полноценной интеллектуальной жизни.

Неоценима и духовная сторона жизни жителей Палестины. Здесь зародились и были взлелеяны такие религии, как христианство и иудаизм. Их детище, ислам, третью великую мировую религию, взрастили предки современных арабов, жившие на сопредельных с Палестиной землях. Все три религии являются продуктом духовного опыта и гения одного и того же народа, семитов, а благодаря изобретенному финикийцами алфавиту стало возможным сохранить в письменном виде и передать последующим поколениям эти великие послания и этические доктрины.

В эпоху Средневековья арабы-мусульмане, наследники семитской и, хотя и в меньшей степени, эллинистической традиции высоко несли факел просвещения по значительной части цивилизованного мира. Из столицы Сирии, Дамаска, они правили державой, простиравшейся от Атлантики до Центральной Азии. Позднее из своей новой столицы, Багдада, они распространили по территории своих бескрайних владений переводы и толкования древнегреческих, персидских и индийских трудов по философии и естественным наукам, а также литературные произведения. Из мавританской Испании, Сицилии и Сирии, куда пришли крестоносцы, часть этих интеллектуальных сокровищ попала в Европу, став мощной силой, давшей толчок эпохе Возрождения. Благодаря арабам в наш лексикон прочно вошли такие слова, как «алгебра» и «цифра» в математике, «зенит», «надир» и другие термины — в астрономии, а также слова «алкоголь» и «алхимия». С Ближнего Востока в Европу пришли сахар, кофе, апельсины, лимоны, атлас, диван и матрац.

Столь богатый и разнообразный исторический опыт и широкое распространение его результатов обусловлены в первую очередь благоприятным географическим положением как в региональном, так и глобальном отношении. Находясь на перекрестке миров, Ближний Восток в Древнем мире являлся мостом, соединявшим три континента. Он также служил связующим звеном между Черным и Средиземным морями с одной стороны и Индийским океаном и Аравийским морем — с другой. Когда цивилизованный мир был относительно мал, Средиземное море было в буквальном смысле средиземным, расположенным посреди обитаемого мира. Его воды служили финикийцам огромным озером, прежде чем оно перешло в руки греков и римлян. Впоследствии его восточная часть оказалась во власти правителей Османской империи. Наступление через несколько столетий века воздухоплавания превратило Бейрут и Каир в крупные международные аэропорты.

В самом сердце этого удивительного региона в разное время побывали мечтавшие о мировом господстве честолюбцы от Александра Македонского до Наполеона Бонапарта. Именно здесь они пытались осуществить свои грандиозные замыслы. Легендарная Троянская война XII в. до н. э. велась не столько из-за прекрасной спартанской царицы Елены, сколько ради контроля над Дарданеллами. Англо-египетские противоречия середины XX в. обусловлены стремлением противоборствующих сторон обладать Суэцким каналом. Веком ранее соперничество между Великобританией, Францией и Россией за сферы влияния на землях одряхлевшей Османской империи привело к Крымской войне. Все это делает историю Ближнего Востока историей не только Моисея, Христа, Зороастра и Мухаммеда, но и Дария и Александра Македонского, Цезаря и Клеопатры, Саладина и Ричарда Львиное Сердце, Чингисхана и Хулагу, Наполеона и Алленби.

В последнее время в связи с открытием богатейших месторождений нефти важность этого региона заметно возросла. По оценкам аналитиков, в недрах стран Аравийского полуострова, Ирака и Ирана находится 62 процента мировых запасов жидкого черного золота. Жизненно важная для промышленности в мирное время, в тревожные дни войны она поистине становится на вес золота. Ее наличие в таких огромных количествах еще более усилило геополитическую важность Ближнего Востока, особенно если учесть напряженность в отношениях между Западом и Востоком.

На протяжении последнего из описанных в данной книге периода мировой истории государства Ближнего Востока по-прежнему находились в состоянии перехода от Средневековья к современности. Под давлением стран Запада они начали перестройку своих традиционных политических, экономических и социальных институтов, однако не вполне достигли стабильности. Политическое брожение усугублялось заимствованием европейских националистических доктрин и иных идеологий. Интеллектуальным пробуждением, которое тогда переживал этот регион, он в значительной степени обязан Европе. Одновременно к жителям Ближнего Востока пришло и осознание той великой роли, которую в прошлом играли их предки. В XX в. арабы не уставали вспоминать славную эпоху мусульманского халифата, столицами которого когда-то были Медина, Дамаск, Багдад и Каир. Иранцы все чаще и чаще задумывались о том, что являются потомками Дария и Ксеркса. Турки-кемалисты не забывали, что в числе их далеких предков были хетты. Не будет преувеличением сказать, что славное прошлое Ближнего Востока никуда не исчезло. Оно до сих пор живо как в культуре европейцев и американцев, так и (причем в еще большей степени) в жизни и душах жителей Ближневосточного региона.

Глава 2

ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Примерно за сто тысяч лет до нашей эры, когда Северная Европа лежала под толщей снега, а горы Южной Европы представляли собой ледники, климатические условия на Ближнем Востоке были более благоприятными. По всей видимости, когда-то здесь выпадало достаточное количество осадков. Там, где сейчас способна выжить лишь верблюжья колючка, раньше пышно произрастали деревья и кустарники. В период, предшествовавший зарождению цивилизации, в результате отступления ледников в Евразии началось иссушение почв. Руслу полноводных рек превратились в так называемые сухие вади, которые сегодня можно увидеть в пустынях Египта, на Аравийском полуострове и на Иранском нагорье. Иссушение продолжилось и в более поздние времена, но на этот раз оно было частично вызвано тем, что ирригационные сооружения разрушались в результате войн или отсутствия надлежащего присмотра, а также по причине варварского уничтожения лесов и бесконтрольного выпаса скота. Таким образом, почва постепенно лишалась укреплявших ее корней растений, что приводило к ее эрозии и вымыванию плодородного слоя дождями. Пересохшие ручьи и покинутые поселения на окраинах Сирийской пустыни, разрушенные деревни на границах заброшенных караванных путей на Иранском нагорье — результат разрушительного воздействия людей, а не природных стихий.

Горные цепи, что тянутся вдоль западных границ региона, от Турции через Ливан к Аравийскому полуострову, встают на пути западных воздушных масс, формирующихся над водами Атлантики или Средиземного моря и несущих жизненно необходимую влагу в виде дождей. По-

сколько осадки выпадают преимущественно в горах, во внутренней части материка образуется засушливая зона. Вследствие этого обширные внутренние области получают минимальное количество осадков. Дожди в достаточных количествах, как правило, выпадают зимой, и то лишь на побережье и в речных долинах, принося облегчение от жаркого лета и давая возможность возобновить сельскохозяйственную деятельность. Большая часть осадков в виде дождей выпадает в декабре—феврале.

Эти климатические особенности региона определили два основных вида занятий местного населения — оседлое земледелие и кочевое скотоводство. Так, например, пустынные земли Малой Азии, Сирии, Ирана и Аравийского полуострова, а также окраины Ирака и Египта населяют кочевники-бедуины. Однако в Ираке и Египте образ жизни людей иной по причине протекающих здесь трех крупных рек. Территория Ливана настолько гориста и узка, что там практически нет места для бросовых земель или пустынных окраин. Анатолийское нагорье достигает высоты 800—2000 метров над уровнем моря, а Иранское — 500—2000 метров и занимает примерно половину территории страны. На севере Ирана возвышается горная цепь Эльбурс, а на юге простирается горный массив Загрос. На обоих нагорьях зимой очень холодно, а летом чрезвычайно жарко, особенно в июле и августе. Средняя январская температура в Анатолии составляет 15 градусов Цельсия, а июльская — плюс 46 градусов. Годовое количество осадков — 250—425 миллиметров.

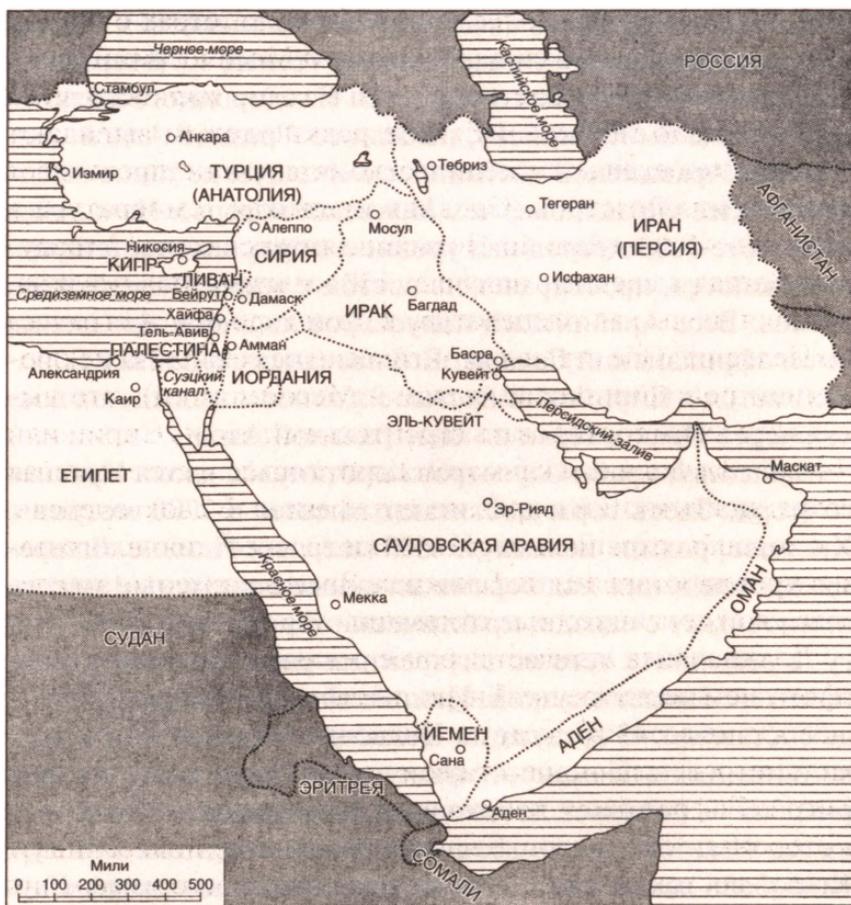
Горные цепи Тавр и Антитавр в Южной Анатолии хотя и затрудняли контакты с семитскими, а позднее арабскими племенами, однако никогда не служили непреодолимой преградой. А вот горы и климат Анатолии препятствовали смещению местного населения с семитами и арабами. Точно так же горные барьеры Эльбурса и Загроса препятствовали семитизации или арабизации иранцев, несмотря на

то что основная масса населения всегда тяготела к Западу и преимущественно поддерживала тесные культурные и торговые связи скорее со странами Плодородного полумесяца (Ливаном и Сирией), нежели со Средней Азией.

Горы Аравийской тектонической плиты не такие высокие и более засушливые, чем Иранское нагорье. Начинаясь на высоте 1000 метров над уровнем моря, они постепенно понижаются, простираясь на восток к водам Персидского залива. Весь Аравийский полуостров является продолжением африканской Сахары. Его песчаная сердцевина продолжается в Сирийской пустыне и тянется дальше на восток через Ирак и Иран до Центральной Азии.

Западный край полуострова протянулся вдоль Красного моря. Здесь горы достигают высоты в 2700 метров в Хиджазе, родине ислама, и 4600 метров в Йемене. За время прохождения над горами влажные воздушные массы, приносимые с запада, практически теряют всю свою влагу, в результате чего во внутренних районах полуострова почти не бывает осадков. Июньская температура в Джидде составляет 43 градуса по Цельсию. На всем полуострове один лишь Йемен — знаменитая Счастливая Аравия римлян — получает достаточное количество осадков для выращивания различных сельскохозяйственных культур. Колыбель ваххабизма, Неджд, где правит династия Саудидов, является ядром северной части полуострова. Температура в Эр-Рияде в июне—июле достигает отметки 43 градусов. Аравийский полуостров, крупнейший во всем регионе, не имеет рек, впадающих в море, равно как и каких-либо озер. Его южная пустыня, Руб-эль-Хали, занимает площадь в 650 тысяч квадратных километров. В этот безлесный и безводный край нога европейца впервые ступила лишь в 30-х гг. XX в.

На восточном роге Плодородного полумесяца, между двумя реками, Тигром и Евфратом, протянулась огромная долина. На западном роге находится другая долина — вели-

Ближний Восток

кой африканской реки Нил. И Египет, и Нижняя Месопотамия (современный Ирак) в буквальном смысле облагодетельствованы водами этих рек. Все живое в этих засушливых, не получающих осадков долинах зависит от их полноводности. Здешние плодородные аллювиальные почвы представляют собой наносы речного ила, в течение столетий оседавшего на берегах, за исключением устьев, где их вымывало в море. Эриду, морской порт древних шумеров,

ныне располагается более чем в 240 километрах от побережья Персидского залива. В Египте и Месопотамии весна и осень очень короткие, лето чрезвычайно жаркое, а зима относительно мягкая. В Египте редкие дожди выпадают лишь на побережье, и количество осадков не превышает двухсот миллиметров. Средняя июльская температура в Каире — 45 градусов по Цельсию, январская — 12 градусов. Багдад в среднем получает 130 миллиметров осадков, средняя июльская температура в этом городе — 42 градуса по Цельсию. Обе страны практически безлесны (за исключением рощ финиковых пальм в Месопотамии), что вынуждает их импортировать строительный лес из Сирии или Ливана. Засушливым климатом Египта объясняется хорошая сохранность мумий и древних артефактов. В свою очередь, эти хорошо сохранившиеся остатки далекого прошлого позволили работавшим на Ближнем Востоке археологам сделать свои сенсационные открытия.

Долина Нила отличается более ровным климатом и рельефом, чем междуречье Тигра и Евфрата. Эта река, дарящая жизнь всему живому на протяжении нескольких тысяч километров, плавно несет свои воды по плоской равнине. Тигр и Евфрат берут начало в горах Армении и, расходясь в стороны, текут на юг. Евфрат неожиданно поворачивает на юго-восток, как будто отказываясь от своего намерения влиться в Средиземное море, тогда как Тигр несет свои воды вдоль гор Загроса. Тигр не позволяет создать большое число поселений между Мосулом и Багдадом и тем более между Багдадом и побережьем Персидского залива. Прежде чем отдать свои воды Персидскому заливу, две великих реки сливаются воедино. И Тигр, и Евфрат не раз меняли свое русло, что является угрозой как для местных жителей, так и археологов. Наводнения на обеих реках в отдельные годы бывают катастрофическими и наносят экономике Ирака значительный ущерб. Что касается Египта, то он всегда был защищен со всех сторон водой и пусты-

нями. Междуречье более уязвимо перед лицом врага и не раз становилось жертвой вторжений из Элама и Ирана с востока, набегов кочевых племен Аравийского полуострова с юга и недружественных соседей с запада.

Эти различия в географическом положении двух речных долин определили и специфику зародившихся здесь когда-то цивилизаций. Шумеры и вавилоняне чувствовали себя уязвимыми перед лицом капризных сил природы, олицетворением которых были разнообразные боги. Неудивительно, что они создали довольно пессимистическую философию. В политическом отношении эти земли оставались разобщенными до установления власти семитских племен под господством Хаммурапи. Древнеегипетская цивилизация в силу своей изолированности находилась в большей безопасности и достаточно долго существовала в условиях мира. Египтяне выработали более оптимистичный взгляд на жизнь. Их боги, подобно величавому Нилу, были щедры и благосклонны к людям. Египет обрел политическое единство на тысячу лет раньше, чем Месопотамия. Мирная жизнь обитателей долины Нила была нарушена лишь в конце XVIII в. до н. э., когда на земли Египта из Сирии вторглись воинственные гиксосы. Позднее, после тысячи лет мира и процветания, на египтян напал новый враг — ассирийцы.

Горная цепь, что протянулась вдоль восточного побережья Средиземного моря, на территории Сирии вздымается на высоту примерно 1700 метров, а в Западном Ливане — на высоту 3700 метров. Параллельно горам Западного Ливана тянется еще одна горная цепь, Антиливан, с вершиной Хермон (Джебель-эш-Шейх), с которой открывается вид на Палестину. Именно здесь выпадает основная масса осадков, приносимых морскими воздушными массами, практически ничего не оставляя внутрен-

ней части страны. Если в Бейруте среднегодовая норма осадков составляет 875—900 миллиметров, то в Дамаске — лишь 250 миллиметров. В Бейруте среднегодовая температура равна 36 градусам по Цельсию, однако лето более влажное и менее комфортное, чем в Дамаске с его более высокими температурами. Прибрежная полоса Ливана с примыкающими к ней горными склонами превращает эту часть страны в настоящий благоухоанный сад Востока.

Палестина представляет собой геологическое продолжение Ливана, а Трансиордания — продолжение горной цепи Антиливан и Сирии. Побережье Ливана переходит в равнину Шарон, простирающуюся от горы Кармель до Филистии. Горы Палестины имеют максимальную высоту 1000 метров и расположены к северу от Сафада. В Иерусалиме, расположенном на высоте 850 метров над уровнем моря, средняя июльская температура составляет 40 градусов по Цельсию, январская — 24 градуса.

Таковы географические декорации той сцены, на которой Ближний Восток исполняет свою роль, демонстрируя нам свою удивительную историю от первобытных времен и до головокружительного взлета цивилизации.

Глава 3

РАННИЕ ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ КУЛЬТУРЫ

В своем медленном, но верном развитии до состояния, которое можно назвать цивилизованным, первобытное общество прошло три основные стадии хозяйственной организации: собирательство, производство продуктов питания и ремесленничество. Эти этапы обозначили эволюцию от дикости к варварству, а затем к цивилизации. В данном регионе все три были пройдены в дописьменный период.

Первая стадия была самой долгой и является наименее изученной; длилась она около полумиллиона лет. В этот период человек употреблял в пищу растения и мясо диких животных в сыром виде. Такой образ жизни вынуждал его с регулярной частотой менять место обитания. У первобытного человека не было ни досуга, ни постоянного дома, ни организованного общества. Незадолго до конца этого периода он тем не менее совершил одно из первых важных открытий, а именно понял, что можно одомашнить животных и окультурить растения. Таким образом, человек впервые получил некоторую власть над источниками собственного существования. Теперь он не находился в полной зависимости от окружающей среды. В его существовании появилась надежная основа. Так начался второй этап экономического развития человечества. Однако граница между этими двумя стадиями не была четкой, а растянулась надолго. Даже сегодня мы не можем утверждать, что одна из них полностью исключает другую.

Вторая стадия была значительно короче и продолжалась всего несколько тысячелетий. Единственным материалом для изготовления орудий труда оставался камень. Самым распространенным орудием был грубо обтесанный каменный ручной топор, который со временем уступил место полированному каменному инструменту, который мог использоваться в качестве ножа, пилы, резца, топора и оружия. Таким образом, ранний каменный век, палеолит, перешел в поздний, неолит. Человек преодолел еще одну ступеньку лестницы прогресса.

К концу каменного века человек в очередной раз по воле случая сделал важное открытие. Теперь он научился превращать бесформенную глину в кувшины и сосуды, прутья — в корзины, шерсть животных — в ткань. Но, что еще важнее, человек научился формовке такого ковкого материала, как металл, создавая из него более совершенные орудия труда и оружие. Так на заре третьей стадии воз-

никло ремесло. Гончарное дело, ткачество и обработка металла стали предпосылками для возникновения организованного общества и городов, в которых человек мог реализовать свои интеллектуальные, духовные и творческие устремления. Если на первом этапе он был дикарем, а на втором — варваром, то теперь он мог называться цивилизованной личностью. Однако полноценная система письменности еще не была создана. Единственные свидетельства человеку того времени дошли до нас в виде орудий труда, оружия, фрагментов керамики и костных останков.

Ближний Восток, в частности Анатолийское плоскогорье и регионы Сирии, Ливии и Палестины, обладал неплохими климатическими и природными условиями для обитания древних людей. Земли Египта и Месопотамии были слишком болотистыми и потому плохо пригодными для жизни. На протяжении практически девяноста восьми процентов времени своего существования на земле человек питался дикорастущими злаками, ягодами, семенами, фруктами и овощами, мясом таких диких животных, как олени, газели, кабаны, козы и овцы. Всей этой флоры и фауны в данном регионе хватало в изобилии. И все же жизнь человека в те далекие времена была полна опасностей — ей постоянно угрожали и непредсказуемые природные явления, и дикие животные, и братья по разуму.

Исследуемая территория оказалась богата месторождениями кремня, осколки которого в своей борьбе за выживание наши доисторические предки научились обрабатывать с двух сторон и использовать в качестве топора. Таким образом, они получили не только полезное орудие труда, но и эффективное оружие. Двумя эпохальными достижениями человека раннего каменного века были членораздельная речь и огонь. Приручение огня стало поистине революционным открытием: с его помощью человек

научился улучшать вкусовые качества пищи и защищать тело от холода. Самые ранние следы угля, оставленные человеком, были обнаружены в пещерах горы Кармель и датируются временем, отстоящим от нас на 150 тысяч лет. Но наиболее важным было появление речевого способа коммуникации с соплеменниками. Речь подняла человека на следующую ступень развития, провела четкую грань между ним и животными, способствовала объединению индивидов в группы.

Прошло много веков, прежде чем человек понял, что можно и дальше совершенствовать каменные орудия труда, заостряя их края посредством сколов. Когда отшлифованные инструменты и оружие получили повсеместное распространение, наступил поздний каменный век, который продлился гораздо короче раннего. Большое количество каменных орудий этого времени было найдено археологами на территории современных Сирии, Ливии и Палестины.

Ближе к концу этого периода человек сделал первые шаги к целенаправленному возделыванию земли и приручению животных. Данный регион был богат не только злаковыми культурами, здесь также произрастали оливки, финики, виноград и фиги. По всей вероятности, все началось тогда, когда зерна диких злаков просыпались на землю рядом со стоянкой древних людей и вскоре дали обильные всходы. Человек понял, что можно самостоятельно культивировать злаки, фрукты и овощи. Так появился первый земледелец. Вскоре он взял на себя и функцию скотовода. Возможность приручения животных, по всей видимости, тоже была обнаружена случайно. Этот длительный процесс можно гипотетически проследить, рассмотрев по очереди его ключевые моменты. Дикий зверь, родственник волку, периодически заходит на стоянку людей, кормится оставшимися от трапезы объедками, иногда его подкармливает какой-нибудь сердобольный чело-

век. Животное постепенно привязывается к этому месту. Возникает взаимное доверие. Так волк превращается в собаку. Это первый и навсегда оставшийся лучшим другом человека среди животных. Наскальные рисунки в пещерах горы Кармель являются наиболее ранними историческими источниками, содержащими сведения о прирученной собаке. Мумии собак в древнеегипетских гробницах свидетельствуют о той любви, которую питал человек к своему четвероногому другу. В этот период были одомашнены и другие животные. Самым ранним изображением домашней овцы является рисунок на шумерском сосуде 4-го тыс. до н. э. Первым тягловым животным был осёл. Лошадь появилась позже, затем был приручен верблюд. Оба этих вида копытных были впервые одомашнены именно на Ближнем Востоке. В эпоху письменности в данный список не добавилось ни одного нового животного.

Освоив земледелие и скотоводство, человек отказался от кочевого образа жизни. Поселения превратились в деревни, а они, в свою очередь, — в города. Сложились все предпосылки для возникновения частной собственности и права на землю. Росло население, менялось социальное устройство. Остатки поселений 5-го тыс. до н. э., найденные в Библие и Иерихоне, считаются самыми древними в мире. Более поздние поселения располагаются на севере современной Сирии и в Ираке.

Уже на ранних стадиях освоения земледелия человек понял, что нуждается во вместилищах для хранения и перевозки той части продовольственного запаса, которую он не мог употребить в пищу сразу. Первым решением этой проблемы было изобретение мешков, сделанных из шкур животных, затем появились корзины, которые плели из прутьев или жесткой травы. Постепенно к человеку пришло осознание того, что глине также можно придавать

Расписные керамические сосуды доисторических времен из Месопотамии. Из коллекции университета штата Орегон

любую необходимую форму и фиксировать ее посредством воздействия на нее высоких температур. Со временем эта техника совершенствовалась и превратилась в гончарное искусство.

Наиболее ранние экземпляры керамики, датируемые примерно концом 5-го тыс. до н. э., были найдены в Тель-Халафе (на берегу притока Евфрата), Тель-Джудейде и Иерихоне. Прошло еще одно тысячелетие, прежде чем появился гончарный круг. Его изобретение стало очередным эпохальным событием — оно не только позволило улучшить технологию изготовления керамики, но и привело к созданию повозок и колесниц. Изобретение колеса положило начало эре продолжительных сухопутных и водных перемещений. Вся современная экономика до сих пор работает благодаря колесам.

После освоения гончарного дела человек занялся обработкой металла. Несмотря на то что месторождения меди в изобилии присутствовали на территории Анатолии, Ар-

мени, Аравии и Синайского полуострова, металл начал широко использоваться лишь в 3-м тыс. до н. э. Обработка металла проводилась в четыре нелегких этапа: разработка месторождений, добыча руды, плавка иковка. Постепенно медь вытеснила камень, и началась новая эпоха в истории человечества. Эра металла, начавшаяся с меди, получила название бронзового века, когда человек обнаружил, что медь, сплавленная с оловом, получается более прочной. Это открытие было сделано в Шумере, где бронзовый век продлился приблизительно до XII в. до н. э. Тем временем в Анатолии в XIV в. до н. э. хетты уже вводили в обиход предметы из железа. Еще один важный шаг вперед был сделан, когда человек научился делать из железа сталь.

Использование металла облегчило труд человека и способствовало развитию экономики. Без металла были бы невозможны ни прокладка удобных дорог, ни рытье длинных каналов, ни строительство морских судов, ни возведение монументальных сооружений. Человечество до сих пор живет в эру металла, который продолжает играть ведущую роль в материальном прогрессе современного человечества.

Все эти достижения Ближнего Востока были важны сами по себе, однако они приобрели еще большее значение, распространяясь в других регионах. Ближний Восток значительно опередил своих соседей и послужил моделью развития для Европы. Когда обитатели Ближнего Востока эпохи позднего каменного века делали успехи в освоении земледелия, скотоводства и производства кремневых орудий, их западноевропейские собратья все еще гонялись за дикими животными, размахивая грубо сделанным и неудобным каменным топором. Когда же жители Ближнего Востока занялись гончарным делом и ткачеством, а также изготовлением инструментов из металла, западноевропейцы все еще не добрались в своем развитии до позднего каменного века, который пришел в Восточную Европу лишь

в 3-м тыс. до н. э. Сложно сказать, что именно было причиной распространения земледелия и одомашнивания животных: миграция племен из Анатолии, культурный синтез или и то и другое. Но точно известно одно: одомашнивание растений и животных берет свое начало на Ближнем Востоке.

В Восточной Европе медь получила распространение около 2000 г. до н. э., то есть спустя тысячелетие после ее открытия в Западной Азии. Закономерно предположить, что западноазиатские купцы способствовали распространению металла на Крите, островах Эгейского архипелага и в материковой Греции. Железо проникло в Европу лишь в X в. до н. э. — столетиями позже, чем начало использоваться в Западной Азии.

Однако эти открытия и изобретения относятся к доисторической эпохе, которая не знала письменности. В то время человек не обладал навыками графической фиксации собственного опыта, сохранения и передачи накопленных знаний следующим поколениям. Он не умел писать. Именно письменность явилась тем порогом, переступив который человек шагнул из доисторического века в историю. Наличие письменности до сих пор считается главным критерием отличия цивилизации от варварства.

Самые ранние дошедшие до нас элементы письменности были найдены в Междуречье и датируются концом 4-го тыс. до н. э. С этого времени начинается история цивилизованного человечества, которая, таким образом, укладывается в 5000 лет, что во много раз меньше продолжительности доисторического периода, а он, в свою очередь, ничтожно мал по сравнению с возрастом Вселенной. Если условно представить всю историю человечества в виде двенадцати часов одного дня (от полуночи до полудня), то эпоха письменности началась примерно в 11 часов 53 минуты утра. Крестовые походы имели место 1 минуту 44 секунды назад, Колумб открыл Америку 55 секунд назад.

Первая относительно простая и удобная система письменности была создана в досемитской Месопотамии. Форма шумерской клинописи обусловлена материалом и методом нанесения — надавливая на сырую глиняную табличку, палочка писца оставляла клинообразные отпечатки. Для затвердевания таблички оставляли на солнце или обжигали в печи. В другой стране рассматриваемого региона, Египте, была выработана вторая по древности система письменности, состоявшая из иероглифов, которые использовались жрецами преимущественно в религиозных целях. И клинопись, и иероглифы представляли собой силлабические, а не алфавитные системы письма и выросли из письма пиктографического, рисуночного. Клинопись получила распространение в Вавилоне, Ассирии и других государствах Месопотамии и широко использовалась вплоть до I в. н. э. Долгое время никто не мог прочитать клинописные таблички, пока в 1837 г. клинопись не была расшифрована английским ученым. Незадолго до этого аналогичная попытка французского исследователя Шампольона прочитать египетские иероглифы также увенчалась успехом. Благодаря этим открытиям европейцы получили возможность приобщиться к религиозному, литературному, историческому и научному наследию Египта и Вавилона.

Опираясь на аутентичные письменные источники и данные археологии, ученые получили возможность воссоздать эволюцию человеческого общества на ранних стадиях его развития. Небольшие поселения на берегах Евфрата и Нила объединялись или расширялись, превращаясь в города. Те превращались в города-государства, которые посредством завоевания или заключения союзов трансформировались в более крупные политические объединения — царства. Верховное божество города-победителя автоматически становилось во главе пантеона нового государства. К 2900 г. до н. э. два царства Верхнего и Нижнего Египта объединились под властью одного правителя, Менеса, ставшего, таким

образом, основателем I египетской династии. Фараоны (дословно «великий дом») считали себя земным воплощением Хора, верховного божества Нижнего Египта. В Шумере лишь в 2255 г. до н. э. правитель Урука заявил, что «покорил земли от восхода солнца до заката и проложил путь от Нижнего Моря к Верхнему» (то есть от Персидского залива к Средиземному морю).

Этническая принадлежность жителей Шумера до сих пор остается неясной. Скульптурные изображения дают основание полагать, что шумеры представляли собой нечто среднее между долихоцефальным средиземноморским и брахицефальным арменоидным типами. Их язык не имеет аналогов ни среди современных, ни среди мертвых языков. Египтяне относятся к хамитской ветви народов, которые якобы ведут свое происхождение от Хама, второго сына Ноя. Вавилоняне, ассирийцы, финикийцы (хананеи) и арабы известны под названием семитов и ведут свое происхождение от его старшего сына Сима. Строго говоря, термины «семиты» и «хамиты» характеризуют лингвистическую, а отнюдь не расовую принадлежность народов. Обе ветви языков имеют общий корень. Семитские и хамитские народы принадлежат к средиземноморской ветви белой расы.

Глава 4

ЭПОХА ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ

Самым первым семитом, чье имя, покрытое славой, вошло в историю, был царь Аккада Саргон, правивший в середине XXIV в. до н. э. Он также упоминается в Ветхом Завете (Быт., 10: 10). Саргон разгромил Шумер, которым правил Лугальзагези, объединил и укрепил государства Междуречья. Границы его царства простирались до Элама на востоке и Северной Сирии на западе. Так Саргон стал создателем первой в мире великой державы. К экс-

пансии на запад его подтолкнули богатые месторождения меди, а также кедровые леса, в изобилии произраставшие на завоеванных территориях. Внук Саргона отодвинул северную границу, завоевав Ассирию, и тем самым подтвердил титул «царя четырех сторон света».

В Египте политические и династические институты сформировались гораздо раньше, чем в Вавилонии, однако это не делало страну автоматически великой державой. У преемников Менеса не было соседей, которым можно было бы угрожать или от кого самим ждать угрозы. Практически сразу был предпринят ряд торговых и хозяйственных — но отнюдь не военных — экспедиций в Ливан за кедровым деревом и на Синай за медью и бирюзой. В ступенчатой пирамиде Джосера (ок. 2650 до н. э.) в Саккаре (древний Мемфис) были найдены самые ранние остатки ливанского кедра. Двор Джосера прославился благодаря Имхотепу, придворному архитектору, врачу, советнику и магу, которого египтяне, а затем и греки почитали за его заслуги в медицине. Гробница первого в истории интеллектуала была обнаружена в январе 1965 г. В 1954 г. была найдена сделанная из древесины кедра прогулочная лодка Хеопса (Хуфу) (середина XXVI в. до н. э.), основателя IV династии и строителя величайшей пирамиды в Гизе (возле Каира). Когда Святое семейство бежало в Египет, представшие их взорам пирамиды были в прямом смысле покрыты седьмой веков. Древние греки были настолько потрясены величию этих грандиозных сооружений, что ставили их на первое место среди семи чудес света. Из всех семи только пирамиды сохранились до наших дней почти не тронутые временем. Кроме того, они стали первыми монументальными сооружениями в истории.

К XXII в. до н. э. в Египте закончился период Древнего царства, с вступлением на трон представителей выдающейся XII династии началась эпоха Среднего царства. В период их правления страна на протяжении длительного

времени находилась в состоянии мира, прогресса и невиданного дотоле процветания. Благодаря ирригационным работам болотистые окрестности Фаюма (Меридово озеро) превратились в главную житницу страны. Еще одно важное гидротехническое сооружение той эпохи — канал, прорытый при Сенусерте III. Он соединил Нил с Красным морем и сделал возможной навигацию в Средиземном море. Были предприняты торговые экспедиции в страну Пунт (современные Сомали и Йемен) за слоновой костью, эбеновым деревом, леопардовыми шкурами, ладаном и пряностями. Общее благоденствие отразилось и на расцвете архитектуры и изобразительного искусства. На этот период приходится век классической египетской литературы и рождения новых жанров. Типичным примером может служить сказка о странствиях Синухета, о которой подробнее речь пойдет чуть ниже.

Имперский век египетской истории начался с правления Яхмоса (1570—1545 до н. э.), основоположника XVIII династии. Столицей государства стали Фивы (Луксор и Карнак). Пассивная изоляционистская внешняя политика сменилась динамичной политикой агрессии и экспансии. Эта перемена была во многом обусловлена необходимостью изгнания из страны гиксосов («правителей чужеземных стран», или «царей-пастухов»), чей гнет довлел над Нижним Египтом в течение полутора столетий. Их правление стало первым унижением национальной гордости египтян. Этнически гиксосы были семитами из Сирии и Ливии. Благодаря им в долине Нила появились лошади и боевые колесницы. Именно при дворе гиксосов добился успехов Иосиф, и в стране появились поселения евреев.

Выдворив гиксосов за пределы своего государства, Яхмос не остановился на достигнутом и встал на тропу территориальных завоеваний. Один из его преемников, Тутмос III

(ок. 1502—1448 до н. э.), провел шестнадцать военных кампаний, дойдя до восточного берега Евфрата. В исторической литературе Тутмоса часто называют Наполеоном Древнего Египта. На стенах его храма в Фивах высечены названия завоеванных им городов и перечислены захваченные в этих походах трофеи. При Тутмосе в состав египетской державы вошла Нубия. В течение некоторого времени соправительницей Тутмоса была его сестра, одновременно являвшаяся и его женой, — Хатшепсут. Она стала первой женщиной, вошедшей в политическую историю. Обелиски, воздвигнутые в ее честь, а также в честь ее мужа, теперь украшают площади и парки Стамбула, Рима, Лондона и Нью-Йорка.

Преемникам Тутмоса недолго удавалось сохранять завоеванные им территории. Аменхотеп IV (Аменофис IV, около 1377—1361 до н. э.) уделял больше внимания религии, нежели внешней политике.

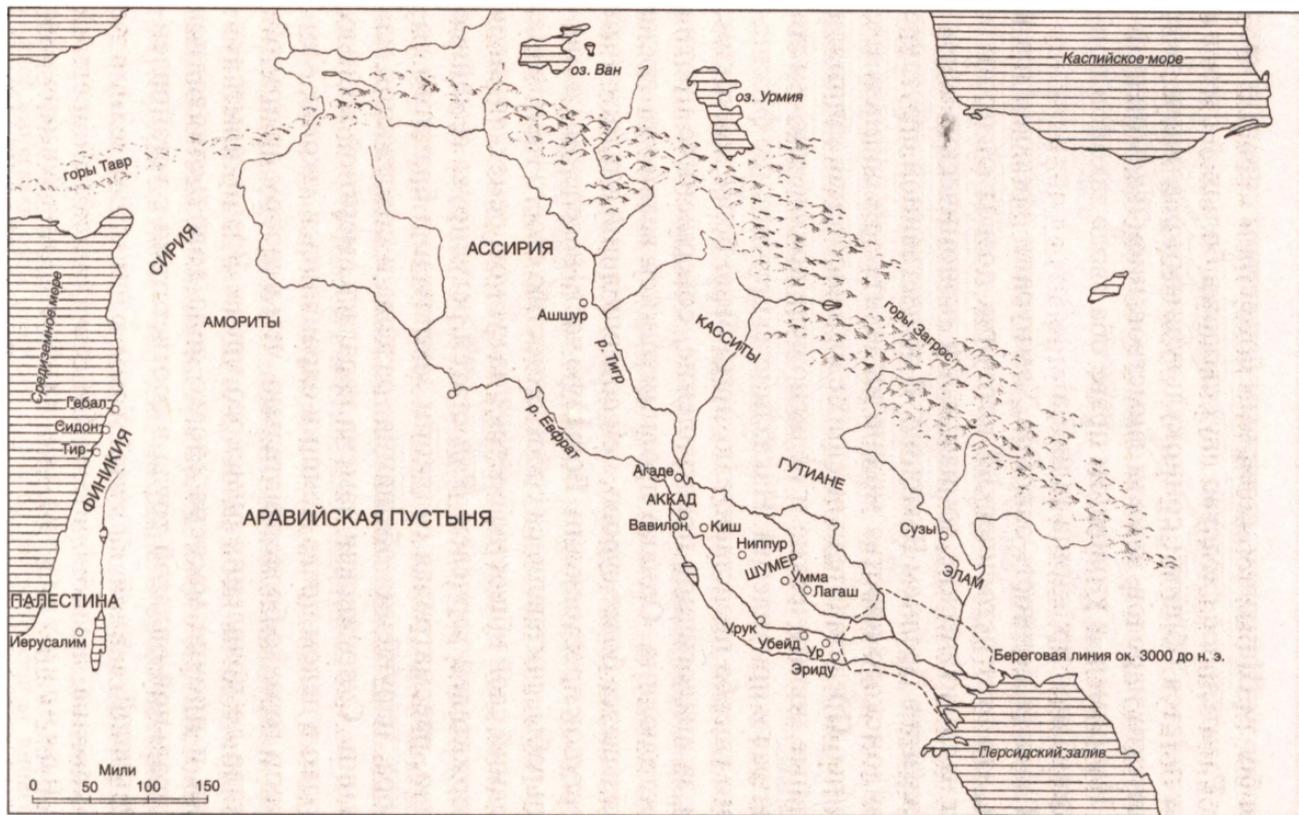
Тяготясь возросшим влиянием фиванских жрецов главного божества, Амона-Ра, Аменхотеп возвысил своего любимого бога Атона, изображаемого в виде солнечного диска с дающими жизнь лучами, и поставил его во главе пантеона. Фараон взял себе новое имя — Эхнатон («величие Атона») и перенес столицу в Ахетатон («горизонт Атона», современная Тель-эль-Амарна). Эхнатон по праву считается яркой личностью в истории, однако было бы не совсем корректно считать его монотеистом. Его прекрасная жена Нефертити разделяла религиозные взгляды мужа. находка в Тель-эль-Амарне клинописных архивов фараона Аменхотепа стала сенсационным событием конца XIX в. Этот свод документов позволил пролить свет на историю Древнего Египта и Западной Азии. Еще одним важным научным открытием, на этот раз в археологии, стало обнаружение гробницы Тутанхамона (ок. 1361—1352 до н. э.), чье имя свидетельствует о том, что он восстановил культ Амона. Он также вернул административную столицу обратно

в Фивы, где и был торжественно похоронен жрецами. Его гробница стала настоящей сокровищницей, вместившей в себя богатую мебель и дорогие произведения искусства, которые до сих пор привлекают к себе неиссякаемый поток посетителей Каирского музея.

Фараоны XIX династии предприняли ряд попыток вернуть себе азиатские провинции, но Египту досталась лишь Палестина. Долгое царствование Рамсеса II (ок. 1301—1234 до н. э.) ознаменовано войной с хеттами, которая закончилась заключением договора, восстановившего баланс сил и временную стабильность. Однако золотой век в истории Египта был позади. В правление сына Рамсеса Мернептаха (ок. 1234—1215 до н. э.) произошел исход евреев из Египта.

В Месопотамии другая семитская группа, амориты, основала в Вавилоне династию, прославившуюся благодаря царю Хаммурапи (ум. ок. 1686 до н. э.). Название столицы стало названием всего государства. Мардук, божество-покровитель Вавилона и Хаммурапи, автоматически оказался во главе пантеона, а его культ получил статус государственного. Хаммурапи объединил страну после периода смут и расширил границы царства до Средиземного моря. Он горделиво называл себя царем Вавилона, Шумера, Аккада и четырех сторон света. Хаммурапи не ограничился ролью завоевателя и занялся обустройством своих владений, возводя дворцы и храмы, прорывая новые каналы и восстанавливая старые. В годы его правления Вавилон достиг небывалого могущества и процветания, равных которым смог добиться лишь Навуходоносор тысячу лет спустя.

Однако главной заслугой Хаммурапи стали деяния не полководца, а законодателя. Он составил самый древний всеобъемлющий свод законов. Изучая законы Хаммурапи, можно провести несколько параллелей с законом Моисеевым. Хаммурапи, как и Моисею, законы были вручены на

Западная Азия во времена расцвета Вавилона: начало 2-го тыс. до н. э.

горе богом Шамашем, солярным божеством справедливости. Разительное сходство двух сводов в большей степени объясняется общими социокультурными реалиями двух семитских народов, нежели заимствованием и компиляцией. Например, в уголовном праве оба свода законов придерживались принципа талиона¹.

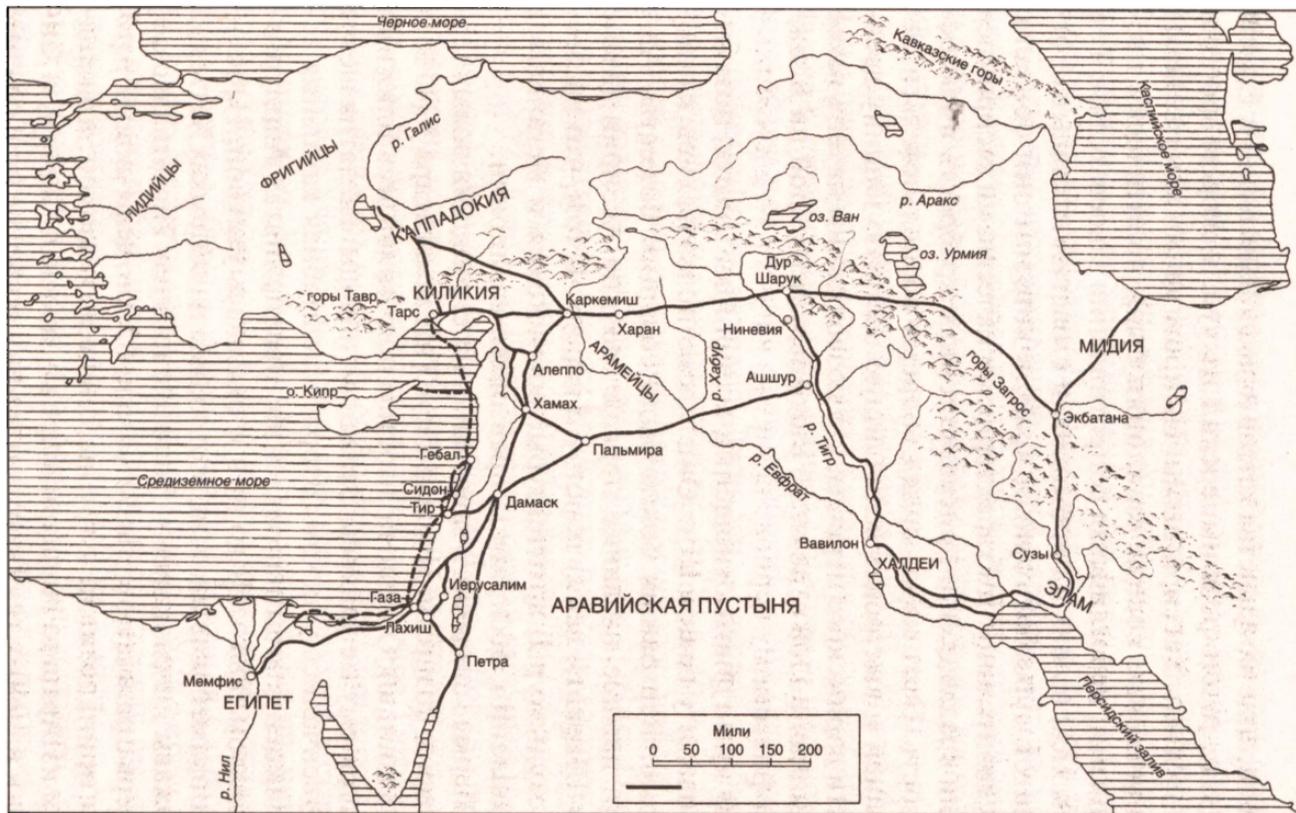
Главная ценность законов Хаммурапи заключается в том, что этот исторический источник позволяет пролить свет на политические, социальные и экономические аспекты жизни в Древнем Вавилоне. В общественной структуре Вавилонского царства можно выделить три социальные группы. Представители высших слоев населения занимали главные политические и религиозные должности, имели ряд прав и привилегий. Наказание за причинение физического ущерба представителю знати было более жестоким, чем за аналогичное преступление, совершенное против простолюдина. Однако провинившийся вельможа также наказывался более сурово, чем совершивший аналогичный проступок простолюдин. Большую часть населения составляли рабы, считавшиеся собственностью своего господина. Средний слой общества состоял из купцов, ремесленников и держателей харчевен. Ряд статей регулирует семейное право, рассматривая ситуации заключения брачного договора, нарушения обещания, развода и содержания наложниц. Супружеская измена каралась смертной казнью. Однако в целом права женщин охранялись в законах Хаммурапи гораздо более тщательно, чем в любом другом обществе до появления римского права. Врачи, ремесленники и прочие мастера своего дела довольствовались натуральной оплатой труда в соответствии с установленной таксой.

¹ Принцип талиона (*лат.* *lex talionis*) — принцип назначения наказания за преступление, согласно которому мера наказания должна воспроизводить вред, причиненный преступлением («око за око, зуб за зуб»). (*Примеч. пер.*)

вывод, что их язык был родствен санскриту или фарси, хотя, с другой стороны, в нем есть что-то от латинского и греческого. Хетты использовали два вида письменности: вавилонскую клинопись и пиктографию, сходную с египетскими иероглифами.

К 1530 г. до н. э. хетты заняли Северную Сирию, отвоевали у Египта большую часть финикийского побережья до южной границы Библа и стали самой мощной силой в Западной Азии. Египет в это время миновал эпоху своего расцвета, а Вавилония находилась под игом касситов. Использование в бою лошадей и колесниц давало хеттам огромное тактическое преимущество. Укрощение лошади произошло предположительно в Каспийском регионе, и к рассматриваемому периоду кони уже вошли в хозяйственный и военный обиход жителей Западной Азии. Колесницы были известны еще в Шумере, но именно хетты первыми использовали для их изготовления железо. Южная Сирия (Палестина), находившая под властью Египта, стала камнем преткновения для двух могучих соперников. Борьба за превосходство в Восточном Средиземноморье закончилась вничью. В 1280 г. до н. э. был заключен договор, согласно которому Северная Сирия отходила хеттам, а Южная оставалась за Египтом. Первый в истории международный пакт провозглашал «вечный мир и братство между прежними врагами». За ним последовал ряд аналогичных соглашений.

Однако наметившийся в регионе баланс сил просуществовал недолго. Незаметно началось возвышение другого семитского народа, который в итоге уничтожил Хеттскую державу. Этим народом были ассирийцы. Хеттам же было уготовано забвение. Лишь в начале XX в. чешский ученый, Бедржих Грозный, сумел расшифровать хеттскую клинопись. Пиктографическое письмо хеттов была прочитано лишь в 1940-х гг. Таким образом современная наука открыла историю забытого народа.

Ассирийская империя

Угасание могущества хеттов и закат Вавилонии и Египта создали своего рода имперский вакуум, в скором времени заполненный ассирийцами. На протяжении многих веков эти северные соседи вавилонян были политически пассивными, не выказывая сопротивления завоевателям. Тем временем на них на протяжении столетий накладывал отпечаток суровый горный край, в котором они обитали. Неудивительно, что характерными качествами ассирийцев стали традиционно присущие горцам храбрость и выносливость. Этот народ сумел вовремя воспользоваться ситуацией и выстроить величайшую военную машину древности доримского периода, что позволило им на пять веков (начиная с 1100 г. до н. э.) стать ведущей силой на Ближнем Востоке.

В культурном отношении ассирийцы многое позаимствовали у вавилонян. Они также пользовались клинописью. Верховным богом было солярное божество Ашшур, давшее название первой столице Ассирии (ныне Эш-Шаркат), всему царству и народу. В том, что касается скульптуры, архитектуры, вооружения и механизмов управления, ассирийцы превзошли вавилонян.

Первые сведения о завоеваниях ассирийцами новых территорий содержатся в надписи Тиглатпаласара I (1116—1093 до н. э.). Однако полностью подчинить весь Ближний Восток ему не удалось. Западные походы Тиглатпаласара не увенчались успехом. Вторая масштабная кампания ассирийцев в этом направлении, предпринятая Ашшурна-сирпалом (884—859 до н. э.), оказалась удачной. Небольшие арамейские царства, возникшие на обломках Хеттской державы и в свое время стоявшие на пути Тиглатпаласара, теперь с радостью приветствовали нового царя-воина. Арамеи принадлежали к группе семитских племен, пришедших из Аравии. Ашшурна-сирпал завоевал Северную Сирию и наложил тяжелую дань на финикийские прибрежные города. Процветающие, миролюбивые и абсолютно децен-

трализованные финикийцы были готовы выложить любую сумму за невмешательство в их дела и образ жизни, заключившийся главным образом в торговле и предпринимательстве. Начиная с правления Ашшурнасирпала западное направление стало приоритетным для внешней политики Ассирийского царства. Целью западной экспансии был контроль над месторождениями меди, серебра, железа, камня и запасами строевого леса, а также над средиземноморскими портовыми городами и международными торговыми путями.

Сыну Ашшурнасирпала Салманасару III (859—824 до н. э.) противостояла серьезная коалиция во главе с Венедом I, сирийским царем Дамаска, которого поддерживали израильский царь Ахав, арабский шейх Джундуб и ряд финикийских городов. Джундуб — первое арабское имя, вошедшее в анналы истории. В 853 г. до н. э. Салманасар с большим трудом одержал спорную победу над своими врагами при Каркаре, в долине реки Оронт. Окончательное утверждение ассирийского господства произошло лишь в царствование Тиглатпаласара III (745—727 до н. э.). В 732 г. до н. э. был захвачен самый сильный город региона — Дамаск. Часть населения была депортирована и заменена ассирийцами. Переселение гипотетических мятежников с покоренной территории позволило Тиглатпаласару свести к минимуму опасность восстания и создать все условия для вхождения покоренных народов в структуру империи. Его нововведение заложило основу новой внутренней политики. Когда после трехлетней осады в 722 г. до н. э. была захвачена столица Израиля Самария, весь цвет ее тогдашней «интеллигенции» был переселен в Ассирию и Мидию, а образовавшаяся популяционная лакуна восполнена выходцами из других земель.

Укрепление державы продолжилось в правление Синахериба (705—681 до н. э.). Расположенная в верховьях Тигра Ниневия стала имперской столицей Западной Азии.

Сын Синахериба Асархаддон предпринял попытку завоевания Египта. В 671 г. до н. э. он занял дельту Нила. В результате двух успешных кампаний его преемник Ашшурбанипал (668—626 до н. э.) во главе победоносной ассирийской армии вступил в Верхний Египет. Стоит отметить, что этот правитель вошел в историю в большей степени благодаря своему покровительству искусству и наукам. Обнаруженная британцами в середине XIX в. ниневийская библиотека Ашшурбанипала дала миру большую часть того, что мы знаем об ассирийской цивилизации на сегодняшний день.

С завоеванием Египта Ассирия достигла зенита власти и стала повелительницей всего Ближнего Востока. Однако ее падение было стремительным и необратимым. Через четырнадцать лет после смерти Ашшурбанипала столица державы, простиравшейся от Тигра до Нила, пала под сокрушительным натиском мидийцев и вавилонян. Ветхозаветное пророчество Наума о «городе кровей», «полном обмана и убийства», изобилующее описаниями «хлопанья бича и стука крутящихся колес, ржания коня и грохота скачущей колесницы», в буквальном смысле сбылось (Наум., 3: 1—2). Город разрушили и сровняли с землей так, что греческий военачальник, проезжавший мимо этого заброшенного места два столетия спустя, не признал в нем руин некогда великого города. Холм, ныне известный под названием Куянджик, расположенный на левом берегу реки Тигр, напротив Мосула, под которым лежит городище, хранил свои тайны более двадцати четырех с половиной веков.

Мидийцы были индоиранским населением Северо-Западной Персии. В походе на Ниневию ими командовал Киаксар (Увахшатра). Его дочь была женой нововавилонского царя Набопаласара. Обитатели Нововавилонского

царства (халдеи) жили в Нижней Месопотамии и были дальними родственниками арамеев из Сирии. Своей столицей они сделали Вавилон.

На фоне разрушения Ниневии и упадка Фив в правление сына Набопаласара Навуходоносора II (605—562 до н. э.) Вавилон снова занял положение повелителя Востока. Еще будучи наследником престола, Навуходоносор разгромил армию фараона Нехо II при Каркемише. В 586 г. до н. э. он разрушил столицу Иудеи Иерусалим, а в 572 г. до н. э. после самой долгой в истории осады покорил финикийский Тир. Существовавшее на протяжении четырехсот лет Иудейское царство было уничтожено. Египет упустил свой шанс поднять на мятеж иудеев и финикийцев, а его извечные амбиции к господству в Западной Азии в очередной раз не нашли воплощения.

Навуходоносор заново отстроил Вавилон, украсив город новыми храмами и дворцами, и его столица вновь обрела имперский статус. Так называемые висячие сады, которые он построил для своей жены-мидийки, скупавшей по родным горам, позднее были причислены греками к легендарным семи чудесам света. В своих надписях вавилонский правитель признавался, что больше всего гордился своими заслугами в строительстве новых дорог и ирригационных каналов. Навуходоносор II внес большой вклад в экономическое процветание Вавилона.

Однако жителям Нововавилонского царства недолго было суждено наслаждаться благоденствием и политическим господством в Западной Азии. Последний царь правящей в этом государстве династии, Набонид, начал свое царствование всего лишь через шесть лет после смерти Навуходоносора II. Соправителем он назначил своего сына Валтасара, передав в его руки все государственные дела, которым тот, однако, уделял мало внимания, постоянно предаваясь пирам и увеселениям. Однажды во время очередного застолья на стене его дворца якобы появилась над-

пись: «Разделено царство твое и дано Мидянам и Персам» (Дан., 5: 28). В 539 г. до н. э. персидская армия подошла к стенам Вавилона и в начале следующего года полностью захватила город. На политическом небосклоне Востока всходила новая звезда. Ей стал Кир Великий (550—529 до н. э.), объединивший Мидию и Персию и покоривший Западную Азию, дойдя до Лидии на малоазиатском побережье. Впервые Западная Азия от Эгейского моря до Египта подчинялась одному правителю. Семиты на долгое время утратили гегемонию в регионе. Свое господство они восстановили лишь с появлением ислама в VII в. н. э. Персы были индоиранским народом, исповедовавшим зороастризм. Царской резиденцией являлся город Пасаргады, роль административного центра исполняли Сузы.

Преемниками Кира стал ряд талантливых военачальников. Его сын Камбис II (529—521 до н. э.) присоединил Египет и продвинулся вдоль Нила (525 до н. э.). Его власть простиралась «от Индии до Эфиопии» (Эсф., 1: 1). Дарий Великий (521—486 до н. э.) продолжил восточную экспансию в направлении долины Инда. В Персеполе он построил новые дворцы, ничем не уступавшие тем, что возвел в Вавилоне Навуходоносор, а может, даже в чем-то их превосходившие. Эти величественные здания еще два столетия стояли как символ могущества и власти персов, пока не погибли в языках пламени, когда Александр Македонский предал город огню в 330 г. до н. э. Помимо царских резиденций, Дарий проложил канал между Нилом и Красным морем, своего рода аналог современного Суэцкого канала, что сделало возможным водное сообщение между Персией и Египтом. Персидский царь задействовал финикийцев в строительстве флота, связь между городами обеспечивала сеть новых дорог. Торговля пошла в гору, был принят ряд мер по улучшению общественной безопасности. Однако недовольство, зревшее среди ионийских подданных на западной оконечности Малой Азии, ознаменовало

начало новой эры в истории отношений Запада и Востока, эпохи затяжного конфликта, на протяжении которой на историческую сцену выходили такие выдающиеся фигуры, как Александр Македонский, Помпей, Саладин, Наполеон и Алленби.

Ионийский мятеж зажег пламя и в материковой Греции. Продолжительный конфликт персов с греками вылился в ряд всемирно известных сражений: при Маратоне (490 до н. э.), при Фермопилах (480 до н. э.) и при Саламине (недалеко от Пирея, 480 до н. э.). Битва при Маратоне была проиграна Дарием, его сын Ксеркс I (библейский Ахашверош, 485—465 до н. э.) потерпел поражение при Фермопилах и Саламине. Последняя битва происходила на море, ядро персидского флота составляли финикийские корабли. Греческие историки и поэты прославляли победы своих соотечественников, вознося погибших в ранг бессмертных национальных героев. В их глазах это был смертельный бой между эллинской свободой и демократией и восточным деспотизмом. Ради справедливости следует отметить, что на тот момент культура персов была не менее развитой, чем эллинская, а персидская религия стояла гораздо выше олимпийского пантеона.

Для державы Дария была характерна сильно централизованная и высокоэффективная система управления. Вавилон и Египет находились под прямой властью царя. Остальные царства были поделены на провинции (сатрапии), которыми управляли персидские наместники, оставляя, однако, местному населению некоторую долю автономии. Отношение к культуре автохтонного населения было весьма терпимым, персы не стремились насаждать свой язык и религию на территории всей империи. Правители более ранних держав, в частности Ассирийской, подчас безжалостно расправлялись с покоренными или взбунтовавшимися городами, в поддержании своей власти опираясь на силу оружия. Персы же относились к врагам более гуман-

но, выказывая удивительную заботу о благополучии и безопасности всех своих подданных. В это время в обиход вошли чеканные монеты, улучшились коммуникации, была организована почтовая служба. Процветанию международной торговли способствовало повсеместное распространение арамейского языка, ставшего своего рода *lingua franca* купеческого сословия. К этому времени на ниве международной торговли арамеи уже сменили финикийцев. Кроме того, арамейский язык использовался персидскими чиновниками в качестве официального языка делопроизводства. Персидские цари отошли от ассиро-вавилонской традиции переселения гипотетических бунтовщиков. В 445 г. до н. э. иудеям было разрешено покинуть Вавилон и вернуться под власть Неемии.

Основанная Киром, расширенная и объединенная Дарием, персидская держава начала давать трещины сразу после смерти Ксеркса. Продолжились столкновения с греками. Вырождение правящей династии, коррупция при дворе и гаремные интриги подстегивали честолюбивых сатрапов более жестко управлять своими подданными. В Египте и ряде финикийских городов вспыхнули мятежи. В 336 г. до н. э. с помощью евнуха, убившего его предшественника, трон захватил Дарий III. Этот царь правил шесть лет, пока не потерпел сокрушительное поражение от пришедшего с запада завоевателя, Александра Македонского.

Глава 5

РЕЛИГИЯ, НАУКА И ЛИТЕРАТУРА

Самой ранней и примитивной формой верований жителей Междуречья было почитание сил природы. В ходе исторического развития шумеры поделили Вселенную на три элемента: небо, землю и воду, — над которыми властвовала триада богов. Появившиеся здесь позднее се-

митские пришельцы выстроили свою систему верований на шумерском фундаменте. Вместе с возвышением Вавилона поднялся до позиций главного божества и семитский бог Мардук (что значит «юный»), называемый также Белом (то есть господином). С возвышением Ниневии пантеон возглавил другой семитский бог, Ашшур. И Мардук, и Ашшур были солярными божествами. В Уре, откуда, согласно еврейской традиции, происходил Авраам, главным было лунное божество Син. Популярна также была Иштар, богиня-мать, олицетворявшая плодородие и деторождение. Как и простые смертные, боги имели супругов, заводили детей, их сопровождала свита второстепенных божеств, которые властвовали над теми или иными явлениями природы.

Для жителей Междуречья цари были наместниками богов, в отличие от египтян, для которых царь был земным воплощением бога. И в Египте, и в Междуречье образование находилось в руках жрецов, однако главной их функцией было правильное исполнение сложных религиозных ритуалов, которые были призваны расположить к людям то или иное божество. Весной религиозные церемонии, как правило, сопровождалась вспашкой полей, осенью же бывали приурочены к сбору урожая. По всей видимости, извечный цикл — зимнее умирание и последующее весеннее пробуждение и обновление растительного мира, — как никакое другое явление природы, производил глубочайшее впечатление на народы Передней Азии и Египта. Это, впрочем, неудивительно, ведь земледелие являлось в ту эпоху залогом процветания стран и народов.

Во время новогоднего праздника разыгрывалось ритуальное действо, посвященное смерти и воскресению Мардука. Во время совершения ритуала зачитывались отрывки из рассказа о сотворении мира. Вавилонская версия, которая имела шумерское происхождение, делает Мардука создателем мирового порядка. Ассирийцы отводили

эту роль Ашуру. Довольно любопытна близость этих мифов к еврейской версии сотворения мира, которая, как известно, появилась позже. Оба повествования начинаются с описания хаоса водной стихии, за чем следует разделение мира на небо и землю, а завершает акт творения появление человека как вершины всего мироздания. Кроме того, в обеих версиях фигурирует число семь. Еврейская терминология наводит на мысль о ее вавилонском происхождении. Например, термин «техом», встречающийся в Бытии (1: 2, 7: 11), где он переводится как «бездна» и обозначает хаос, — это не что иное, как вавилонское слово «тиамат». В Притчах (3: 2) это слово встречается во множественном числе. Тем не менее библейская версия своими простотой и благородством затмевает все другие, ранние космогонии.

Более пространным и интересным, однако, является описание сотворения мира, которое содержится в эпической поэме о Гильгамеше. В поисках бессмертия герой этого эпоса пускается в скитания, где на его долю выпадают самые разные приключения. Опасные странствия приводят его на западе в кедровый лес, над которым властвует страшное божество. Гильгамеш убивает его и оказывается лицом к лицу перед огромным быком, ниспосланным на него богиней, чьи любовные притязания он до этого отверг. С помощью своего помощника и друга Энкиду Гильгамеш убивает быка, однако по пути домой его товарищ умирает. В результате Гильгамеш отправляется в новые странствия — на сей раз на поиски бессмертия. На далеком острове он, наконец, встречает человека, которому вместе с женой удалось избежать опустошительного потопа, который боги наслали на людской род с целью его уничтожить. Получив предостережение, месопотамский Ной строит огромный корабль и спасается на нем вместе с женой и животными, которых взял «каждой твари по паре». В качестве вознаграждения

за спасение жизни на земле он получает от богов дар бессмертия.

Перед нами древний миф, который лег затем в основу библейского предания о потопе. Любые сомнения в этом легко снимаются, если сравнить многочисленные совпадения: и размеры судна, и полет голубя, и его приземление на вершине горы. Еврейская версия, однако, более логичная и не такая запутанная. Она привносит этический компонент и понятие о едином боге, которые начисто отсутствуют в месопотамском оригинале. В месопотамской версии потоп был наслан на людей просто по прихоти капризных богов.

Поэма о Гильгамеше позднее была переведена на хеттский язык и в целом послужила основой для более поздних эпических произведений, в том числе поэм Гомера. Ее отголоски мы находим в описании подвигов Геракла и исламского Искандера (то есть Александра Македонского) Зуль-Карнайна, то есть Двурогого (Кор., 18: 84—98).

Параллели между вавилонской и еврейской литературными традициями простираются дальше, в область права. Законы Хаммурапи, составленные за пять столетий до заповедей Моисеевых, были якобы даны царю свыше, точно так же, как и Моисею его заповеди. В обоих мы находим древний принцип «око за око, зуб за зуб». Однако месопотамский кодекс отражает куда более высокую степень развития человеческого общества, чем палестинский, причем как с политической, так и с социальной, и с экономической точки зрения. Хаммурапи освобождает раба после трех лет, Моисей — после семи. И тот и другой считают супружескую измену достойной смертной казни. Однако во Второзаконии, которое не идет ни в какое сравнение с древним кодексом, Моисей делает упор на этический аспект. Однако сделать добавления к Десяти заповедям сумел только Христос.

Верования египтян — это более чем одна религия. По мере развития она вобрала в себя следы древних первобытных культов, с одной стороны, и самые развитые воззрения — с другой. Боги египтян изображались в трех формах: животной, человеческой и в виде сочетания первых двух. Из божеств в животном обличье самым почитаемым был священный бык Апис, он же воплощение верховного бога Птаха. Его культ просуществовал очень долго. Тексты пирамид и Книга мертвых содержат упоминания о почти полутора тысячах самых разных божеств.

Одним из ранних божеств, позднее достигшим статуса общепризнанного бога, был Ра, чье имя также носило Солнце. Его главное святилище находилось в древней столице, Гелиополе, а символом служил устремленный в небо обелиск. Жрецы Ра имели такое огромное влияние на государственные дела, что на какое-то время культ Ра стал обязательным государственным культом. С переносом столицы в Фивы возвысился покровитель города, Амон, первоначально являвшийся богом плодородия, став наиболее почитаемым. В конечном итоге два божества слились в одном, и египетский пантеон возглавил бог по имени Амон-Ра. Так называемая ересь Эхнатона, о которой речь шла ранее, была не чем иным, как попыткой насадить культ Атона, другого древнего солярного божества. Она также свидетельствует о том, насколько глубоко укоренилось в духовной жизни египтян почитание солнца.

Гимн, приписываемый Эхнатону, содержит разительные параллели со 104-м псалмом, который, по всей видимости, написан на его основе.

Твое появление прекрасно на небесном горизонте,
О живой Атон, источник всей жизни!
Когда ты встаешь на восточном небосклоне,
Ты наполняешь землю своей красотой,
Ты могуч и щедр, ты сияешь высоко над всем миром,
Твои лучи простираются над всеми сотворенными тобой землями,

...
Тьма подобна савану, земля притихла,
Ибо тот, кто их сотворил, отдыхает за горизонтом.

В Египте, как и в Месопотамии, семейства небожителей были весьма похожи на семьи простых смертных. Самой популярной триадой являлись Осирис, Исида и Хор. Культ Осириса, который поначалу был божеством земледелия и плодородия, по всей видимости, имел ливанское или сирийское происхождение, однако довольно рано был заимствован египтянами. Триада, которую он возглавлял, включала также его сестру и супругу Исиду и их сына Хора. Однако семейное счастье было недолговечным, ибо на жизнь главы семьи покусился злобный Сет. Он убил Осириса, разрезал его тело на куски, которые затем бросил в Нил. Овдовевшая жена и ее сын отправились на поиски останков Осириса. В конце концов они их обнаружили и вернули к жизни. Перед нами не что иное, как египетская версия финикийского мифа о Таммузе и Иштар. В обоих случаях мы имеем дело с умершим и воскресшим богом, чья смерть и последующее воскрешение символизируют собой природный цикл смены времен года в стране, чьи жители находились в сильной зависимости от продуктов земледелия. Со временем Осирис стал олицетворять бессмертие, превратившись в бога подземного мира и судию мертвых. Исида стала олицетворением верной супруги, а Хор — хорошего сына. В Египте, где обильный урожай зависел от разливов Нила, а пустынная земля защищала от иноземных захватчиков, небесная семейная идиллия отражала спокойную и размеренную земную жизнь. В отличие от Египта в Месопотамии, где разливы Тигра и Евфрата приносили с собой опустошение и бедствия, а страна подвергалась регулярным набегам иноземцев, жизнь была куда более скудной и опасной.

Интерес египтян к загробному существованию не имеет аналогов ни в какой другой религии народов древне-

сти, включая евреев. Земная жизнь, по их мнению, была слишком хороша, чтобы заканчиваться со смертью. Регулярные летние разливы Нила — своего рода воскрешение реки, а также тот факт, что в сухом климате тела мертвецов сохранялись довольно хорошо, указывали в одном направлении. Сохранение тела стало залогом сохранения ка, аналога души. Отсюда берет свое начало практика мумификации, причем самая длительная в истории религии. С тем чтобы гарантировать себе приятную загробную жизнь, фараоны возводили огромные пирамиды с потайным входом либо высекали гробницы в скалах. В гробнице для мертвого обычно оставляли запас пищи и питья, мебель и предметы обихода. Однако в отдельных случаях могли ограничиться лишь его изображениями. Так зародилось египетское изобразительное искусство. Для того чтобы покойный не заблудился во время своих скитаний по подземному царству, на стены наносили соответствующие надписи. Иногда такие советы писались на папирусе, который замуровывали вместе с мумией.

Из таких загробных надписей впоследствии родилась Книга мертвых, главный памятник египетской религиозной литературы. Иносказательным языком в ней описаны скитания души после смерти, содержатся советы, как избежать нелегких испытаний подземного мира, подробно обсуждается ритуал предания тела земле. На стенах египетского зала Британского музея можно увидеть богато иллюстрированный папирусный экземпляр этой книги. Особо сильное впечатление производит сцена суда. Покойник, Ани, согнувшись в поклоне, входит в зал; за ним следует его супруга. Вместе с каждым шагом он делает отрицательное признание: «я не воровал», «я не лжесвидетельствовал», «я не отнимал у других землю», «я не изменял супруге», «я не запятнан убийством другого человека» и т. д. После этого следуют «положительные» признания: «я чист», «я делился хлебом с голодными, водой с жаж-

душинами, одеждой с нагими и лодкой с теми, у кого ее не было». Каждый из сорока двух судей, изображенных на стенах, имеет право усомниться в признании мертвого. Оправданный, Ани вместе с супругой предстает перед ликом Осириса. Главный судия мертвых восседает на троне, рядом с ним его супруга и сестра. Пройдя эту процедуру, супружеская чета допускается на поля блаженства, где они ведут веселую жизнь, такую же, как на земле.

Эти исповеди египетских мертвецов интересны тем, что упор в них делается на соблюдении норм морали. Однако традиционное представление о грехе как о невыполнении ритуальных предписаний еще присутствует, так же как в Месопотамии и Иране. Однако место, отводимое в Египте нормам общественного поведения задолго до евреев и персов, не имеет параллелей у других древних народов того времени.

Персидская религия, зороастризм, развилась позже иудаизма, и в ней основной упор делался на мораль. Заратустра (Зороастр) — мидийский реформатор, живший в VI в. до н. э. и оставивший после себя мифы и легенды. Принципы, положенные им в основу новой религии, несомненно, имели свои корни в народных верованиях, близких индуизму. Система взглядов, приписываемая иранскому пророку и реформатору, уже отошла от политеизма, но еще не пришла к единобожию. Она основана на дуализме, предполагающем единоборство двух сил — добра и зла, света и тьмы, олицетворенных двумя богами. Один из них — Ахурамазда («господь премудрый», позднее Ормузд), второй — его противоположность, Ариман, напоминающий нашего Сатану. Оба божества: и темное, и светлое — существуют с момента возникновения мира, и власть каждого из них относительна. Мазда наделен всезнанием. Он нерукотворный творец всего чистого и живого и как таковой находится в вечном противостоянии со

своим духовным противником, Ариманом. Причем любой верующий обязан в меру сил принимать участие в этой борьбе добра со злом. Что касается решающей битвы, нет никаких сомнений в том, что Мазда выйдет из нее победителем, и тогда на земле воцарится добро.

Поступки любого человека, как хорошие, так и дурные, собраны и перечислены в специальной книге. После смерти душа проходит по специальному мосту, который ведет в небесное царство. Если хорошие дела перевешивают дела дурные, то душу умершего пропускают по мосту дальше. Если же преобладают дурные, то ее сбрасывают в ад. Боги египтян пользовались весами, на которых взвешивалось сердце покойного на фоне символа правосудия. В народных верованиях обитателей исламских стран также имеются представления о весах и мосте. В целом христианско-мусульманские представления о загробной жизни, в которых посмертная судьба души определяется поступками человека при жизни, более близка воззрениям египтян и персов, нежели евреев.

Приписываемые Зороастру взгляды вскоре распространились на весь Иран и стали государственной религией. В VII в. н. э. зороастризм был вытеснен исламом. В стране осталась лишь горстка последователей старой религии. Те, кто исповедует зороастризм, в наши дни живут в Бомбее и его окрестностях и известны как парсы.

В египетской светской литературе рано появляется и достигает своего рассвета такой жанр, как поучения. Авторы египетских поучений, как и их семитских аналогов, стремились научить людей хорошим манерам и тому, как можно достичь жизненного успеха. Они в большей степени были призваны снабдить представителей рода человеческого советами о том, «как заводить друзей и оказывать влияние на людей», чем обеспечить пропуск на поля веч-

ного блаженства. Мудрость египтян отличалась от мудрости греков, которая имела не житейский, а философский характер. Автором одного из первых сборников поучений является Птаххотеп (ок. 2375 до н. э.), визирь царей V династии. Птаххотеп оставил наставления своему сыну, однако они применимы к любому юноше, которому не безразличны хорошие манеры.

«Не давай превозноситься своему сердцу по причине любого знания, не впускай в свое сердце мысль об этом лишь потому, что ты имеешь знания. Умей вести беседу как с невежественным человеком, так и с ученым. Тысячи мужчин, прельщенные внешней красотой (женщин), от них же и гибнут. Мужчину превращают в дурака их гладкие, изящные тела, но сами они становятся тверже любого камня. Удовольствие, которое они дарят, мимолетно. И если ты будешь мудр (или благополучен), то обзаведись домом (то есть женись). Люби и всем сердцем уважай свою супругу. Корми ее и одевай, умощения — это лекарство для ее членов¹.

Поучение, составленное Аменемопе (ок. 1100 до н. э.), мудрецом, жившим в более позднее время, представляет собой апогей развития древнеегипетской мысли. Изречения, приписываемые ему, наверняка были в ходу и раньше, а отточенные до совершенства, они пользовались популярностью и позднее. Аменемопе предостерегает против заносчивости, высокомерия, вспыльчивости, угнетения бедных, зато подчеркивает необходимость наличия таких достоинств, как учтивость, скромность, терпимость, доброта, уважительное отношение к людям. Египетские поучения были популярны и за пределами страны, они же легли в основу некоторых еврейских произведений, относящихся к этому же жанру.

¹ *Wallis Budge A.E. The Teaching of Amen-em-Apt. London, 1924. P. 53.*

«Лучше небольшое при страхе господнем, нежели большое сокровище и при нем тревога.

Лучше блюдо зелени, и при нем любовь, нежели откормленный бык, и при нем ненависть» (Притч., 15: 16—17).

«Кто говорит то, что знает, тот говорит правду; а у свидетеля ложного — обман.

Иной пустослов уязвляет как мечом, а язык мудрых — врачует» (Притч., 12: 17—18).

«Не дружись с гневливым и не сообщайся с человеком вспыльчивым, чтобы не научиться путям его и не навлечь петли на душу твою» (Притч., 22: 24—25).

Помимо житейских наставлений и религиозной литературы, египтяне преуспели в сочинении сказок. Сюжет истории о двух братьях, которая датируется временем правления Рамсесов, близок библейской легенде об Иосифе и жене Потифара. В египетской версии жена старшего брата пытается обратить на себя внимание младшего, неженатого, однако тот не отвечает ей взаимностью. Тогда она обвиняет его перед мужем. Другая сказка — «Повесть о Синухете» — по праву считает шедевром мировой литературы. Ее герой, высокопоставленный придворный, по политическим причинам бежит из страны (ок. 1600 до н. э.), проделывает путь через Палестину и находит себе приют где-то между Северным и Южным Левантом. Там он берет в жены дочь вождя бедуинов, уподобляется местным жителям и со временем должен заменить тестя в качестве главы племени. Позднее, однако, он начинает испытывать тоску по родине и хочет вернуться домой, где снова сможет купаться, спать в настоящей кровати и быть похороненным с почестями, а не среди пустынных кочевников.

Повесть о Синухете дает нам представление о жизни в Палестине и соседних с ней странах в ранние периоды их истории. По своим красочным описаниям и психологиз-

му этот рассказ не имеет себе равных среди литературных произведений того времени. В отредактированном виде он потом еще тысячу лет изучался в школах. Повесть чем-то напоминает рассказ о Синдбаде из «Тысячи и одной ночи», и, как и он, в конечном итоге из правдивой истории она превратилась в сказочную.

Самые древние знания, которые можно отнести к разряду научных, проникли в нашу культуру из Вавилонии и Египта. В частности, это касается таких областей, как математика и астрономия, медицина и искусство.

В основе арифметики лежит элементарный счет на пальцах руки. Число десять — количество пальцев на обеих руках — легло в основу десятичной системы исчисления, которая пришла к нам из Египта. На десятке, умноженной на шесть, основана другая система — шестидесятеричная, а на числе двенадцать, одной пятой от шестидесяти, — вавилонская двенадцатеричная. Этим объясняется то, что мы делим час на шестьдесят минут, а минуту — на шестьдесят секунд. Окружность составляет 360 градусов, то есть число, кратное шестидесяти. Опять-таки градус делится на шестьдесят минут.

Вавилоняне разделили неделю на семь дней, посвятив при этом каждый из них тому или иному небесному телу. Каждая такая планета отождествлялась с тем или иным божеством. Дни недели были посвящены божествам в следующем порядке: Солнцу, Луне, Марсу, Меркурию, Юпитеру, Венере и Сатурну. Первым днем недели было посвященное солнцу воскресенье, вторым — понедельник, день луны, и т. д. Самый последний день недели был посвящен Сатурну. От вавилонян мы также унаследовали зодиакальный круг — воображаемую линию на небосводе, которая пересекает эклиптику Солнца, Луны и главных планет. Вавилонские астрономы вели очень точные наблюдения и в конечном итоге научились предсказывать солнечные и лунные затмения. Отец греческой астрономии, Гиппарх, ро-

дившийся в Малой Азии в 150 г. до н. э., широко использовал астрономические достижения вавилонян. Его последователем был Птолемей, работавший в Александрии в первой половине II в. н. э. На основе ранних источников Птолемей разработал свою астрономическую и географическую систему, которая пользовалась всеобщим признанием до XVI в.

Солнечным календарем мы обязаны египтянам. И в Египте, и в Вавилонии первым небесным телом, помогавшим измерять годовой ход времени, была Луна. Однако египтяне пошли на один шаг дальше, а именно установили продолжительность месяца в тридцать дней, добавив к концу года пять дополнительных дней. Таким образом, они получили солнечный год продолжительностью 365 дней, который был принят в качестве официального примерно в 2000 г. до н. э. Примерно спустя два тысячелетия Юлий Цезарь принес его в Европу. Уточненный папой Григорием в 1583 г., этот календарь до сих пор лежит в основе летоисчисления в западных странах. Пожалуй, это самое внушительное наследство, полученное нами от египтян. Другое их достижение в области астрономии, к которому также причастны и вавилоняне, — это деление суток на двадцать четыре часа: двенадцать днем и двенадцать ночью, о чем нам постоянно напоминают циферблаты наших часов.

В повседневной жизни вавилонян астрономия играла довольно скромную роль, в отличие от своей мнимой сестры — астрологии. В основе астрологии лежит псевдонаучный тезис о том, что между поступками человека и движением небесных тел, воплощающих в себе те или иные божества, имеется причинно-следственная связь. В задачи астролога входило эту связь обнаружить, чтобы затем предсказать будущие события. Астрологи и астрология пользовались огромной популярностью в Средние века. Впрочем, и сейчас можно нередко увидеть представителя этой профессии и его рабочий инструмент — гороскоп.

Согласно верованиям жителей Ближнего Востока, болезни на человека насылали демоны. Изгнать из него их мог только обладающий специальными знаниями жрец, который в этих целях использовал заклинания и магические формулы. Вот, например, заклинание, призванное облегчить страдания больного:

Прочь, прочь, прочь,
Устыдись, устыдись, изыди, изыди!
Обернись, уходи, уходи,
Пусть твое зло, подобно дыму, устремится к небу.

Не возвращайся в мое тело,
Не приближайся к моему телу,
Не подступайся к моему телу,
Не вселяйся в мое тело.

В стихотворении, написанном на глиняной табличке из Ниппура, прикованный к постели больной, по всей видимости страдающий артритом, изливает свои страдания в духе библейского Иова:

Злобный демон вышел из своего логова.
Из желтоватой болезнь сделалась белой.
Она скрутила мне шею и сломила спину.
Она согнула меня, словно старый тополь,
Скривила, как болотное растение,
Вырвала с корнем и швырнула на спину.

Дом стал моей тюрьмой,
Подобно кандалам, мои руки сковывают меня,
Подобно цепям, мои ноги вытянуты.
Каждое движение причиняет невыносимую боль,
Как будто меня ударили перекрученным ремнем,
Как будто пронзили острым копьем.
Мой мучитель не отпускает меня.
Даже ночью он не дает мне вздремнуть.
Он крутит мои суставы, как будто хочет их вырвать.

..

По мере развития медицины лекари начали предлагать такие средства, как массаж, припарки и настои некото-

рых растений. Однако, по всей видимости, считалось, что самыми действенными являются наиболее неприятные и малодоступные снадобья. В рецептах фигурируют такие компоненты, как мышьяная кровь, человеческая моча и экскременты. Автор одного ассирийского текста предлагает следующее лекарство от хвори, которую мы называем геморроем: «Если у человека болит задний проход, если он испытывает там жжение и боль, смешайте с маслом или пивом скипидар от ели и сосны, сосновую смолу, шелуху от ячменных зерен, влейте ему в задний проход, и боли пройдут».

Впрочем, в одной области медицины — в хирургии — человечество рано достигло поразительных успехов. В законах Хаммурапи написано, что врачу, который лишил человека зрения, «вскрывая нарыв [катаракту?] на глазу», следует отрезать пальцы. Египетские хирурги умели удалять кисту, вскрывать нарывы, карбункулы, обрабатывать раны, лечить переломы. Мумии несут на себе следы тонких и сложных операций, в том числе трепанации черепа. Египетские врачи также умели удалять катаракту. В Египте, как и Междуречье, заболевания глаз были довольно широко распространены по причине жаркого климата. Отголоски египетских медицинских знаний мы находим не только на всем Ближнем Востоке, но и в Греции. Первые греческие врачи, например Гален, широко пользовались египетскими источниками.

Искусство Междуречья достигло своей зрелости в Ассирии. Следуя примеру вавилонян, ассирийцы покрывали стены своих дворцов и храмов рисунками и орнаментами, то есть как изображениями животных и растений, так и геометрическими фигурами. Одновременно развивалась и скульптура, которая достигла своего расцвета в дворцах таких царей, как Саргон II, Синахериб и Ашшурбанипал. На сохранившихся барельефах эти цари изображены за

исполнением священных ритуалов, на войне и на охоте. Судя по достоверности изображения, художник не только владел знанием анатомии человеческого тела, но и умел передать такие чувства, как боль и ужас.

Что касается Египта, то его основным наследием является не наука, а архитектура и произведения искусства, именно они ежегодно привлекают в долину Нила тысячи туристов. Как в Египте, так и в Междуречье искусство имело религиозные истоки и не теряло связей с религией. В древнейшей столице, Гелиополе, у художников и ремесленников даже имелся свой бог — Птах. В более поздней столице, Фивах (ныне Карнак), была создана статуя Амона — высшее достижение художественного мастерства не только Египта, но и всей древности. Когда в 1923 г. была вскрыта гробница Тутанхамона (ок. 1369 до н. э.), фараона, восстановившего культ Амона, мир ахнул, восхищенный великолепной коллекцией золотых кроватей, стульев, колесниц, ларцов, украшенных гирляндами серебряных цветов и не утративших за несколько тысячелетий свой первоначальный вид. В египетских залах ведущих музеев мира можно увидеть сосуды, кольца, ожерелья, ларцы, которые неизменно вызывают восхищение туристов.

По сравнению с Египтом и Междуречьем научные и литературные достижения Персии выглядят довольно скромно, а вот изобразительное искусство достигло там заметных высот. Будучи индоевропейцами, иранцы, в отличие от своих современников-семитов, были наделены более тонким эстетическим чутьем. В 4-м тыс. до н. э. это чутье прежде всего нашло свое отражение в росписи по керамике и продолжает жить до наших дней в изделиях из других материалов. Начиная с середины 2-го тыс. до н. э. такой материал, как медь, использовался при изготовлении украшений, зеркал, оружия и лошадиной упряжи. Позднее ее сменила бронза, из которой делались кинжалы, фигурки животных, застежки и пряжки, риту-

альная утварь, причем многие выполнены с удивительным мастерством.

В ахеменидский период (ок. 550—350 до н. э.), когда персы были хозяевами Передней Азии и Египта, персидское искусство достигло наивысшего расцвета. Царские дворцы Персеполя и Суз, заложенные Дарием Великим (ум. 485 до н. э.), завершенные при Ксерксе и его наследниках и сожженные Александром Македонским, служили символом могущества Персии как мировой державы и представляли собой высшее достижение персидского искусства. Даже после падения империи персидское искусство, вобрав в себя греческие элементы, не утратило своего великолепия и ценности. Позднее ислам и монгольское завоевание наложили на него свой отпечаток, что нашло отражение в изысканной каллиграфии, миниатюрах, геометрических и цветочных орнаментах на пестрых персидских коврах и в мозаиках мечетей и дворцов, которые до сих пор вызывают восторг и восхищение у тех, кто их видит.

Глава 6

ФИНИКИЯ И ПАЛЕСТИНА: ВКЛАД В МИРОВУЮ КУЛЬТУРУ

До того как эти земли получили названия Финикия и Палестина, они, как и Сирия, составляли часть страны, известной как Ханаан. Ханаанеи были второй крупной группой семитских народов после ассиро-вавилонян Месопотамии. В начале 3-го тыс. до н. э. они пришли на эти земли из пустынь Сирии и Аравийского полуострова. В XIII и XII вв. до н. э. на эти территории проникло третье семитское племя, известное как арамейцы в Сирии и колена Израилевы в Палестине. В тот же период южную часть побережья заняли так называемые народы моря, родствен-

ные индоевропейцам филистимляне. А вот Ливан остался ханаанским. Те ханаанеи, которые вели торговлю с греками, получили от них прозвище «финикийцы», то есть «пурпурные», по цвету тканей, которыми они торговали.

Финикийцы так и не создали единого мощного государства. Их страна, узкой полоской вытянувшаяся вдоль берега моря, была разделена горами и с трех сторон зажата сильными соседями. Таким образом, основой политической организации финикийцев стали города-государства, рассыпанные по всему побережью от Угарита и Арада на севере до Тира и Сидона на юге. Время от времени тот или иной город-государство распространял свое влияние на внутренние районы страны либо на соседние города, как, например, Угарит в середине XVI в. до н. э., Губла в XIV в. до н. э., Сидон в XII и XI вв. до н. э., а после него Тир. Однако все эти возвышения были временными. На протяжении всей своей истории финикийцы отдавали предпочтение мирным занятиям — ремеслу, торговле, искусству. Когда на них нападали соседи, а происходило это довольно часто, они предпочитали заплатить захватчикам дань и молились за расширение рынка сбыта своих товаров. Арад, Сидон, Тир состояли каждый из двух поселений — одно располагалось на материке, предназначенным для занятий земледелием и торговлей, а другое — на близлежащих островах, где можно было укрыться, если вдруг на город нападали египтяне, ассирийцы, вавилоняне или другие враги.

Одним из первых ремесел в Ханаане стала металлургия. В течение девяти столетий, начиная с 2100 г. до н. э., ханаанеям, по всей видимости, не было равных в производстве и применении меди и бронзы. В поисках месторождений олова, необходимого для превращения меди в бронзу, и других металлов, нужных для изготовления из железа стали, они предпринимали долгие и полные опасностей путешествия в неизведанные земли.

Однако славу им в первую очередь принесло изготовление тканей, особенно окрашенных в пурпурный цвет. Основными центрами их производства и сбыта были города Тир и Сидон. Прибрежные воды изобиловали особым видом моллюсков, из которых извлекались бесценные капли красителя. Процесс был сложным и дорогостоящим, так что носить одежды из такой ткани могла себе позволить лишь только знать. Елена Троянская, Клеопатра Египетская, верховные жрецы Израиля и римские императоры гордились тем, что облачены в пурпур. Патриархи восточной церкви и римско-католические кардиналы продолжили эту традицию. Финикийцы в течение столетий торговали в мировом масштабе, продавая текстиль, керамические изделия, стекло, строевой лес, пшеницу, вино. Почти три века, начиная примерно с 1000 г. до н. э., жители Финикии обладали таким высоким уровнем благосостояния, какой не имеет аналогов в их истории. Еще в начале VI в. до н. э. торговля у финикийцев процветала, и еврейский пророк Иезекииль посвятил целую главу, 27-ю, подробному ее описанию.

Куда бы торговля ни заносила ханаанеев, там они и оседали. Эти первые поселения позднее превратились в колонии. Колонисты сначала закрепились в Египте, Киликии, на Кипре, затем на Сицилии и Сардинии; позднее во Франции, Испании и Северной Африке. Мореплавание позволяло поддерживать связи с родиной, в частности с Тиром и Сидоном. Гадес (Кадис) был основан около 1000 г. до н. э. за Геркулесовыми Столпами (ныне Гибралтар), что дало финикийцам выход в Атлантику. Из Гадеса в поисках олова они, по всей видимости, совершали дерзкие морские вылазки на юго-запад Британии, в Корнуолл. Открытие Атлантического океана наряду с изобретением алфавита и распространением материальной и духовной культуры Ближнего Востока входит в число трех основных составляющих вклада финикийцев в мировой прогресс.

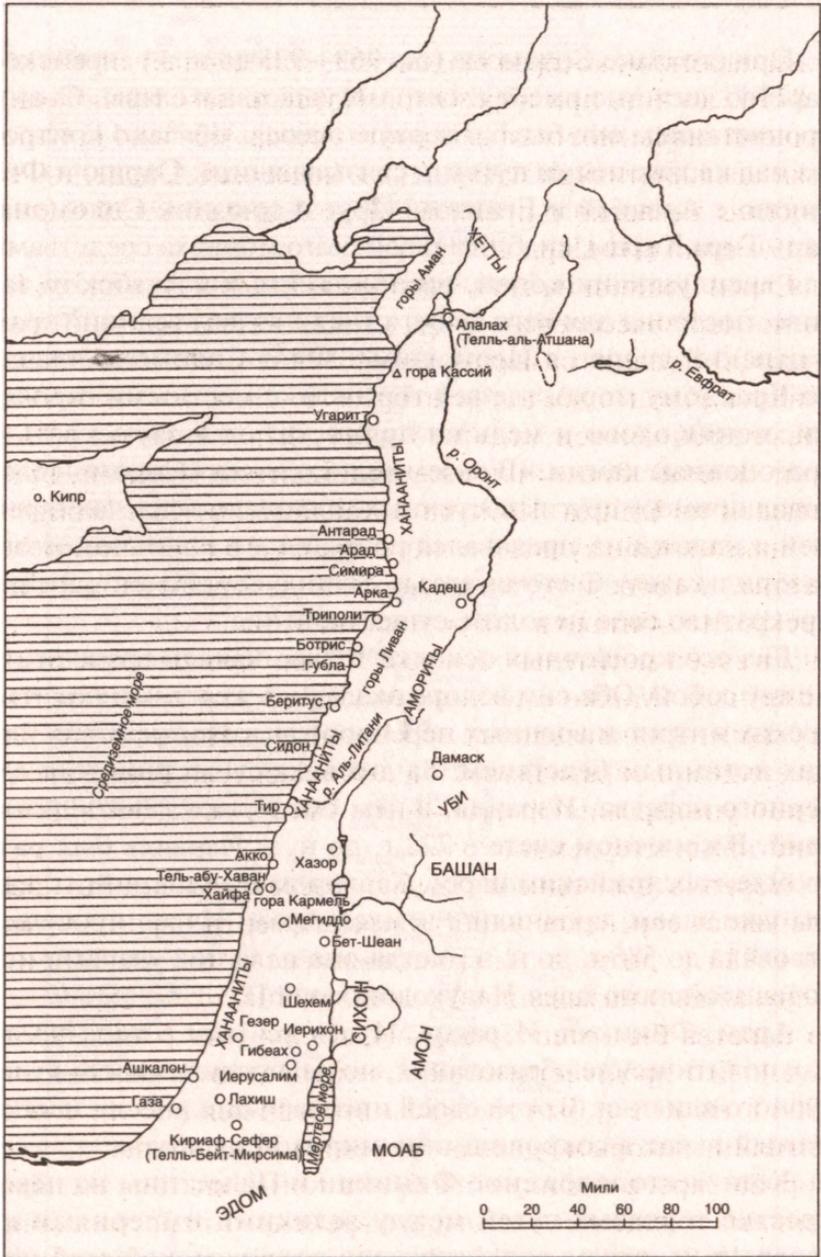
Таршиш в Испании, Тарс (родина апостола Павла) в Киликии, Коринф и другие города в Греции обязаны своим возникновением неутомимым финикийцам. Согласно легенде имя Европейскому континенту дала дочь финикийского царя Европа. Ее брат по имени Кадм подарил грекам алфавит. Однако самой знаменитой финикийской колонией был Карфаген, основанный в 814 г. до н. э. на территории нынешнего Туниса. Этот славный «потомок» Тира сам превратился в столицу обширной империи, которая охватывала территорию современного Туниса, Алжира, Марокко и Южной Испании. Карфаген боролся за превосходство на море с возвышающимся Римом и был близок к победе. Блестящий карфагенский полководец Ганнибал перешел со своей армией через Альпы и в течение нескольких лет сражался с римлянами на их собственной земле. После поражения в 202 г. до н. э. он в 196 г. бежал в Тир, а его злейший враг, Рим, сравнял его столицу с землей.

Как уже говорилось выше, евреи были частью миграционной волны, которая привела арамеев в страну, позднее названную греками Сирией. Предки евреев, по всей видимости, говорили по-арамейски, но в Палестине их язык был вытеснен местным ханаанским диалектом, древнееврейским языком Ветхого Завета. Евреи резко отличались от финикийцев. Из всех городов, основанных арамеями, самым крупным и известным был Дамаск, возвысившийся к концу XI в. до н. э. Его процветанию во многом способствовал тот факт, что город не испытывал недостатка в воде, а также имел выгодное местоположение в начале важного караванного пути через пустыню, что позволяло его жителям держать сухопутную торговлю в своих руках. Арамейские купцы постепенно вытеснили финикийских, особенно на наземных торговых путях. Дамасское царство простиралось от Евфрата до притока Иордана Ярмука. Возвышение Дамаска неизбежно привело к вражде с Израиль-

ским царством, которая продолжалась несколько столетий. В 875 г. до н. э. при царе Омри Израиль находился в вассальной зависимости от северного соседа. Наследник Омри отказался платить Дамаску дань и подвергся нападению со стороны дамаского правителя Бен-Хадуда в своей столице Самарии (III Цар., 20: 1).

Евреи пришли на эту территорию как кочевники, однако по мере расселения среди стоявших на гораздо более высокой ступени развития ханаанеев они постепенно научились строить дома, обрабатывать землю и познакомились с прочими аспектами оседлой жизни. К концу XIII в. до н. э. они объединились с родственной группой, пришедшей из Египта. По пути в Ханаан ее вождь, Моисей, познакомился с культом одного арабского племенного божества, которое позднее стало израильским Иеговой. Божество это обитало в шатре (скинии), было крайне жестоким в своей мстительности и требовало крови жертвенных животных. Однако с легкой руки еврейских пророков оно претерпело удивительные метаморфозы. Наделив его милосердием и справедливостью, они вознесли его до высот некой универсальной сущности. Так родился бог евреев, христиан и мусульман.

Израиль был одним из двух государств, на которые распалось еврейское царство после смерти царя Соломона в 923 г. до н. э. Другое государство (со столицей в Иерусалиме) называлось Иудеей. Основателем еврейского царства был отец Соломона, Давид (ок. 1004—963 до н. э.). Его предшественник, Саул (начало правления ок. 1004 г. до н. э.), был вассалом вторгшихся с моря филистимлян, которым удалось закрепиться вдоль побережья. Борьба евреев и филистимлян за контроль над землями явилась толчком к созданию еврейского царства. Давид занял Иерусалим, разбил филистимлян, сбросил их иго и расширил границы своих владений во всех направлениях.

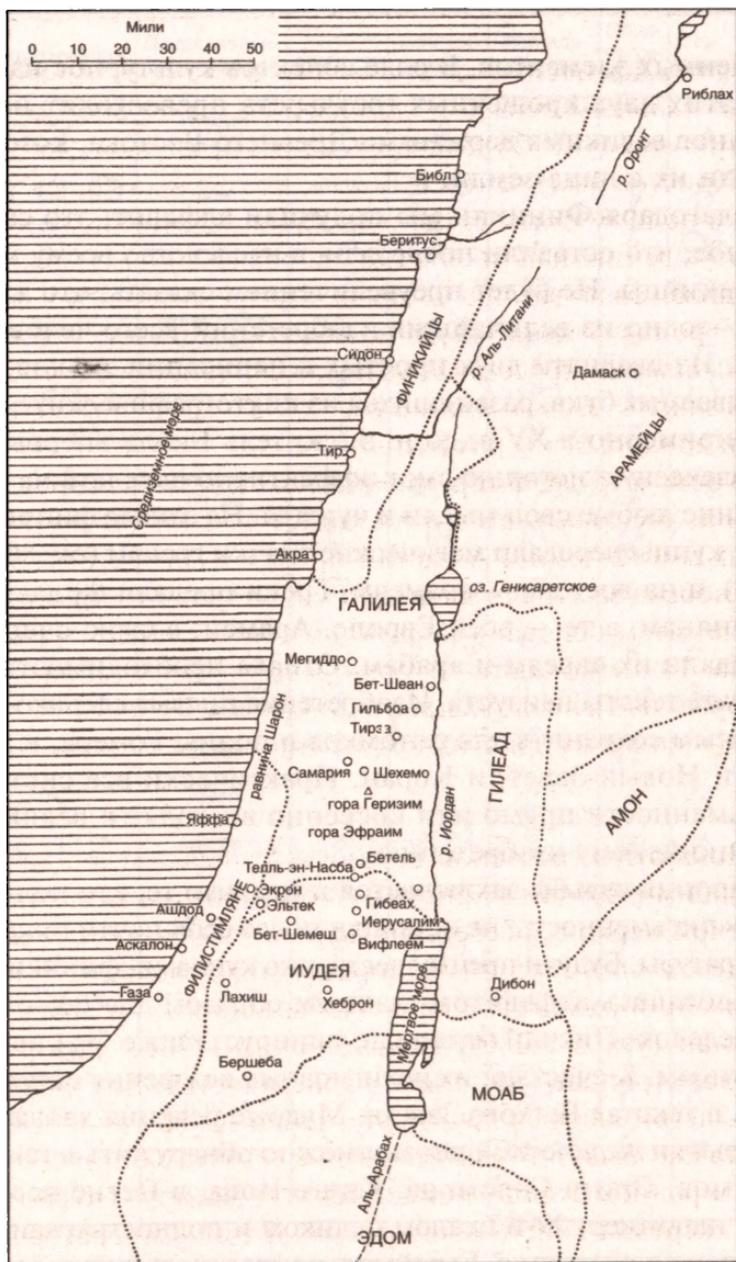
Ханаан

При его сыне Соломоне (ок. 963—923 до н. э.) еврейское царство достигло высот своего могущества и славы. Своим процветанием оно было в первую очередь обязано контролю над караванными путями, связывавшими Сирию и Финикию с Аравией и Египтом. Друг и союзник Соломона, царь Тира Хирам, снабдил еврейского монарха средствами для эксплуатации копей, расположенных в Акабском заливе, построил для него флот, а также возвел великий храм и царский дворец в Иерусалиме. Флот Соломона плавал по Красному морю, где вел торговлю с местными городами, меняя олово и медь на пряности, слоновую кость и драгоценные камни. «В своем великолепии» Соломон следовал примеру других восточных монархов — держал гарем жен и наложниц, предавался роскоши и в конечном итоге разорил казну. С его смертью единое еврейское царство прекратило свое недолгое существование.

Два его крошечных осколка тотчас начали враждовать между собой. Оба они вскоре оказались жертвами политических интриг и военных переворотов, которые стали для них истинным бедствием. За два века существования северного царства, Израиля, в нем сменились девять династий. В конечном счете в 722 г. до н. э. Израиль был разгромлен ассирийским царем Саргоном II. Ассирийцы, как мы уже знаем, сровняли с землей Арам. Иудея просуществовала до 586 г. до н. э., когда она пала под ударами нововавилонского царя Навуходоносора II.

Арам, Финикия, Израиль, Иудея исчезли с лица земли как политические образования, но не утратили своего культурного влияния. В этой своей ипостаси они внесли неоценимый вклад в сокровищницу мировой культуры.

Хотя местоположение Финикии и Палестины на перекрестке торговых путей между великими империями на севере и на юге не содействовало политической стабильности, оно вместе с тем способствовало развитию двух уникальных культур и дальнейшему распространению их

Палестина в период еврейских царств

бесценных элементов. В ряде аспектов культурное наследие этих двух крошечных государств превосходит накопленное великими державами Древнего Востока, которые стерли их с лица земли.

Благодаря Финикии мы получили алфавит; это самое ценное, что оставили после себя в наследство всему миру финикийцы. Не будет преувеличением сказать, что алфавит — одно из величайших изобретений всего человечества. Из двадцати двух простых в написании знаков, так называемых букв, развившихся из пиктографических значков примерно в XV в. до н. э., житель Библа впервые за человеческую историю смог эффективно передать на расстояние любые свои мысли и чувства. На западе финикийские купцы передали магические значки грекам (ок. 800 до н. э.), а на востоке — арамеям. Греки предали их дальше, латинянам, а те — всей Европе. Арамеи, в свою очередь, передали их евреям и арабам. Отпала необходимость заучивать тексты наизусть. Изобретение письма сделало возможным сохранить для потомков и поэмы Гомера, и Ветхий и Новый Завет, и Коран. Практически все системы письменности прямо или косвенно восходят к великому финикийскому изобретению.

Ирония судьбы заключается в том, что те, кто подарил миру письменность, не оставили после себя почти никакой литературы. Будучи преимущественно купцами, финикийцы пользовались алфавитом главным образом для оформления сделок. Писчий материал, папирус, также был недолговечным. К счастью, их религиозные воззрения сохранились в текстах Ветхого Завета. Мудрые речения ханаанеев и отрывки лирической поэзии можно обнаружить в текстах псалмов, Притч Соломона, Книге Иова, в Песне песней. Так, например, 29-й псалом целиком и полностью ханаанского происхождения. Еврейские поэтические произведения следовали арамейским образцам. На недавно обнаруженных в Угарите (Рас-Шамра) табличках Ваал называется

Синаитическое	Представленная форма	Южно-арабское	Финикийское	Рас-аль-Шамра	Позд-негреческое	Латынь	Арабское
	голова быка					A	أ
	дом					B	ب
	молящийся человек					CG	ج
						D	د
						E	ه
						FV	و
	двойная петля					...	ز
						...	ح
	рука					H	خ
						...	ط
	заостренная палка					...	ع
						...	ف
	вода					L	ل
						M	م
	змея					N	ن
	рыба					X	...
	глаз					O	ع
						P	ع
	человеческая голова					...	ق
						...	ك
						Q	ق
						R	ر
						P	ر
	лук					S	س
	крест					T	ت

Алфавит, давший начало латыни и арабскому языку от синаитического письма к финикийскому

«наездником облаков», точно так же как и Иегова в псалме 68: 4. Голос Ваала описывается как «гром», как и голос Иеговы в псалме 29: 3—5 и Книге Иова, 37: 2—5. Ваал уничтожает Левиафана, то же самое делает Иегова.

Религиозные воззрения ханаанеев, как и других семитских народов, главным образом были связаны с обожествлением сил природы. Верховными божествами их пантеона были Отец Небо и Мать Земля. Бог неба, Ваал (то есть господин), отвечал за дождь и урожай и требовал жертвоприношений. Имя женского божества было Астарта (вавилонская Иштар, еврейская Асторет). В Финикии ее главное святилище находилось в Библе, где она также была известна как Ваалат (хозяйка Библа).

В основе ханаанской религии лежал культ плодородия. Ханаанеи оплакивали периодическую смерть божества растительности, уничтоженного летним зноем. Его культ также включал в себя ритуалы, обеспечивавшие его победу в подземном царстве над богом смерти и, наконец, его весеннее возвращение на землю. Воскресший бог, Ваал, брал в жены богиню плодородия Иштар, и земля вновь начинала цвести и плодоносить. Корни этого культа уходят в глубь веков, к древним шумерам. В их мифах те же самые метаморфозы переживает Таммуз. Ханаанеи называли Таммуза Адхон (то есть господин), а центром культа его и Иштар сделали Библи и источник реки, которая сейчас называется Нар-Ибрахим. Из Библа этот культ распространился на Кипре, в Греции, на Сицилии. Там финикийский Адхон превратился в греческого Адониса, а Иштар — в Афродиту, которую римляне позднее отождествляли со своей Венерой. В Египет этот культ проник в виде поклонения Осирису и Исиде. Благодаря Овидию и Шекспиру история об Адонисе и Венере дожила до наших дней.

Пришедшие на смену финикийским купцам арамеи добились скорее лингвистических, нежели политических побед. Их язык превратился в язык международной торговли

от Индии до Эфиопии. На какое-то время он также стал языком дипломатии, и в качестве такового им пользовались представители персидской династии Ахеменидов. Даже спустя столетия после уничтожения арамейских государств их язык в его местных вариантах оставался языком общения народов, населяющих Плодородный полумесяц. Именно на арамейском, а не на древнееврейском Иисус принес народам свою благовест. К сожалению, она сохранилась лишь в греческих переводах.

Что касается искусства и архитектуры, выплавки металла и других ремесел, евреи, как правило, заимствовали подобные достижения у других народов. В этих областях человеческой деятельности, а также в торговле и политике они почти не предложили ничего нового. Их гений лежал в сфере религии. Религиозная литература евреев превратила их в духовных лидеров и моральных наставников большей части человечества. Их главный религиозный памятник — Ветхий Завет — на протяжении веков был и остается мощной движущей силой в жизни миллионов мужчин и женщин. Писатели, ораторы, поэты, художники, композиторы и сегодня черпают в нем вдохновение и сюжеты. Пророческие книги вознесли Иегову выше всех Ваалов и чужестранных божеств. Евреи сделали его единственным богом, правящим этим миром, который требует от людей не жертвоприношений, а соблюдения этических норм. Этот этический монотеизм иудаизма лег в основу христианского вероучения, а также ислама.

Амос (ок. 750 до н. э.), пастух из маленькой деревушки в Иудее, стал первым теоретиком монотеизма в истории человеческой мысли. В его представлении Иегова — это бог всех людей, а не только израильтян, а также бог справедливости (Ам., 9: 57, 5—21—4). За Амосом следовал Исаия. В то самое время, когда Саргон II разрушил столицу

Израиля, Самарию (722 до н. э.), а Синахериб осаждал Иерусалим (701 до н. э.), Исаия писал о мире во всем мире, когда волки и агнцы, леопарды и козлята будут мирно сосуществовать (Ис., 10: 10, 2: 4). Эта картина светлого будущего жива в человеческих сердцах и по сей день. Другой пророк, Михей (проповедовал в период между 730 и 722 гг. до н. э.), пророчествовал на такой же оптимистической ноте, ожидая прихода новой эры, когда мечи будут перекованы в орала (Мих., 4: 3) и наступят всеобщий мир и благоденствие.

Подобно Исаие и Михею Иеремия (проповедовал в период между 626 и 586 гг. до н. э.) также был еврейским пророком. В его видении будущий мир будет основан на справедливости (Иер., 35: 5). Иеремия внес свой вклад в развитие религиозной мысли. Согласно его пророчествам, Иегова заключит со своим народом новый договор, текст которого будет записан не на скрижалях, а в самих людских сердцах (Иер., 31: 31—4, и 32: 40). Таким образом, Иеремия провозгласил новую доктрину, а именно доктрину индивидуальной, а не групповой ответственности людей перед Богом. Больше не будет таких фраз, как: «Отцы отведали кислого винограда, а оскомины остались на зубах у детей», «Каждый умрет за свою несправедливость». Еврейское представление о справедливости, в том числе социальной, сформулировано Михеем и нашло свое бессмертное воплощение в шестой главе его Книги:

«С чем предстать мне пред Господом, преклониться пред Богом небесным? Предстать ли пред Ним со всеожжениями, с тельцами однолетними?

Но можно ли угодить Господу тысячами овнов или неисчетными потоками елея? Разве дать Ему первенца моего за преступление мое и плод чрева моего — за грех души моей?

О человек! сказано тебе, что — добро и чего требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудро ходить пред Богом твоим» (Мих., 6: 6—8).

До появления учения Христа таких высот морали и духовности в древности не достигал никто ни на Западе, ни на Востоке.

Глава 7

ПРАВЛЕНИЕ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО И ЕГО ПРЕЕМНИКОВ

Последняя треть IV в. до н. э. ознаменовала собой конец древнего Ближнего Востока и начало нового, греко-римского периода, которому предстояло продлиться около тысячи лет. Началась эта эра с блестящих побед Александра Македонского и завершилась появлением на исторической арене ислама. Культурные достижения данного периода наложили свой неизгладимый отпечаток и на Запад и на Восток.

Все началось весной 334 г. до н. э., когда юный македонский царь Александр (ему тогда было всего 21 год) со своим пятнадцатитысячным войском преодолел Геллеспонт (Дарданеллы) и двинулся дальше на восток. Его непосредственной целью было освобождение из-под персидского владычества ряда греческих городов Малой Азии, за обладание которыми эллины и персы сражались десятки лет. Освободив города, Александр, однако, не удовлетворился победой и двинулся дальше, в Северную Сирию. В 333 г. до н. э. у узкого горного прохода Иссы, где численное превосходство не играет большой роли, македоняне наголову разбили персидскую армию под предводительством царя Дария III, в три раза превосходившую их численно. На ме-

сте того древнего сражения до сих пор стоит город Искендерун, в названии которого увековечено имя победителя. Теперь у ног Александра лежали земли, что простирались к югу от места битвы. Лишь Тир, уверенный благодаря островному положению в своей неприступности, осмелился запереть перед греками ворота. Увы, после семимесячной осады защитники города были вынуждены сложить оружие и сдаться на милость победителя. Милости не последовало. Тридцать две тысячи человек были или повешены, или проданы в рабство. В Палестине та же участь постигла Газу. Перед Александром открывался путь в Египет. Томившиеся под гнетом персов египтяне были готовы поменять властителей. В северо-западной части дельты Нила было заложено основание нового города, которому предстояло стать колыбелью эллинизма и сменить в качестве культурной столицы мира Афины. Позднее, уже при римлянах, Александрия считалась вторым по значимости городом империи.

Юный полководец не терял времени даром. Вернувшись через Палестину в Сирию, он нанес сокрушительный удар по Персидской империи. Сузы, царская резиденция и процветающий город, открыли перед ним сокровищницу, а столица Дария и Ксеркса Персеполь была предана огню. Наконец греки отомстили персам за разрушение афинских храмов. Персидский царь Дарий III пытался искать спасения в бегстве, однако через год был убит одним из своих приближенных. Александр Македонский теперь считал себя наследником последнего правителя империи Ахеменидов. По праву меча таковым он и был.

Мечты о новых победах неуклонно звали его идти дальше на восток. Так Александр дошел до Бактрии (Балх в современном Афганистане). Отсюда лежал путь в Северо-Западную Индию. Увы, повернуть назад Александра вынудили не жители сказочной Индии, а недовольные полководцы и близкие к мятежу солдаты (326 до н. э.). Вернувшись

в Вавилон, Александр решил отпраздновать возвращение из долгих походов, а праздновать он умел. Торжества состоялись в старом дворце Навуходоносора. Пир следовал за пиром, веселье не прекращалось днями и ночами. В конце его герой заболел и умер. Ему было всего 32 года.

Как ни велики военные подвиги Александра, гораздо важнее оказались их культурные последствия. Они содействовали столкновению, а затем и взаимному проникновению двух культур — греческой и ближневосточной, идей и институтов, созданных этими народами, и таким образом произвели революцию в тогдашних представлениях об окружающем мире. И как полководец, и как культурный герой Александр всегда был впереди. Он взял в жены дочь Дария, носил персидское платье, заимствовал придворный этикет, требовал от своих приближенных, чтобы те тоже перенимали персидскую культуру. Впрочем, куда проще было закладывать греческие города, а их было основано несколько десятков. До него пророки, мудрецы и философы проповедовали наступление братства на земле и объединение человечества, но никто, кроме Александра, не предпринял конкретных шагов к воплощению этой мечты.

Собранная на скорую руку необъятная империя Александра после его смерти быстро начала распадаться. В результате длительной борьбы за самый большой кусок на карте Востока появились четыре государства во главе с бывшими полководцами умершего царя. Самый талантливый среди них, Селевк, получил Сирию, значительную часть Малой Азии и земли далее на восток вплоть до Индии, то есть фактически стал властителем почти всей Азии. Оставшаяся часть Малой Азии перешла к Антигону, а под власть Антипатра перешла Македония. Второй по значимости военачальник, Птолемей, стал владыкой Египта. Он

также оспаривал у своего северного соседа прибрежную Палестину и южную часть Финикии. Так был сломан «большой рог», и «на место его вышли четыре, обращенные на четыре ветра небесных» (Дан., 8: 8).

Селевк I (312—280 до н. э.) продолжал политику Александра — строил греческие города как для своих солдат, так и для переселенцев, будь то правительственные чиновники, купцы или ремесленники. Эти новые поселения становились центрами греческого языка, философии и науки. Наиболее известным городом была Антиохия на реке Оронт, столица Сирийского царства. Город получил свое имя в честь отца его основателя. Морской порт Селевкия был построен преемником первого правителя и назван в его честь. Южнее на побережье располагалась Лаодикея (Латакия), названная так Селевком в честь матери. Помимо строительства городов следует отметить введение для всей империи единого календаря. Это, пожалуй, самое значимое нововведение Селевкидов. Началом летосчисления был сделан 312 г. до н. э., год основания нового царства. По этому календарю вели счет времени до появления ислама. Сирийцы и евреи называли его греческим, и он до сих пор имеет ограниченное применение.

Основанное Селевком царство достигло своего расцвета при шестом представителе династии, Антиохе III (223—187 до н. э.). За двадцать лет непрекращающихся сражений этот энергичный монарх сумел вернуть Южную Сирию, которую некогда отвоевали Птолемеи, и Северо-Восточную Персию, которую когда-то уступили парфянам. Эти громкие военные победы снискали ему прозвище Великий. Не желая останавливаться на достигнутом, Антиох предпринял походы в Индию и в западную часть Малой Азии. Поход на запад оказался для него роковым. Во время него Селевкиды впервые столкнулись с нарастающей мощью Рима. После поражения в битве при Магнезии (190 до н. э.) Антиох был вынужден уступить Риму все свои владения за

Тарсом, а также уплатить огромную дань. Несмотря на ограниченные силы, Антиох IV решился нанести новый удар по своему южному соседу, Египту, который находился тогда во власти слабого правителя, Птолемея VI. Антиох нанес Птолемею сокрушительное поражение, а самого его захватил в плен. Нижний Египет оказался в руках Селевкидов, которые взяли в кольцо осады Александрию. Лишь давление со стороны Рима вынудило сирийскую армию отступить.

Теперь Антиох мог продолжать политику своих предшественников, а именно эллинизацию Востока. На сей раз в качестве общего знаменателя для пестрого Сирийского царства была выбрана религия. Ради этих целей правитель отождествил себя с Зевсом, который уже был отождествлен с Ваалом, и провозгласил себя «Теос Эпифанес», явленным богом. Будучи политеистами, сирийцы отнеслись к нововведению спокойно. Однако царь попробовал отождествить Зевса-Ваала с еврейским Иеговой, и исповедовавшие монотеизм евреи подняли мятеж. Возглавляемые Иудой Маккавеем мятежники нанесли сирийской армии ряд поражений. Они захватили Иерусалим (164 до н. э.), уничтожили алтарь Зевса-Ваала, сотворив «мерзость запустения», о которой говорил Даниил (11: 31). К 140 г. до н. э. возглавляемые Маккавеями евреи полностью освободились из-под сирийского ига. Свою независимость они сохраняли вплоть до вторжения римлян.

Успех восстания Маккавеев стал первым предупредительным сигналом об опасности: сшитая из лоскутков империя начинала трещать по швам. Бактрия и Парфия на востоке объявили себя независимыми. Малая Азия попала под власть Рима. На южных границах Сирии тоже было неспокойно, ибо на них потихоньку покушались арабские племена. Империя, которая когда-то простиралась от Эгейского моря до Инда, сжалась до размеров крошечных владений в Северной Сирии. Но даже здесь положение Се-

левкидов было шатким. Претензии на трон Антиоха XIII (69—65 до н. э.) были поддержаны римлянами, однако их оспорил другой Селевкид, Филипп II (65—64 до н. э.). Этот Антиох был последним, кто примерил царскую корону правящей династии. Вскоре смертельный удар Сирии нанес талантливый римский генерал Гней Помпей.

К 67 г. до н. э. Помпей освободил от пиратов Восточное Средиземноморье и взял в свои руки контроль над Востоком. В течение последующих трех лет он присоединил Сирию и Палестину, а затем и Египет, которым правила последняя представительница династии Птолемеев, царица Клеопатра, сначала вместе с братом и мужем, Птолемеем XII, а потом, с 48 по 30 г. до н. э., единолично, хотя и находясь в вассальной зависимости от Рима. В 48 г. до н. э. соперник Помпея за верховную власть, Юлий Цезарь, прибыл в Египет, чтобы там его преследовать, однако попал под чары египетской царицы. На следующий год он вернулся в Рим как завоеватель Востока. После смерти Клеопатры в 30 г. до н. э. — от яда, а не укуса аспида, как утверждает легенда, — царство Птолемеев окончательно пало и, как и Сирия Селевкидов, было выброшено на свалку истории, а их земли были поглощены постепенно разраставшейся Римской империей.

Селевкидов и Птолемеев больше не было. Они были сметены вихрем истории. А вот внесенные и поощряемые ими элементы греческой культуры остались, прижились. Взаимное проникновение греческой и семитской цивилизаций дало жизнь такому новому явлению, как эллинизм, который в течение целого тысячелетия оставался основополагающей чертой жизни на Ближнем Востоке. Даже позднее, когда на эти земли пришел ислам, он впитал в себя изрядную долю греческой науки и философии.

Колыбелью этой эклектичной культуры стали греческие города, которых здесь возникло немало. Их первоначальное население составляли солдаты, купцы, ученые и ре-

месленники. Точно так же, как и в городах самой Греции, в них имелись свои театры, гимнасии и рынки, что резко отличало их от соседних семитских поселений. Вместе с культурной интеграцией рука об руку шла и интеграция этническая. Когда кто-то из новых поселенцев решал обзавестись семьей, они, как правило, брали в жены местных женщин. В ряде случаев колонисты оседали в старых семитских городах, которые получали новые, греческие названия. Так, например, Рабат-Аммон стал известен как Филадельфия (в честь Птолемея II Филадельфа (ум. ок. 247 до н. э.)). Правда, с тех времен город вернул себе прежнее название — это столица Иордании Амман.

Самыми влиятельными центрами эллинизма были Александрия в Египте и Антиохия в Сирии. Земли вокруг сирийской столицы подверглись эллинизации в такой степени, что их порой называли второй Македонией. С Антиохией связано и такое громкое название, как Дафна. Там располагался храм Аполлона, стоявший посреди лавровой рощи. Дафна — имя греческой нимфы, которая настолько очаровала Аполлона своей красотой, что он преследовал ее до этого прекрасного места, где она превратилась в лавровое дерево. Для жителей Антиохии Дафна была излюбленным местом отдыха и развлечений. В священную рощу также отовсюду стекались паломники.

При Птолемеях Александрия значительно выросла в размерах и превратилась в одну из самых богатых торговых и культурных столиц мира. Это неудивительно, так как Птолемеи делали все для ее процветания. Так, например, в городе возвели здание, выполнявшее одновременно несколько функций — музея, библиотеки, академии наук и бюро переводов. Работать в этот храм науки приезжали ученые из Малой Азии и с Родоса. Подобно тому как город служил светочем науки и культуры для всего Ближнего Востока, так и знаменитый александрийский маяк, одно из Семи чудес света, отражая днем лучи солн-

ца, а ночью — огонь костров, указывал кораблям путь в александрийскую гавань. Смотритель александрийской библиотеки Эратосфен (ок. 276 до н. э.) первым догадался наносить на карты сетку параллелей и меридианов, а также одним из первых признал шарообразность Земли. Математик Евклид основал в Александрии школу, где написал свои знаменитые «Начала», которые и сейчас составляют теоретическую базу таких разделов геометрии, как планиметрия и стереометрия.

В Ливане финикийские города, имевшие длительную историю торговых отношений с Западом, охотно впитывали все греческое. Греческий язык стал языком науки и культуры. Родившийся на Кипре финикиец Зенон (333—261 до н. э.), стал основоположником стоической школы философии. Его учение можно без преувеличения назвать одним из наивысших проявлений человеческого духа в дохристианском мире. Стоицизм с его акцентом на добродетель, порядочность, братские отношения между людьми стал предтечей этических принципов христианства. На протяжении всего своего существования стоическая школа находилась в тесной взаимосвязи с семитскими представлениями о жизни.

Эллинизм имел не только политические, социокультурные, но и экономические аспекты. В эту эпоху Ближний Восток приобрел известное единообразие, основанное на общности языка, сходных законах, едином денежном обращении и календаре. Все это, вместе взятое, способствовало развитию торговли, и она приобрела невиданные раньше масштабы. Кроме того, в этот период заметно улучшились транспорт и сообщение между городами. Вдоль главных сирийских торговых путей выросли цепочки поселений, часто обнесенных крепостью, в которых имелся свой гарнизон, что обеспечивало безопасность передвижения и

места отдыха торговым караванам. Это такие города, как Петра на торговом пути в Аравию и Пальмира — по дороге в Месопотамию. По этим торговым путям купцы перевозили фрукты, зерно, оливковое масло, вино, пурпур, стекло, рабов, минералы, драгоценные камни, перец, корицу и другие товары. Из сирийских и египетских портов торговые суда везли их дальше на запад, в Грецию и Италию.

В этом международном товарообмене уникальную роль играла Юго-Западная Аравия (Йемен), откуда вывозились такие экзотические товары, как ладан, миро, корица и другие специи, которые пользовались огромным спросом в других странах. В свою очередь, йеменцы покупали их у ближних и дальних своих соседей, таких как Индия и Восточная Африка. Римляне окрестили эту часть известного им мира Счастливая Аравия (*Arabia Felix*), что не так далеко от истины. Йемен и впрямь был счастлив, процветая благодаря климату и предприимчивости своих купцов, которые в южных морях играли ту же роль международных посредников, что и финикийские — в Средиземном. Из южноаравийских племен наиболее известными были сабеи. Согласно преданию, в древности их правительница, царица Савская, нанесла визит самому царю Соломону. Столица страны, Мариб, расположенная восточнее нынешней столицы Йемена Саны, имела внушительных размеров дамбу, о чем наглядно свидетельствуют ее развалины. Судя по всему, это было одно из самых крупных гидротехнических сооружений древности.

Процветание Южной Аравии продолжалось вплоть до начала нашей эры. Первым сигналом тревоги стало появление в Индийском океане римско-египетских судов. Сирия, Ливан, Египет и другие соседние с ними страны рушились одна за другой, попадая в лапы Капитолийской волчицы. Так Ближний Восток открывал новую страницу своей истории.

Глава 8

ПОД ВЛАСТЬЮ РИМСКИХ ЦЕЗАРЕЙ

Эпоха владычества Римской империи, которую открывает правление Октавиана Августа (27 до н. э. — 14 н. э.), в некотором роде явилась продолжением периода эллинизма. Впервые за всю историю Ближний Восток, за исключением Персии, вошел в состав единого политического образования, простиравшегося от Атлантического океана на западе до Рейна, Дуная и Черного моря на севере, Евфрата на востоке и африканской Сахары на юге. С тех пор мир больше не знал такого пестрого конгломерата народов, языков, религий и культур, находившегося под властью одного правителя. Римские цезари превзошли в своих военных успехах даже македонских полководцев, воплотив в реальность мечту финикийско-греческих философов о едином мире.

Политика унификации, консолидации и обороны границ, начатая Августом, была продолжена и после него. Но и до Августа уже имела место практика дарования римского гражданства жителям провинций в качестве вознаграждения за несение гарнизонной службы. Римское гражданство не только было почетно, но и давало известные права и привилегии. Так, например, апостол Павел в Иерусалиме подверг сомнению право римского офицера высечь его кнутом, ссылаясь на свое римское гражданство (Деян., 22: 25). Дарование римского гражданства достигло своего логического завершения при Каракалле (211—217 н. э.), императоре из сирийско-ливанской династии, при котором его получили все свободнорожденные мужчины империи.

Ассимилирующее влияние общего гражданства сопровождалось социальным и культурным взаимодействием, которое еще теснее сближало народы. Такое взаимодействие было крайне важно, и римляне, отлично это понимая, всячески ему содействовали. Римские инженеры

возводили мосты, расширяли и мостили старые дороги, связывая воедино разбросанные части империи. Это, в свою очередь, способствовало дальнейшему развитию почтовой службы, учрежденной императором Августом. Путешественники и купцы получили в свое распоряжение карты и путеводители, а также возможность пользоваться услугами постоялых дворов и гостиниц. Римские гарнизоны следили за тем, чтобы на дорогах не бесчинствовали разбойники, а римский флот вел борьбу с пиратством. В провинциях губернаторы занимались поддержанием мира, спокойствия и порядка. Уже тогда Европа получила своего рода общий рынок. Все это содействовало невиданному ранее процветанию и богатству, долю которого получил и Ближний Восток.

Вместе с увеличением зажиточной прослойки населения — купцов, предпринимателей, землевладельцев — росли и города. Одним из неотъемлемых аспектов урбанизации является сглаживание языковых различий и усиление взаимопроникновения и взаимообогащения культур. Дороги сделали возможным не только свободный товарообмен, но и обмен идеями. Культура Рима по своей сути была версией греческой, которая в эпоху эллинизма впитала в себя немало восточных элементов.

При римлянах Малая Азия быстро приспособилась к новому порядку. Ее западное, населенное греками побережье вошло в состав Рима еще во II в. до н. э., а оставшаяся часть — пару веков спустя. Итальянские торговцы, солдаты, чиновники принесли с собой латинский язык. Однако греческий сохранил свое место в качестве языка литературы, торговли и до известной степени законодательства. Города западного побережья Малой Азии, такие как Эфес, Сарды, Смирна и столица провинции Пергам, стали не только своего рода трамплинами к завоеванию внутренних райо-

нов полуострова, но и служили соединительными звеньями между Грецией и Римом. Эфес снискал себе дополнительную славу: здесь находился знаменитый храм Артемиды Эфесской, олицетворявшей образ богини-матери, культ которой был весьма популярен в Малой Азии. Римляне называли ее Дианой, а жители Ближнего Востока — Кибелой, и у нее имелся свой храм в Сардах, древней столице Лидийского царства, где когда-то правил известный своими несметными богатствами царь Крез. Руины храма Артемиды Эфесской, безусловно, свидетельствуют о его былом величии. Сам город вошел в число малоазиатских «семи церквей», упомянутых в Откровении святого Иоанна Богослова (3: 1).

Христианство распространилось по этим территориям в середине I в. н. э., и, судя по всему, в некоторых городах быстро появились приверженцы этой религии. Во время своего первого миссионерского путешествия апостол Павел проник в глубь полуострова, в Галатию, где обратился к жителям со своими первыми проповедями (Деян., 13: 16). Во время третьего путешествия великий христианский миссионер пришел в Эфес и оставался там два года (Деян., 19: 1, 8: 10). Это был первый город из «семи церквей, которые есть в Азии».

Римская провинция Сирия, которая также включала в себя Ливан и Палестину, находилась под властью проконсула, чьи полномочия позволяли ему набирать армию, собирать налоги и вести войны. Как и пост управляющего Галлией, должность наместника Сирии была одной из самых престижных. Благодаря своему стратегическому местоположению, Сирия считалась центром римского влияния и власти во всем регионе, включая Армению, Месопотамию, Аравию и Персию. Однако наместник был не в состоянии осуществлять прямой и эффективный контроль

за пределами Антиохии и соседних со столицей территорий. Поэтому реальная власть на местах была отдана на откуп представителям местной знати, которые несли на себе внешний лоск эллинизма. Особое место среди этих вассальных правителей занимали цари Иудеи и Набатейского царства. Для защиты от частых нападений со стороны полудиких аравийских племен вдоль восточной границы на окраине пустыни была выстроена цепь военных городков. Силами этих гарнизонов можно было также воспользоваться для поддержания внутреннего порядка и спокойствия в городах. Однако куда более надежной гарантией служило равенство перед законом и полноценное участие в общественной жизни.

При римлянах Сирия из находящегося в состоянии упадка региона, пребывавшего в запустении после крушения династии Селевкидов, превратилась в зажиточную, процветающую провинцию. Численность ее населения в эти годы достигала около шести миллионов человек. Остатки крепостных стен и акведуков отмечают местоположение ее древних городов на берегах Оронта, к востоку от Алеппо и Хомса, а также вдоль границы Сирийской пустыни. Сирийские купцы проникали в Европу, доходя до Галлии и Испании. В то время слово «сириец» означало любого говорившего на сирийском (арамейском) языке и применялось по отношению к жителям Ливана, Палестины и Месопотамии. Их активная торговая деятельность помогала сближению Востока и Запада. В этом смысле сирийские торговцы — продолжатели дела финикийских и предшественники генуэзских и венецианских купцов.

При римлянах более других возвысились четыре сирийских города: Антиохия, Баальбек, Бейрут и Иерусалим, — и каждый из них интересен по-своему.

По своей славе, великолепию и роскоши столица провинции, Антиохия, уступала только Риму. По численности населения она конкурировала с Александрией за зва-

ние второго города империи. По всей видимости, в ней насчитывалось около полумиллиона жителей. Дафна, ее цветущий пригород и священная роща, привлекала тысячи паломников и искателей удовольствий как из ближних стран, так и издалека. Юлий Цезарь построил в Антиохии театр, император Каракалла повысил город в статусе до колонии. Вдоль дороги протяженностью четыре мили, соединявшей Антиохию с Дафной, раскинулись сады, в тени которых таились загородные дома и били струи фонтанов. Все это служило прекрасными декорациями для веселых праздничных процессий, которые время от времени двигались по дороге между двумя городами. Дафна с ее тенистыми садами, журчащими струями фонтанов, высокими кипарисами и благородными лаврами была поистине райским местом. Посвященные Аполлону лавры охранялись от вырубки законом. Кроме того, здесь находился знаменитый оракул, с которым советовались даже императоры. Здесь же проходили знаменитые праздники, во время которых царили веселье, музыка и танцы и сексуальная раскрепощенность. По случаю торжества в Дафне также устраивались театральные представления, гонки колесниц и гладиаторские бои.

Баальбек, судя по его названию, был первоначально посвящен главному семитскому божеству Ваалу, который охранял плодородную равнину, разделяющую северный и южный Ливан. Селевкиды, которые отождествляли Ваал с солнцем, переименовали город в Гелиополь. Римляне сохранили греческое название города, зато романизировали имя божества. Так Ваал стал называться Юпитером Гелиополитанусом. Октавиан Август пожаловал городу статус колонии. Однако Гелиополь оставался менее греческим, нежели Антиохия, менее римским, чем Бейрут, зато более семитским, нежели те, вместе взятые.

При императоре Каракалле (211—217) и его преемниках из сиро-ливанской династии был построен, а затем расширен храм гигантских размеров с богатой внешней и внутренней отделкой. Мать Каракаллы, Юлия Домна, была талантливой и красивой дочерью верховного жреца в Хомсе (Эмеса). Она познакомилась со своим будущим мужем и императором Септимием Севером (193—211), когда тот командовал легионом в Сирии. Сирийская царевна с гордостью носила титул супруги императора, помогая своему венценосному мужу в государственных делах. Не утратила она свою власть и после его смерти. В качестве советника она пригласила знаменитого в Бейруте юриста Папиниана, который также приходился ей родственником. В Риме его место занял знаток законов Ульпиан, как и его предшественник, уроженец Бейрута. Ульпиан служил при Александре Севере, последнем и самом талантливом представителе династии. Родиной императора был город Арка, расположенный на севере Ливана. О том, какой вклад внесли в римское право эти два императорских советника, будет сказано ниже.

Площадь Гелиопольского храмового комплекса составляла примерно 300 на 200 метров, что гораздо больше площади любого из средневековых христианских соборов. В этом отношении храм уступает лишь собору Святого Петра в Риме и нескольким современным сооружениям. На его территории находятся развалины древнего и большего по размерам храма, посвященного Ваалу-Юпитеру, и второго, меньших размеров, однако более изысканного, посвященного его супруге Атаргатис (Астарте). Храм Атаргатис обычно приписывают Вакху. Из колонн храма Юпитера лишь шесть продолжают горделиво стоять, бросая вызов землетрясениям и разрушительному действию времени. Высокие и стройные, они видны путнику издали. Каждая колонна состоит из трех блоков; ее высота составляет 21 метр, а диаметр — около 2 метров. Массивные каменные блоки, из которых сложены колонны и стены, просторные внутренние

дворы, богатство убранства и тонкая резьба на фризе — все это привлекает в Баальбек туристов со всего мира. Таких грандиозных сооружений не было даже в самом Риме.

Если Баальбек был культовым центром, то Бейрут (Барут) был известен интеллектуальными достижениями своих жителей. В этом отношении город занимал ведущие позиции на Ближнем Востоке, как когда-то, во времена финикийцев, в торговле. Он возвысился рано, еще при Юлии Цезаре, когда тот возвел его в ранг колонии и в честь дочери дал имя Колония Юлия Августа Феликс. Однако истинную славу Бейруту принесла школа римского права. Основанная императором Септимием Севером (ум. 211), эта школа процветала до середины VI в. В римских провинциях равной ей была, пожалуй, лишь школа в Афинах. По этой причине ливанский город притягивал к себе лучшие умы с соседних территорий точно так же, как сегодня это делают ведущие американские университеты.

На этом академическом небосклоне ярче других выделяются имена Папиниана и Ульпиана. Первый был уроженцем Хомса, второй — Тира. Из юридических трудов Папиниана 595 позднее вошли в «Дигесты» Юстиниана, не менее трети которых составляют также труды Ульпиана. В знак признания заслуг великих юристов император Юстиниан (ум. 565), чье имя носит этот кодекс, назвал Бейрут «матерью и кормилицей права». Римские законы по праву можно назвать самым внушительным и долговечным наследием Римской империи.

Иерусалим был столицей римской Палестины, которую сами жители называли Иудеей. При Ироде Великом иудейское царство существенно расширило свои границы. Ирод сменил на троне своего отца, марионеточного пра-

вителя, по происхождению идумея, назначенного Помпеем. Идумеи были перешедшими в иудаизм арабами. Ирод заново обнес Иерусалим стенами, а также отстроил во всем его великолепии иерусалимский храм. Он оказывал поддержку земледельцам и ремесленникам. Именно в его храм пришел во время пасхальных праздников Иисус. На побережье царь отстроил порт, который позднее вошел в состав римской Палестины, и дал ему название Кесария в честь своего покровителя Августа. Этим и другими своими действиями он настроил против себя местное население. Иудеи подняли восстание, обвинив Ирода в том, что он отдает предпочтение эллинизму и в ущерб местным традициям насаждает римские. Из всех ближневосточных народов евреи упорнее всего сопротивлялись римскому владычеству. Считая себя «избранным народом» и «Авраамовым семенем», они оказывали сопротивление любым попыткам интеграции и ассимиляции, отстаивая свое право на национальную уникальность. Их культура носила замкнутый характер. Эхом репрессивных мер, предпринятых Иродом, является так называемое «избиение младенцев», о котором мы читаем в Евангелии от Матфея (2: 13—16). Ирод умер в 4 г. до н. э., проведя на иудейском троне тридцать три года, то есть через два года после рождения Христа, который, согласно уточненным расчетам ученых, родился в 6 г. до н. э.

Два города Римской империи, стоявшие на караванных путях, заслуживают отдельного упоминания. Это Петра и Пальмира.

Петра, столица Nabateyского царства, служила перевалочной базой для караванов, следовавших из Хиджаза в Палестину. Судя по оставленным ими надписям, северные арабские племена, набатеи, первоначально говорили на арамейском диалекте. В Петре усталых купцов ждали све-

жая вода и вырубленные в скалах комнаты, в которых можно было укрыться от набегов диких бедуинов. Здесь они могли сменить усталых верблюдов на свежих и возобновить свое путешествие из богатой специями Южной Аравии в средиземноморские порты или города внутри материка. Оттуда они возвращались, нагруженные тканями, зерном, посудой и другими товарами, производимыми на севере. В течение двух последних веков до нашей эры и I в. н. э. Петра процветала благодаря своему удачному расположению на оживленном торговом пути. Границы ее владений включали в себя Северную Аравию, Палестину и Юго-Восточную Сирию. Это были владения набатейского царя по имени Харетат IV (Аретас, 97 до н. э. — 42 н. э.), того самого, который пытался арестовать в Дамаске апостола Павла (Кор., 11: 32). Его царство находилось в вассальной зависимости от Рима, хотя когда-то жители Набатеи сумели отбить наступление Помпея. Однако со временем они поддались соблазнам эллинизма, безраздельно господствовавшего тогда в регионе, и в конечном итоге оказались в зависимости от Римской империи.

Их столица с ее театрами и храмами в греко-римском стиле имела все признаки эллинизированного города, хотя формально набатейские цари обладали полунезависимым статусом. Впрочем, в конце концов этот неопределенный статус начал вызывать неудовольствие римлян, особенно когда те столкнулись со своим последним независимым соперником на Ближнем Востоке — Персией. В соответствии с приказом Траяна римский легат в Сирии в 106 г. захватил Петру и подверг ее разрушению. Прекрасный, богатый «розовый город, почти такой же старый, как и само время» был предан забвению. Его местное название, Вади-Мусса (долина Моисея), служит напоминанием о событиях, произошедших в древности.

Корона Петры перешла к Пальмире. Как и ее предшественница, Пальмира была обязана своим возвышением

обильному источнику не очень чистой, но тем не менее пригодной для питья воды и местоположению на караванном пути через пустыню с запада на восток. Как и набатеи, жители Пальмиры происходили из арабского племени, перенявшего арамейский язык и культуру эллинизма. Траян сделал этот город частью провинции Аравия, которую создал после разрушения Петры. Под покровительством Рима Пальмира переживала экономический и политический расцвет. В 260 г. ее правитель Одаинат (Оденат) удостоился почетного титула, к которому прилагались полномочия представителя императора в восточной части империи. Это был знак благодарности Рима за верность империи: правитель Пальмиры возглавлял сирийско-аравийскую армию, которая спасла императора Валериана. (После сражения на севере Сирии глава Римской империи попал в позорный плен к своему персидскому врагу.)

После смерти Одената (ок. 266) от имени их малолетнего сына бразды правления Пальмирой взяла в свои руки его вдова Зенобия. Умная и решительная женщина, она устроила свой двор по персидскому образцу, однако в качестве советника пригласила эллинского философа, который учил ее греческому языку. Воспользовавшись ослаблением Рима, она распространила свою власть на Сирию, Аравию и Египет, где в Александрии держала гарнизон, и на Анатолию, где ее армия дошла до Анкары. К 272 г. Рим, однако, оправился от позорного поражения, нанесенного ему персами, а также от набегов своих западных соседей. Аврелиан лично возглавил победное шествие своей армии по Анатолии, Северной Сирии и, наконец, подошел к Пальмире. Увы, обещанной помощи от персов несчастная царица так и не получила. Ночью она пыталась бежать из города на верблюде. Однако посланные ей вдогонку всадники настигли ее еще до того, как она успела переправиться на другую сторону Евфрата. В 274 г. гордую восточную царицу, увешанную драгоценностями и

закованную в золотые цепи, провели во время триумфального шествия по улицам Рима. Пальмира подверглась разрушению, а ее обитатели были вырезаны. Из всех роскошных построек города сохранился лишь храм Ваада. На его месте впоследствии выросла бедная мусульманская деревня Тадмур, в названии которой сохранилось древнее семитское имя.

С внешней стороны храма тянется длинная колоннада, высятся изящные арки и заметны другие яркие, но, увы, немые свидетельства существования на этом месте некогда процветавшего города. Сегодня колоннада длиной 370 метров состоит из 375 колонн, каждая высотой около 17 метров. Материал, из которого они изготовлены, гранит, по всей видимости, был привезен из Египта. Некогда венчавшие колонны статуи выдающихся жителей Пальмиры сегодня можно увидеть в музеях Америки и Европы.

К концу III в. н. э. римский орел распростер свои крылья далеко на восток, вплоть до самого Евфрата, по другую сторону от которого лежала гордившаяся своей независимостью и военной мощью Персия, готовая в любую минуту бросить Риму вызов. Эти же силы в свое время стали барьером на пути проникновения сюда эллинизма, который легко распространился по всему Ближнему Востоку. Культурный разрыв между Персией и ее западными соседями обозначился еще резче, когда основной религией в них стало христианство.

Глава 9

ПОБЕДНОЕ ШЕСТВИЕ ХРИСТИАНСТВА

Христианство является семитской религией, возникшей на Ближнем Востоке, однако впитавшей в себя идеи греко-римского мира. Из эллинизированного востока оно совершило победный марш на запад и достигло пика сво-

его триумфа в Европе. Правда, для этого ему пришлось слегка измениться, чтобы стать приемлемым для жителей других частей Римской империи. Таким образом, эта религия сбросила оковы своего ближневосточного происхождения и переместилась выше, на международный уровень. Этот процесс, весьма эффективно начатый эллинизированным евреем, апостолом Павлом, продолжили так называемые Отцы Церкви, писавшие по-гречески или на латыни и работавшие в Александрии, а также других крупных городах Малой Азии и Северной Африки.

Поначалу процесс шел мучительно медленно, а положение новой религии было довольно шатким. В течение I в. н. э. христианство мало чем отличалось от других ближневосточных сект, которые в то время множились как грибы после дождя. Другие верования оно начало теснить лишь во II в. Последователи многобожия были в силу особенностей своих религиозных представлений довольно терпимы к чужим богам и потому не проявляли враждебности по отношению к новому культу и его адептам. В отличие от них уверовавшие в одного истинного бога были совсем иными. Они демонстративно не желали принимать участие в многочисленных религиозных праздниках, приносить жертвы другим богам и склонять головы перед божественным цезарем. Охваченные миссионерским рвением, они горели желанием обратить в свою веру весь мир. Политика сосуществования религиозных учений была не для них. Любой, кто был не с ними, был против них. Столкновение с официальной религией было неизбежно.

Преследование христиан при Нероне, которое началось в 64 г., не имело под собой религиозных мотивов. Из христиан сделали козлов отпущения, взвалив на них вину за случайный пожар, который уничтожил всю центральную часть Рима. Павел, умерший в Риме в 67 г., наверное, также стал жертвой указа Нерона. Куда более серьезные последствия имел эдикт Траяна, изданный в 122 г. Согласно

этому указу, христиане, отказывавшиеся воздавать почести государственным богам, объявлялись изменниками и предателями империи. Этот приказ развязывал руки наместникам провинций, которые тотчас ухватились за него для сведения счетов со своими подданными-христианами. Валериан (257 г.) пошел еще дальше, запретив любые собрания христиан. Список мучеников, «чья кровь стала семенем церкви», заметно увеличился при Диоклетиане в 303 г. Под давлением со стороны языческих жрецов, отлично понимая, какую опасность несет в себе христианство для других религий империи, этот император, чья жена и дочь, возможно, тоже исповедовали христианство, издал жестокий эдикт, предписывавший сожжение христианских церквей и книг, а также лишение гражданских и военных постов любых приверженцев этой религии. Правительственные чиновники также наверняка чувствовали угрозу со стороны христиан и оказывали давление на императора. В течение десяти лет продолжались жестокие преследования христиан на Ближнем Востоке. Гепрессии докатились до самых удаленных уголков империи, где наместники в очередной раз воспользовались императорским указом в своекорыстных целях. Были изобретены новые пытки. По свидетельствам историков церкви, в Северной Сирии мужчин пытали раскаленным железом. Женщины же, чтобы не подвергнуться насилию, часто были вынуждены идти на самоубийство. Палестинских мучеников бросали на растерзание диким животным. В Аравии христиан рубили топором. Один малоазийский епископ по имени Николай был замучен до смерти. Впоследствии он был причислен к лику святых и превратился в Санта-Клауса. Обычай дарить подарки в день его подвига позднее был перенесен на Рождество. Согласно легенде, он берет свое начало в добрых делах епископа Мир Ликийских — святой Николай якобы тайком дал приданое трем дочерям одного бедного прихожанина, который, будучи не в силах вынести своего позора, соби-

рался наложить на себя руки. В Риме соорудили специальную триумфальную колонну, на которой борцы с «христианским суевением» похвалялись своими подвигами.

Но как часто бывает, жестокость себя не оправдала. Даже язычники были потрясены этими зверствами. Еще до того, как вакханалия расправ над христианами прекратилась, их религия уже была близка к тому, чтобы стать господствующим вероучением. Таким развитием событий мы обязаны императору Константину Великому (306—337), с ведома которого христианство сделалось официальной религией Римской империи.

Хотя первые три века нашей эры отмечены гонениями власти на христиан, христианская философия развивалась в тесной связи с традиционной греко-римской античной философией. Для того чтобы римляне перешли в христианство, его следовало романизировать. Такие философские учения, как стоицизм и неоплатонизм, представляли собой синкретические системы западной и восточной мысли. Их основателями и ведущими представителями были эллинизированные жители Ближнего Востока. Как уже говорилось выше, основы стоицизма заложил финикиец Зенон. Другой выходец из Финикии, Порфирий (ум. ок. 305), стал основателем неоплатонизма. Его семитское имя было Мелик (то есть царь). У Порфирия имелись учитель, выходец из Египта, и ученик-сириец, и оба они внесли свой вклад в разработку и дальнейшую пропаганду новой системы философских взглядов. Процесс примирения христианства и стоицизма предполагал взаимные уступки и компромиссы. Положения, характерные для стоицизма, были включены в послания апостола Павла в виде тезиса о человеческой природе. К их числу, в частности, относятся постулаты о том, что человеческое тело имеет как земную (материальную), так и небесную (духовную) природу.

Неоплатонизм представляет собой попытку примирить Платона и Аристотеля и семитские взгляды на мир.

Неоплатоники выдвинули дуалистическую теорию идеи и материи, превратив тем самым видимый физический мир в эманацию имманентной божественности, от которой ведет свое начало и человеческая душа. Это различие между преходящим, изменчивым, чувственным физическим миром вещей и вечным, неизменным миром идей стало одной из основополагающих доктрин христианской философии. Неоплатонизм отделял материю от пространства, тело от души. По мнению средневековых христиан, мир являлся «долиной слез», ведущей на тот свет. Из еврейских философов доктрину о двойственной природе человека разделял Филон Александрийский (ок. 20 до н. э. — 40 н. э.). В соответствии с такими воззрениями тело воспринималось как узилище души, из которого та стремится вырваться, чтобы воссоединиться с Богом. От христиан и евреев эти взгляды перекочевали в ислам, в частности к суфиям.

Христианская философия не только обогатилась за счет включения в нее положений стоицизма и неоплатонизма, но и благодаря им смогла привлечь на свою сторону самые блестящие эллинистические умы того времени. К началу III в. интеллектуальный центр империи переместился из Рима и Афин в Александрию. Залогом такого первенства послужили труды эллинизированных выходцев из Анатолии, Египта, Сирии. Основоположником александрийской теологической школы был Климент, в прошлом язычник, изучавший греческую философию. В Александрии Климент с 190 по 203 г. возглавлял разработку христианского катехизиса, стремясь при этом привести христианское вероучение в гармонию со всем лучшим, что имелось в античной культуре. Его более прославленный ученик и последователь, Ориген (ум. ок. 253), родился в Египте в семье язычников. Он нередко прибегал к аллегорической интерпретации Библии. Другим Отцом Церкви египетского происхождения был Афанасий (ум. 336), ярый борец с язычеством и

ересями. Афанасий вошел в историю как отец «истинной веры» главным образом благодаря своей борьбе с арианством. Арий (ум. 336) был греческим богословом. Он учил, что Христос был сотворен Богом, но сам не являлся таковым в полном смысле. Взгляды Ария подверглись суровому осуждению на Никейском соборе (325), где Афанасий отстаивал свою версию Символа веры, в которой упоминается Троица. Учение о Троице может считаться результатом размышлений представителей александрийской богословской школы. Сегодняшние унитарии — духовные наследники арианского вероучения.

В одном труде, авторство которого приписывается Афанасию, рассказывается о жизни египетского отшельника по имени Антоний. Антоний провел в пустыне двадцать лет, собрав за это время вокруг себя группу учеников, которые затем основали первую колонию отшельников-аскетов. Такие колонии вскоре превратились в монастыри, которые из Египта распространились в Палестину, а отсюда — по всему христианскому миру.

Пока отцы греческой церкви в Александрии обогащали своими трудами христианское вероучение, отцы латинской церкви в Северной Африке занимались привнесением в ее внутренний порядок и управление идей и положений римского права. Первым среди них был Тертуллиан (ум. ок. 230), карфагенский юрист, который в возрасте тридцати лет принял христианство. Его учеником и коллегой являлся другой уроженец Карфагена, Киприан, также бывший язычник (р. ок. 200). Киприан занимал в родном городе епископскую кафедру. Позднее он стал жертвой гонений на христиан при императоре Валериане и был обезглавлен.

Однако настоящим гигантом христианской мысли, затмевающим собой другие крупные фигуры того времени,

безусловно, является Августин. Родился он в 354 г. в Северной Африке, к западу от Карфагена, и до тридцати трех лет был ярким адептом манихейства, персидской религии, основанной на идее дуализма света и тьмы. Богом света был Митра, чей праздник отмечался 25 декабря. Именно в этот зимний день свет одерживал победу над тьмой и светлая часть суток снова начинала увеличивать свою продолжительность. Позднее этот день был объявлен христианским Рождеством. С 394 по 430 г., до самой своей смерти, Августин был епископом Гиппона. Как и Карфаген, этот город был бывшей финикийской колонией. Проповеди и письма Августина продолжают оказывать влияние на христианскую мысль и по сей день. Из его трудов самыми знаменитыми являются автобиографический этюд «Исповедь» и трактат «О граде Божьем», в котором Августин называет церковь новой империей, что вырастает на развалинах старого Рима. Однако, согласно взглядам Августина, она существовала с самого начала времен. Все эти ранние Отцы Церкви прославились не только благодаря своей учености, но и святости, и, как правило, их именам предшествуют эпитеты «святой» или «блаженный».

В Средние века церковь хранила как духовное наследие евреев и христиан Иерусалима, так и (через сочинения александрийских богословов) духовное наследие Афин, а благодаря трудам христианских авторов из Карфагена и Гиппона — наследие Рима. Не будет преувеличением сказать, что она превратилась в настоящее хранилище знаний христианского мира. Из римских источников средневековое общество черпало принципы социального устройства, основанного на порядке и дисциплине. Наше каноническое право позаимствовало принципы римского. В известном смысле средневековая христианская церковь примерила на себя одежды Римской империи, а папская тиара стала напоминать императорский венеч.

Глава 10

ВИЗАНТИЙСКАЯ ЭПОХА

Великим императора Константина (совместное правление — 306 г., единоличное — 324—337 гг.) делают два его деяния: возведение христианства в статус официальной религии и основание Константинополя. Новый город был построен на месте старой греческой колонии Византия. В течение целого тысячелетия Константинополь служил столицей Византийской империи, а в течение последующих пятисот лет — столицей Османской. Сегодня мы называем этот город Стамбулом. Уникальное местоположение города Константина на холмистом мысе, отделенном от азиатского берега проливом Босфор, обеспечивало ему безграничный контроль над этими узкими воротами между двумя континентами и двумя морями. Влияние, которое Константинополь оказал на ход человеческой истории, сравнимо с воздействием Рима, Афин и Багдада. В течение почти двух веков, когда империя была разделена на Западную и Восточную, Константинополь наряду с Римом выполнял столичные функции. Однако по мере того как старая столица на берегах Тибра дряхла и приходила в упадок, новая продолжала расти и процветать. Когда в 476 г. Западная Римская империя, а с ней и Вечный город окончательно пали под ударами варваров, Константинополь остался единственным местом средоточия императорской власти. Восточную империю от Западной отличало то, что ее жители говорили на греческом языке и исповедовали христианство. Ее общественная мысль в большей степени была пронизана идеями эллинизма и Востока. Неудивительно, что провинции Западной Азии играли в ней ведущую роль.

На протяжении веков основная сила Византии была сосредоточена в Малой Азии, находившейся под значительным влиянием эллинизма. Сирия оставалась семитской,

Египет — хамитским. Сирийское христианство считалось раскольническим, если не откровенно еретическим, равно как и христианская церковь в Египте. А вот христиане Малой Азии придерживались ортодоксального вероучения. По языку богослужения и ритуалам сирийская церковь резко отличалась от византийской — сирийские христиане пользовались арамейским языком. Считается, что их литургия восходит к святому Иакову, родному или двоюродному брату Христа, но, даже если это и не так, она, вне всякого сомнения, древнее греческой и латинской. В сирийском христианстве лежат корни несторианства и монофизитства, двух великих ересей восточной церкви. Оба этих учения служили идейной основой для сепаратистских движений.

Несториане считали, что в Христе Божественная (Логос) и человеческая сущности соединились в идеальной гармонии его поступков, но не в целостности индивидуальной личности. Автор этой доктрины, Нестор, родился в Киликии и с 428 по 431 г. был константинопольским патриархом, однако участники Эфесского собора осудили его взгляды. Сторонники монофизитства (в переводе с греческого — «одна природа») считали, что Божественное и человеческое в Христе составляли единое целое. Египетская христология во многом напоминала сирийскую. В IV в. в Египте получило распространение арианство, а в V в. египтяне приняли доктрину монофизитов, объявленную еретической на Халкидонском соборе в 451 г. Во время этого собора подверглось осуждению несторианство, а также была сформулирована доктрина двух идеальных и неотделимых, однако отдельных природ Христа. Этот тезис до сих пор принят католиками, православными и протестантами в качестве ортодоксального. В Египте и Сирии враждебность по отношению к центральной константинопольской власти не могла не вылиться в религиозный сепаратизм.

Напряженность в отношениях между Византией и ее сирийской и египетской провинциями объясняется не только теологическими расхождениями, но и политическими и экономическими причинами. Византийские императоры были большими автократами, налагали куда более тяжелые налоги и в целом были куда более нетерпимы к сторонникам иных религиозных взглядов, нежели их римские предшественники. Хотя говорившие по-арамейски сирийские купцы по-прежнему держали в своих руках торговлю в Восточном Средиземноморье, а египетские крестьяне продолжали снабжать империю пшеницей, налоги были столь высоки, что не могли не вызывать недовольства у тех и других. Кроме того, географическое положение Сирии, находившейся на пути персидской армии, которая регулярно вторгалась в пределы Византийской империи, было источником дополнительной экономической напряженности и политической нестабильности в этой провинции. Египет лишь однажды, в 616—618 гг., стал жертвой вторжения персов, которые затем хозяйничали здесь на протяжении десяти лет, зато постоянно страдал от эпидемий. Можно предположить, что по сравнению с суровыми византийскими порядками власть персов показалась египтянам более предпочтительной.

Персидско-византийские отношения были еще более напряженными, нежели отношения между Персией и Римом. В тот период Персия находилась под властью династии Сасанидов (226—651), представители которой проводили агрессивную и националистическую внешнюю политику. Сасаниды представляли для Византии серьезную угрозу и по крайней мере дважды были близки к тому, чтобы изгнать византийцев из Западной Азии и восстановить империю в границах, существовавших в период правления царя Дария I. Шапур (240—272) вторгся в Месопотамию, оккупировал Северную Сирию, в 260 г.

захватил в плен римского императора Валериана и проник в глубь Малой Азии, дойдя до Кесарии и Каппадокии. Как мы помним, римлян тогда спасли решительные действия пальмирского царевича Одената. Куда более серьезную опасность представлял бросок на запад, предпринятый шахиншахом Хосровом I (531—579), самым знаменитым из Сасанидов. Армия Хосрова вошла в Сирию, подвергла разграблению Антиохию и, наконец, вышла к Черному морю. Императору Юстиниану стоило немалых средств и трудов купить для Византии в 562 г. пятидесятилетнее перемирие с персами. Этот договор обозначил для Византии утрату ее бывшего влияния на Ближнем Востоке.

Увы, мир, заключенный между Хосровом и Юстинианом, как все подобные договоры, оказался недолговечным. Внук Хосрова I, Хосров II (589—828), предпринял в 605 г. новую военную кампанию. Он опустошил Северную Сирию, захватил в Малой Азии Кесарию и вышел к Халкидону (Скутари, Ускудар), расположенному напротив Константинополя. Более поздняя кампания 611—617 гг. закончилась разграблением Иерусалима и перенесением «истинного креста» в Ктесифон. Именно тогда Египет на десять лет попал под власть персов. Однако в конце концов Хосров обрел реального противника в лице византийского императора Ираклия (610—641). Тот изгнал персов и восстановил власть Византии в Месопотамии, Сирии и Египте, за что удостоился почестей как спаситель империи. В 630 г. он с триумфом вошел в Иерусалим и посреди всеобщего ликования вернул крест в город. Однако этот новый период владычества над Ближним Востоком оказался для Византии кратковременным. В результате взаимной вражды непримиримые враги — Персия и Константинополь — обескровили друг друга, а тем временем рядом уже поднимала голову новая сила — ислам, о котором речь пойдет в следующей главе.

Время существования Византии — это главным образом период безраздельной власти церкви как главного государственного института. Церковные здания, монастыри, святые места множились как грибы после дождя. Героями дня были святые. Священники, епископы, монахи и ананореты играли в обществе куда более важную роль и имели для него гораздо большую ценность, чем ученые и поэты. В этот период вера в светские институты, в разум, в интеллектуальные возможности человека была сильно подорвана. Излюбленным образом жизни стало монашество, которое, как было сказано выше, развилось из аскетизма, впервые появившегося в Египте. У идеала безбрачия, бедности, покорности были тысячи горячих приверженцев.

Эдесса в Северной Сирии была интеллектуальным центром восточносирийской церкви. Эта церковь гордо возводила свои корни к апостольской традиции, и для нее были характерны собственные ритуалы. Она была старше несторианства, однако, поскольку ее иерархи отказались предать Нестора анафеме, она стала известна как несторианская. Из Эдессы идеи ее проповедников распространились в Персию, куда потом переместился и ее центр. Интеллектуальные достижения Эдесской школы обогатились переводами с греческого. Когда император Зенон в 489 г. уничтожил Эдесскую школу, ее преподаватели бежали на восток в Насибис, где продолжили свои труды, включая переводы. Учение этой церкви пронизано миссионерским рвением, свидетельством чему служит тот факт, что ее адепты добрались даже до Китая. Имена и труды ее шестидесяти семи миссионеров, которые прибыли туда в 635 г., увековечены на специальном памятнике. Вместе с миссионерами в Китай проникло сирийское письмо, которое нашло здесь дальнейшее применение. Миссионеры, отправившиеся на юг, добрались до западных берегов Индии, где основали церковь, которая сейчас носит имя святого Фомы.

Вероучение западносирийской церкви было монофизитским, ее центр остался в Сирии. Хотя ее сторонники не были настолько сильно охвачены миссионерским рвением, как их восточные собратья, они тем менее осуществили христианизацию Армении, чья церковь получила название григорианской. В Египте идей монофизитства придерживаются верующие, принадлежащие к коптской церкви. С конца VI в. западная церковь известна как яковитская (названа в честь Иакова Барадея, епископа Эдессы (543—578)). Правда, ее адепты предпочитают именовать ее православной или старой сирийской.

Помимо представителей этих двух сирийских церквей в Сирии, главным образом в Антиохии, имелась и небольшая группа христиан, которые пользовались греческим языком и принимали христианское учение в том виде, в каком оно было сформулировано на Халкидонском соборе. Это так называемая православная церковь. Ориентированная на Константинополь, она находилась под покровительством национальной власти и стала известна как мелькитская (то есть царская). Как ни странно, сегодня термин «мелькитская» используется в отношении небольшой ее части, отколовшейся от нее в XVIII в. под влиянием католического миссионера, чтобы последовать за Римом. И в греческой католической (мелькитская), и в греческой православной церквях богослужения ведутся на греческом языке. Разработка ритуала богослужения приписывается святому Василию (ум. 379), епископу Кесарии, города в Каппадокии. Чуть позднее ряд изменений в православную литургию внес святой Иоанн Златоуст, занимавший в 398—404 гг. кафедру константинопольского патриарха. Прозвище Златоуст он получил благодаря своему красноречию, с помощью которого бичевал тех, кто погряз в разврате и роскоши.

Что касается светских областей интеллектуальной деятельности, то можно вновь упомянуть Бейрутскую школу

права, которая продолжала вносить свой вклад в сокровищницу человеческой мысли. Когда в 533 г. Юстиниан решил собрать в единый кодекс и снабдить комментариями все римские законы, он обратился к юристам Бейрута и выписал себе в качестве редактора юриста Дорофея. Тот переехал в Константинополь, где проработал не один год, собирая и редактируя для потомков наследие римской юридической мысли, включая труды своих предшественников по Бейрутской школе — Папиниана и Ульпиана.

Другим вкладом Византии в сокровищницу мировой цивилизации было искусство и архитектура. С IV по VI в. проходило смешение элементов греческой, римской, эллинистической и восточной художественных традиций, что в конечном итоге дало жизнь такому яркому явлению, как византийское искусство. Его каноны пережили века, а его произведения можно встретить от Армении до Италии. К их числу относятся самые грандиозные сооружения Средневековья. Свое самое блестящее воплощение византийская архитектура нашла в культовых сооружениях — церквах и соборах.

Византийское искусство — искусство христианское, религиозное. Зародилось оно в Сирии, где в строительстве и внутреннем убранстве церквей использовался опыт создателей еврейских синагог. Самые ранние изображения Христа отдаленно напоминают иконографию Моисея. Фигуры апостолов следуют за изображениями ветхозаветных патриархов. Восточносирийские скульпторы предпочитали колонны, капители, причудливые архитектурные формы, фигурки из дерева и слоновой кости, богато украшенные книги и дарохранилища. В VI в. в Сирии производились лучшие серебряные сосуды для богослужения, в том числе чаши и блюда, украшенные сценами из Писания. Таким образом, были заложены основы средневекового христианского искусства. Сегодня в музеях можно уви-

деть прекрасно иллюстрированные манускрипты восточной церкви, изображения святых, предметы ритуального обихода.

Египетские мастера также были искусными резчиками по дереву и кости. Они создавали причудливые резные орнаменты, которые позднее были заимствованы исламскими мастерами. В Месопотамии были созданы одни из самых ранних иллюстрированных Евангелий. Особенно поражают своей красотой золотые и серебряные буквы на пергаменте пурпурного цвета.

Византийская архитектура сформировалась при Константине Великом. Его архитекторы были первопроходцами в области строительства культовых сооружений новой государственной религии. Вскоре в империи выросли десятки, если не сотни, новых церквей, часовен, базилик и монастырей. В Эфесе, Антиохии, Александрии были собственные архитектурные и художественные школы. В наследство от периода правления Константина нам осталась Святая Гробница, освящение которой состоялось в 336 г. Первоначальное здание, построенное в форме ротонды, сохранилось до наших дней как часть целого комплекса сооружений. Другим памятником той эпохи является церковь Рождества в Вифлееме с ее пятью нефами, апсидой и трансептами. Эти две церкви — самые главные христианские святыни.

От одного из самых ранних и крупных монастырей, Святого Симеона Столпника (ум. 459), находившегося к востоку от Антиохии, на сегодняшний день сохранилась часть колонны высотой 18 метров, на вершине которой этот сирийский аскет якобы провел последние тридцать лет своей жизни. Сегодня колонна высится среди развалин монастыря. С этой вознесенной высоко над землей кафедры Симеон проповедовал как единоверцам, так и язычникам, обращая их своими речами в истинную веру. Как первый и самый знаменитый столпник (стиллит), Си-

меон имел немало учеников и последователей, которые пытались подражать ему вплоть до XV столетия.

При Юстиниане Великом византийский стиль архитектуры и декоративного искусства пережил свой первый золотой век. Шедевром по праву считается возведенный в этот период константинопольский храм Святой Софии (Премудрости Божией). В этом храме, строительство которого завершилось в 537 г. и, по расчетам историков, обошлось в 75 миллионов долларов, восточное сирийское искусство представлено во всем своем великолепии. Когда в 1453 г. турки-османы захватили Константинополь, они превратили главную византийскую святыню в мечеть, предварительно замазав штукатуркой мозаичные изображения человеческих фигур. Кемаль Ататюрк решил снять со стен слой штукатурки и превратил мечеть в музей.

Просуществовав тысячу лет, Византия пала, однако ее культурное наследие сохранилось как на Востоке, так и на Западе. Исламское искусство и даже современное европейское впитали в себя немало элементов византийской художественной традиции.

Персия оставалась вне зоны влияния христианства. Несторианская община не представляла для нее угрозы, и по отношению к ней имела место удивительная терпимость. Сасаниды намеренно возродили древнюю ахеменидскую традицию и реанимировали зороастризм, сделав упор на светлое божество, Ахурамазду. Так родился маздаизм, официальная религия сасанидской Персии. В целом персы пытались противостоять влиянию греческой и эллинистической культур, а вот персидские христиане не разрывали контактов с греческой мыслью. В 565 г. Хосров I основал в Юнди-Шапуре медицинскую и философскую школу, в которой преподавали христиане, чьи знания были основа-

ны на греческой традиции. Обучение проходило на сирийском языке. Языком тогдашней Персии был пехлеви (среднеперсидский), потомок древнеперсидского, для которого было характерно использование арамейской письменности. От пехлеви позднее произошел современный персидский язык, носители которого пользуются арабской письменностью, а в нем самом содержится немало арабских заимствований.

Побочная ветвь маздаизма, манихейство, достигла Запада через Северную Африку. Основателем этого учения был Мани (216—276), утверждавший, будто ему было дано Божественное откровение, в котором бог назначил его своим последним пророком. Целью Мани было создание универсальной синтетической религии, в которой гармонично соединились бы лучшие черты зороастризма и христианства. Однако его интерпретация Евангелий была гностической. Гносис предполагал ритуал инициации и передачу особого знания, призванного освободить посвященного от давления материи. Хотя основатель учения принял смерть на кресте, его ученики и последователи распространили его взгляды по всему миру того времени. Как уже говорилось, святой Августин в молодости был ярким приверженцем манихейства. Другим ответвлением маздаизма был митраизм, который пользовался на Западе большей популярностью. Митра — это еще одно имя бога света, а позднее — солнца. Его культ пришел в Европу из захваченной персами Малой Азии. Его отличали сложные ритуалы, в том числе обряд посвящения. Считалось, что прошедший такой ритуал обогащался чем-то таким, что невозможно постичь разумом. Таким образом, последователи этого культа составляли нечто вроде тайного общества. Митра изображался в виде воина, и его культ был особенно популярен среди римских легионеров. В митраистских мистериях принимал участие сам император.

В изобразительном искусстве и архитектуре сасанидской Персии, если судить по тому, что от них осталось, продолжало отсутствовать греческое влияние, но сохранялась зависимость от местной парфянской традиции. Значительных успехов удалось достичь в первую очередь в таких областях, как металлургия, ковроткачество, текстильное производство. А вот производство керамики осталось на прежнем уровне. Архитекторы того времени научились строить арки, представлявшие собой важный декоративный элемент зданий. Но еще большим достижением было умение возводить купола и своды над квадратными в плане залами. Дворцы Сасанидов отличало обилие арок и сводов, которые украшали входы и залы для аудиенций. Самым знаменитым из дворцов был персепольский с его огромным сводом высотой 27 метров, шириной 23 метра и длиной 45 метров. Свод этот, известный как Таки-Кисра (арка Хосрова), по всей видимости, был построен при Шапуре I (ум. 272) и использовался как церемониальный зал для парадных приемов. Мусульманские завоеватели наверняка с благоговением взирали на это сооружение, а их летописцы сочли нужным с особой гордостью отметить его захват.

Глава 11

АРАБСКИЙ ПРОРОК

С появлением ислама в середине VII в. закончилась более чем тысячелетняя греко-римская эра. Рождение нового вероучения ознаменовало собой закат Античности на Ближнем Востоке и зарю Средневековья. Восток получил новую религию, которая вытеснила местные культуры; новый язык, арабский, сменивший все прочие; и новую культуру, которая представляла собой причудливый синтез своих предшественниц.

Победное шествие ислама началось с рождения в 570 г. ребенка в мало кому тогда известной части Аравии под названием Хиджаз. Мальчика назвали Мухаммедом (что значит «тот, кого хвалят»). Сейчас это одно из самых популярных имен в мусульманском мире, а слово «Мекка», название места, где он родился и куда ежегодно стекаются тысячи правоверных мусульман, означает любое скопление туристов и паломников. В 622 г. Мухаммед перебрался в Медину, где прожил до конца своих дней и умер в 632 г. Этому событию обязано своим появлением слово «хиджра», в переводе с арабского «исход, бегство». Таким образом, 622 г. стал точкой отсчета для мусульманского календаря, который до сих пор используется последователями ислама во всем мире.

Основанная Мухаммедом религия, ислам, что в переводе значит «покорность или подчинение воле Аллаха», сегодня имеет около 440 миллионов последователей среди представителей самых разных народов. Хотя сам Мухаммед, по всей видимости, был неграмотным, священная книга мусульман, Коран, является для них главным источником религиозного, философского и научного знания. Коран был получен не просто в результате Божественного откровения. Сам Аллах продиктовал его, слово за словом, через своего посланника Джабраила. А поскольку посланник Аллаха, диктуя, пользовался арабским языком, то и читать Коран следует на арабском. Таким образом, Мухаммед превратился в пророка Бога, причем последнего и самого великого из всех своих предшественников. Его слова не просто стали дополнением к тому, что уже было сказано ими. То, что он дал мусульманам Коран, само по себе считается Божественным чудом.

Но Мухаммед был не просто религиозным лидером, он являлся даже более чем пророком. Он стоял у колыбели новой нации, арабской, которая сейчас насчитывает около 240 миллионов человек от Марокко до Ирака (число

говорящих на арабском языке и его вариантах составляет около 240 миллионов и еще около 50 миллионов человек использует арабский в качестве второго языка. — *Пер.*) До Мухаммеда арабы не имели национального самосознания. Этот уроженец Мекки заложил основы империи, которая просуществовала несколько столетий и на пике своего могущества простиралась от Франции и Испании вдоль берегов Северной Африки в глубины Азии. В течение веков благодаря этой державе и арабскому языку культура ислама расцвела пышнее любой другой культуры того времени.

Арабский пророк основывал свое учение на взглядах его семитских предшественников, видя в нем кульминацию всего, что было сказано ранее. Большинство пророков из Корана — это персонажи Ветхого Завета, особенно Пятикнижия Моисеева: Адам, Ной, сам Моисей, Авраам, Исаак, Иосиф, Иона, Илия. А вот Амос, Исаия, Иеремия и прочие древнееврейские пророки в Коран не попали. Самым почитаемым был Авраам (Ибрагим). Мухаммед видел в нем своего предшественника. Считалось, что именно Авраам построил Каабу, самое святое место мусульман. 14-я сура (глава) Корана посвящена Аврааму. Рассказы о Сотворении мира, потопе, о разрушении Содома повторяют еврейскую версию, однако изложены коротко и с целью преподать урок. Из новозаветных персонажей Коран признает только Захарию, Иоанна Крестителя, Иисуса и Марию. О Павле в Коране ничего не говорится. Иисус входит в число почитаемых предшественников самого Мухаммеда. Его рождение от девственницы не оспаривается, равно как и прочие чудеса, которые начались, когда он еще лежал в колыбели. А вот распятие отвергается однозначно, ибо оно поставило бы Иисуса (пусть даже теоретически) на пару ступеней выше арабского пророка.

Самая первая и важная исламская догма касается Бога, Аллаха. Она усиливает и уточняет его иудеохристианскую

интерпретацию. Свое выражение она нашла в формуле «нет Бога, кроме Аллаха». Это одна из наиболее часто повторяемых фраз на арабском языке. Ее произносят при рождении ребенка, она сопровождает правоверного мусульманина всю его жизнь до самой могилы. Свое самое яркое воплощение эта догма нашла в 112-й суре:

Скажи: он Аллах единый и единственный
Аллах, к которому все обращаются в нужде...
У него нет детей, он не был рожден,
И ему нет равного или подобного.

С первой догмой тесно связана вторая, в которой Мухаммед объявляется пророком («И Мухаммед пророк его»). Тем не менее следует подчеркнуть, что это не наделяет его сверхъестественными способностями. Будучи пророком, Мухаммед остается человеком, которому Аллах лишь поручил возвестить людям о себе. Мусульмане гордятся тем, что они истинные унитарии и не желают называться магометанами, ибо видят в этом отголосок заблуждения христиан, которые считают своего Мессию, Христа, Богом. В народных верованиях, однако, пророк Аллаха окутан Божественной аурой. Мусульманский Бог был таким бесконечным и неподвластным человеческому разуму, что верующие были вынуждены поставить между ним и собой полубожественного посредника. Третья догма делает Коран словом Божьим в буквальном смысле — священная книга мусульман воплощает в себе последнее и самое полное откровение Бога. В ней содержится все, что Аллах хотел сказать людям через своего пророка. Эта всеохватность пророчества Мухаммеда является краеугольным камнем ислама и ставит его автора выше Авраама (Ибрагима), Моисея (Мусы) и Христа (Исы).

Следующая отличительная черта ислама — вера в небесное воинство. Ангелы образуют иерархию, возглавляет которую Гавриил (Джабраил); носитель Откровения. И

наконец, в последней догме говорится о реальности жизни после смерти, предполагающей воскрешение тела покойного с последующим поощрением за добрые и наказанием за дурные дела. И поощрение и наказание выражены в физических, материальных формах. В нескольких красочных сурах содержатся эсхатологические мотивы. Наслаждения, ожидающие праведника на небе, и мучения, которым подвергнется несправедный в аду, весьма схожи с теми, что выпадают на долю человека в земной жизни. Произнося вслух сакральную формулу, правоверный мусульманин публично заявляет о своем притии Аллаха как Бога и Мухаммеда как его пророка. Одной только веры, как мы видим, недостаточно. О ней должно быть публично заявлено. Эти слова настолько важны, что, как только новообращенный произносит священную формулу, в глазах других он сразу становится мусульманином. Данная сакральная формула преданности верующего Аллаху и Мухаммеду повторяется муэдзинами трижды пять раз в день. Услышав крик муэдзина, правоверный мусульманин должен отложить мирские дела и исполнить положенный ритуал. Прежде чем произнести обязательную молитву, он обязан совершить ритуальное омовение, повернуться лицом к Мекке и принять надлежащую коленапреклоненную позу, которая означает его смирение. В каждой из пяти молитв четырежды повторяется первая сура Корана. Наверное, ни одна другая молитва не звучит из уст верующих столь часто.

Во имя Аллаха, милостивого и милосердного,
Восхвалим его, властителя вселенной,
Милостивого и милосердного,
Властелина судного дня.
И кроме него никто не властен над нами в этот день.
Тебе одному мы поклоняемся и лишь к тебе о помощи взываем.
Веди нас прямым путем истины, блага и счастья,
Путем твоих рабов, которых ты наставил на веру в Тебя.
Но не тех, которые вызвали твой гнев и сбились с пути истины и блага.

Помимо этих ритуальных молитв, разумеется, есть и другие, личные, с которыми правоверный мусульманин может обратиться к Аллаху по своей инициативе. Такие молитвы бывают спонтанными и не требуют соблюдения ритуала.

Третий не менее важный долг каждого правоверного мусульманина — пост, который соблюдается в месяц Рамадан с рассвета и до заката. Семитские корни этого обычая можно найти в Священном Писании. И Моисей, и Христос постились в течение сорока дней. В исламе пост предполагает строгое воздержание от пищи, питья, курения и супружеских отношений.

Раздача милостыни неразрывно связана в Коране с молитвой и считается внешним выражением благочестия. Древней семитской предтечей этой исламской традиции является уплата десятины. Купцы Южной Аравии не могли торговать пряностями, не отдав десятую их часть своим богам. В мусульманском государстве раздача милостыни превратилась по сути дела в налог, который уплачивался с личной собственности, продуктов земледелия и скотоводства, а также с продаваемых товаров. Собирался этот налог представителями властей, а полученные средства шли на строительство мечетей, проведение общественных работ и поддержку нуждающихся единомышленников. Сегодня в большинстве мусульманских стран раздача милостыни является добровольным, хотя и общественно поощряемым актом, который в первую очередь лежит на совести верующего.

Что касается паломничества, то и здесь ислам получил в наследство богатую арабийскую языческую традицию. В этом отношении он существенно расходится как с христианством, так и с иудаизмом. Такие ритуалы, как обход вокруг Каабы, лобызание черного камня, употребление воды из священного источника Замзама, бросание камней в шайтана и, наконец, жертвоприношение барашков, были переняты из языческих культов, однако наполнены

новым смыслом. Коран обязывает всех мусульман, кому это позволяет здоровье и материальное положение, совершить раз в жизни священное паломничество (хадж) в Мекку. Путешествие надлежит предпринять в определенное время, в месяце зу-ль-хиджа, причем каждый паломник должен следовать четко прописанным правилам. Мекку, разумеется, можно посещать и по собственной инициативе, без соблюдения строгих правил, но подобные поездки не так важны.

Помимо того что хадж важен с духовной точки зрения, он на протяжении веков играл важную роль для всего мусульманского мира, сплачивая правоверных из разных стран, напоминая им о том, что ислам — своего рода религиозное братство, объединяющее всех, кто следует заветам Аллаха и его пророка. Ни одна другая религия не дарит своим приверженцам такого духовного вдохновения и плодотворного общения с братьями по вере, независимо от цвета их кожи и социального статуса в родной стране. В Мекку стекаются представители самых разных народов — арабы, персы, турки, пакистанцы, индонезийцы. Белые, черные, желтые, бедные и богатые, мужчины и женщины, старые и молодые — все они вместе молятся одному Богу, вместе исполняют религиозные ритуалы, обмениваются приветствиями на арабском языке, которые понятны здесь любому. Для разного рода проповедников, лидеров сект и сеятелей новых идей Мекка — настоящий рай. Так, например, в настоящее время именно отсюда в страны Северной Африки проникли идеи ваххабизма.

Безусловно, в исламе, как и в любой религии, присутствует большое количество заимствований из более ранних источников. Однако все, что было взято на вооружение его приверженцами, было не перенесено автоматически, а переосмыслено и творчески переработано. В конце кон-

цов, любая религия — это набор верований, ритуалов и институтов. Это разновидность духовной энергии, искру которой зажигает кто-то первый и которая позднее превращается в живой организм. Божественная искра, как правило, воспламеняется в сердце одного человека, от него ее свет распространяется на близких ему людей и лишь потом на массы последователей. Как только пропустил человек полученное им «сырое» знание через себя, оно тотчас приобрело новый смысл. Более того, оно получило подпитку энергии, под него была подведена интеллектуальная база, и, что самое главное, оно стало отражать духовные запросы арабского общества, а это не могло не способствовать триумфальному шествию новых идей по Аравийскому полуострову, а потом и за его пределами.

Изобретательность Мухаммеда проявилась в самых разных вещах. Ему принадлежит первая в Аравии попытка создать социальную организацию, основанную на вере, а не на кровном родстве. Все члены этой новой общности независимо от племенной организации и племенной вражды или дружбы теперь объявлялись братьями, пусть даже номинально. Во время последнего паломничества незадолго до своей смерти Мухаммед заявил: «Знайте, что любой мусульманин — брат другому мусульманину. И теперь вы все братья. Поэтому является преступлением, если кто-то из вас попытается присвоить себе то, что принадлежит его брату, если только тот не отдал это ему добровольно». Так всего одним взмахом Мухаммед рассек древние аравийские кровные племенные связи и заменил их новыми — религиозными. Религиозное братство не нуждалось в иерархии жрецов, центральной власти и таинствах. Молитвы в мечети мог читать любой при условии, что в военное время он может взять на себя командование войском правоверных. Сам пророк не раз водил в бой своих собратьев по вере в Медине и за ее стенами. Братья в мирной жизни, защитники веры и друг друга в военное время, правовер-

ные мусульмане должны противостоять неверным сплоченным фронтом. Более того, их религиозный долг — стремиться к постоянному расширению границ исламского мира. Таким образом, любая война превращается в священную, джихад (Кор., 2: 186—190), а смерть на поле брани — в подвиг во имя веры. Павший в сражении с неверными попадает в рай, где его ждет жизнь, полная наслаждений.

Глава 12

ИСЛАМ НА МАРШЕ

Мухаммед умер в 632 г. К этому времени, что бы ни говорили по этому поводу арабские хроники, ислам еще не завоевал всей Аравии. Даже в Хиджазе Мекка стала целиком и полностью мусульманской лишь за два года до смерти пророка. За пределы Аравии, на земли Южной Палестины, были предприняты всего две вылазки. Первоочередной задачей, стоявшей перед продолжателем дела Мухаммеда, халифом Абу Бекром, было установление исламского контроля над Южной и Восточной Аравией. Абу Бекр был родственником покойного пророка и его соратником, в числе первых принявшим новую веру. Его родным городом являлась Медина. Как халиф он наследовал все функции Мухаммеда, кроме одной — пророческой. По отношению к арабам, не принявшим ислам, Абу Бекр был настроен решительно. Прежде чем приступить к захвату остального мира, Аравия должна была завоевать самое себя. Прежде чем нести свет новой веры другим, следовало распространить его среди своих соплеменников.

В результате блестящих военных кампаний, проведенных главным образом Халидом ибн аль-Валидом, большая часть Аравии была исламизирована. Халиду, новообращенному из племени курайшитов, было предназначено судьбой стать «разящим мечом Аллаха». Аравия стала ис-

ламской, однако боевой дух, позволявший одерживать блестящие победы на родной земле, следовало направить в новое русло. Войны, излюбленное занятие бедуинов, которому они предавались испокон веков, между мусульманами были строжайше запрещены (под запрет попали даже грабежи), и взоры арабов обратились на другие страны. Первыми кандидатами на принятие светоча новой веры были Сирия и Ирак. Вскоре две колонны исламских воинов выступили в поход. Та, что шла на Ирак под предводительством Халида, вскоре уже теснила персов. Второй, двигавшейся в Сирию, повезло меньше. Византийская армия оказала арабам достойное сопротивление. По приказу Абу Бекра Халид приостановил наступление в Персии и в срочном порядке двинулся на запад на подмогу единоверцам. За восемнадцать дней он со своим войском пересек пустыню протяженностью 800 километров — этот дерзкий бросок через пустыню вошел позднее в анналы мусульманской военной истории. Совершенно неожиданно у византийской армии появился второй противник — войско Халида. Вскоре (в июле 634 г.) силы арабов соединились в Юго-Восточной Сирии. В следующем году столица этой византийской провинции, Дамаск — будущая столица Омейядов, — подверглась шестимесячной осаде и в конечном итоге сдалась на милость победителей. Падение Дамаска во многом было вызвано малодушием и откровенным предательством некоторых вельмож во главе с дедом святого Иоанна Дамаскина. Однако решительная победа была еще впереди.

На берегах главного притока реки Иордан, Ярмука, 25 тысяч арабов под предводительством Халида встретили на своем пути византийскую армию, в два раза превышавшую их численностью. Надо сказать, что войско это было довольно разношерстным. В его состав входили и византийцы, и сирийские арабы, и армяне, а также наемники других национальностей. Возглавлял их брат им-

ператора Ираклия, который сам находился в Сирии. День, когда состоялось сражение, 20 августа 636 г., выдался на редкость жарким. Обжигающий ветер нес с собой песок, не давая открыть глаза. Для арабов песчаная буря была привычным явлением, чего нельзя сказать о византийцах. Большая часть их была безжалостно зарублена арабскими клинками, другие брошены в реку. Спасти удалось лишь считаным единицам. Ни молитвы священнослужителей, ни иконы не помогли. Исход битвы был предрешен. «Прощай, о Сирия, — были прощальные слова Ираклия. — Какая чудная страна достанется врагу». Сирия возглавила список владений зарождающегося халифата. Для арабов она служила базой для вылазок против Армении и Верхней Месопотамии, ее завоевание ускорило захват Египта, второй византийской провинции, перешедшей к арабам.

Героем египетской авантюры был другой курайшит, Амр ибн аль-Ас, возглавлявший во время сирийской кампании отряд арабского войска. Амр был погонщиком верблюдов на торговом пути из Хиджаза в Египет. Это единственное его преимущество помогло ему убедить халифа начать вторую кампанию. Халифом тогда был Умар ибн аль-Хаттаб (634—644), тесть пророка, а после его смерти самая значительная фигура в раннем исламе. Завоевания, имевшие место в период его правления, начиная с Сирии, позволяют назвать его отцом-основателем исламской империи. Умар дал Амру добро, хотя и неохотно и с одним условием. Во главе четырехтысячного войска, которое позднее было увеличено, арабский военачальник проследовал из Южной Палестины тем же самым прибрежным путем, каким прошли бесчисленные воины до и после него. Первая крупная стычка с врагом произошла у крепости Вавилон, располагавшейся на месте современного Каира, в начале 640 г. Византийскому наместнику было предложено выбрать одно из трех: ислам, дань или смерть. Наместник, который в то же время являлся александрийским патри-

архом, однозначно отверг первые два. За этим тотчас последовал мусульманский боевой клич: «Аллах Акбар!» Сначала он эхом раздавался за стенами крепости, но уже очень скоро — внутри их. Единственное более-менее серьезное препятствие на пути в Александрию перестало существовать.

Девятисотлетняя столица Египта с ее мощными стенами, за которыми размещался пятидесятитысячный гарнизон, и флотом была вторым городом империи. Ее архитектурные памятники, созданные во времена фараонов, Птолемеев, римской и византийской эпох, не имели себе равных. Одним летним днем 642 г. под стенами Александрии стояло двадцатитысячное арабское войско, не имевшее ни осадных машин, ни стенобитных орудий. Оно было готово в любую минуту ринуться на штурм древнего города. Перед нами был классический случай: невежество порождает геройство. И это сработало. Византийский гарнизон сложил оружие. «Город взят, — таково было лаконичное донесение, отправленное Амром Умару. — От описания я воздержусь. Скажу лишь, что в моих руках четыре тысячи роскошных домов, четыре тысячи бань, сорок тысяч платящих подушный налог евреев и четырехста увеселительных заведений». Халиф угостил посольного хлебом и финиками. В мечети пророка состоялась благодарственная церемония, во время которой своды здания вновь огласились криками «Аллах Акбар!». Египет, житница Рима и Византии, вошел в состав арабских владений. Более того, он стал трамплином для дальнейшего завоевания Северной Африки, а оттуда — Сицилии и Испании. Жители Египта пролили по этому поводу не больше слез, нежели население Сирии, причем по той же самой причине. По сути дела, в их жизни ничего не изменилось, кроме угнетателей. Более того, у них были все основания предполагать, что новые хозяева страны окажутся милосерднее старых.

Тем временем на восточном фронте было неспокойно. Там все еще оставалась несломленной Персия — не просто независимая, а на протяжении нескольких веков самая мощная держава региона. Халида на востоке сменил Саад ибн Абу Ваккас, также верный соратник пророка. Получив подкрепление, он сначала провел ряд успешных операций в Ираке, а в июне 637 г. наголову разбил персидскую армию в битве при Кадисии. Форсировав Тигр, он продолжил стремительное наступление на столицу Сасанидского Ирана Ктесифон, расположенный в 32 километрах к югу от Багдада. Ктесифон, разделенный Тигром на две части, получил у арабов название Мадаин (двойной город). Подойдя к нему, Саад обнаружил, что гарнизон и юный персидский монарх, шахиншах Йездигерд III, оставили город. Арабам потребовалось еще несколько лет, чтобы окончательно прибрать Персию к рукам. Богатая военная добыча ослепляла завоевателей и распаляла воображение хроникеров. По словам последних, арабам досталось богатство стоимостью в девять миллиардов серебряных монет. Некоторые воины были готовы обменять золотые монеты, с которыми они столкнулись впервые, на серебряные. Другие, приняв камфару за соль, пытались использовать ее при приготовлении пищи. Какой-то солдат предлагал желающим девушку из знатной семьи, которая была частью причитающейся ему доли награбленного, за тысячу серебряных монет. По его собственному признанию, он не знал, что существуют числа больше, чем тысяча.

В 651 г. беглый монарх пал жертвой жадности одного из своих придворных, возжелавшего заполучить инкрустированную драгоценными камнями корону. Так более чем на восемь веков сошла с подмостков истории древняя империя, чье двухтысячелетнее существование лишь один раз было прервано Александром Македонским. Когда она вновь появилась на мировой арене, это была уже совсем другая страна.

Всего за два десятилетия карта Ближнего Востока изменилась до неузнаваемости. В 632 г., когда скончался Мухаммед, в регионе властвовали две мировые державы — Византия и Персия. Северные арабы еще не заявили о себе на арене истории ни в национальном, ни в международном масштабе. К 651 г. дети пустыни уже отсекли от Византийской империи приличный кусок Западной Азии и стерли с лица земли Персидскую империю. Безусловно, в ходе этих завоеваний и им случалось проигрывать сражения и проливать собственную кровь, однако нас интересует в первую очередь конечный результат.

У арабских хронистов триумфальному шествию ислама имеется простое объяснение. Такова была воля Аллаха. По их мнению, своими победами арабы доказали истинность ислама. В этом они следуют провиденциалистской трактовке истории, которую мы находим в Ветхом Завете, там, где объясняются причины побед евреев, и которая принимается также христианами авторами. Тем не менее если и можно говорить о триумфе ислама, то не как религии, а как государственного порядка, не мусульманства, а арабов. Этот арабский взрыв VII в. имел место на перенаселенном, обнищавшем полуострове, и его целью был поиск новых пригодных для проживания территорий. Такое в странах Плодородного полумесяца случалось не раз. Древние семиты появились там в результате точно таких же процессов. Единственная разница заключалась в том, что на этот раз был задействован религиозный фактор. Именно он стал той искрой, от которой взорвалась бочка арабского пороха. Религиозное завоевание шло вслед за расширением территории, причем гораздо более медленными темпами. Должны были пройти два столетия, прежде чем Ирак и Египет превратились в исламские страны. Сирия стала мусульманской лишь в конце периода Крестовых походов. Что касается

Ливана, то христианство жители этой страны исповедуют по сей день.

Если первым победителем было исламское государственное устройство, а вторым ислам как религия, то третье место занимает мусульманство как культура. В основе этой культуры лежит арабский язык. Победа арабского языка над другими языками региона была бы невозможна без победы ислама как религии. Даже в тех странах, где, как, например, в Персии, местные наречия сохранились для обиходного общения, арабский занял место языка религии — на нем читались молитвы и священные тексты Корана. Кроме того, он превратился в *lingua franca* для образованных людей, которые с его помощью обменивались своими мыслями. Следует еще раз подчеркнуть, что исламская культура была исламской в том смысле, что она развивалась и процветала под эгидой исламских правителей. На самом же деле она была синтезом элементов древней семитской, в частности иудеохристианской, и греко-римской культур.

Вытолкнутые волей истории из своей скудной среды обитания, исполненные волей к завоеванию новых земель, подогреваемые верой, черпавшие смелость в обещании вечного рая любому, кто идет «путем Аллаха», арабы вихрем пронеслись по Ближнему Востоку и Северной Африке. Византия и Персия с их роскошью наверняка казались им изнеженными. Обе эти тогдашние супердержавы истощили силы во взаимной вражде, не замечая, что тем временем рядом поднимает голову новая угроза. Аравийские пришельцы могли рассчитывать на сотрудничество своих оседлых собратьев в Сирии и Ираке. Для монофизитов Сирии и Египта, равно как для несториан Ирака и Персии, не питавших особой любви к византийскому ортодоксальному христианству, ислам был чем-то вроде очередной христианской секты. Будучи семитами, сирийцы и иракцы наверняка воспринимали

завоевателей как более близких по крови и духу, чем своих византийских хозяев. До известной степени это верно и по отношению к египетским хамитам. В течение почти тысячи лет эти народы находились под влиянием, если не гнетом, Запада, и победа ислама сулила им пусть даже слабую, но возможность вновь заявить о себе.

Впрочем, завоевать — это одно, а править — совсем другое. Как управлять этим наскоро сшитым лоскутным одеялом державы, населенной самыми разными народами, тем более что сами завоеватели стояли на гораздо более низкой ступени развития, нежели покоренные ими? Эта задача была сродни геркулесову подвигу. Проще всего было сохранить византийскую систему управления в Сирии и Египте и административный аппарат Сасанидов в Ираке и Персии. Арабы так и поступили, оставив на своих местах всех чиновников, пусть даже временно. Подавляющая часть местного населения продолжала заниматься тем, что делала до прихода арабов. Те, кто исповедовал христианство и иудаизм, получили особый статус (люди Книги), однако они должны были платить специальный налог. Им было обещано: если они будут его исправно платить и не позволят себе неповиновения, их никто не тронет даже пальцем. У тех, кто исповедовал многобожие, выбор был ограничен: или принять ислам, или смерть. Но это в теории, на практике новые хозяева отличались терпимостью. Слишком много голов еще ждали своей очереди. Нижнюю ступень этой общественной лестницы занимали невольники и захваченные в плен враги; верхнюю, разумеется, арабы-победители, выдававшие себя, вернее, пытавшиеся выдавать, за религиозно-военную общину, отличную от других, которая существует за счет собственных физических и духовных ресурсов. Впрочем, такое положение вещей просуществовало недолго, и вскоре мы узнаем почему.

Глава 13

ХАЛИФАТ

Первой столицей халифата была Медина, место, где похоронен пророк. Из Медины правили четыре халифа — Абу Бекр (631—634), Умар ибн аль-Хаттаб (634—644), Усман ибн Аффан (644—656) и Али ибн Абу Талиб (656—661). Все четверо были курайшитами. Первые два приходились Мухаммеду тестями, четвертый был его двоюродным братом и мужем его единственной дочери Фатимы. Эти трое приняли ислам в числе первых и были соратниками пророка в деле распространения новой веры среди соплеменников. В отличие от них Усман был представителем местной знати и признал Мухаммеда как пророка последним. Из этой четверки Умар был самым сильным, Усман наиболее слабым, Али самым преданным новой вере. Этот ранний халифат был чисто арабским, патриархальным и незамысловатым. Его глава мало чем отличался от племенного шейха, впрочем, на кого еще ему было равняться. Родство с пророком или близость к нему, старшинство в принятии новой веры или в годах (кроме Али) — вот что являлось решающим при выборе нового главы халифата, если, конечно, данную процедуру можно назвать выборами. Из четверых лишь Абу Бекр умер естественной смертью. Этот период принято называть ортодоксальным. Считалось, что халифы якобы находились под сильным влиянием личности недавно умершего пророка и потому правили халифатом так, как если бы Мухаммед руководил им сам. Это был важный период становления халифата, богатый событиями, которые имели далеко идущие последствия.

К числу основных достижений правителей этого периода следует отнести то, что был заложен фундамент империи. Арабские историки, самые ранние из которых писали

через полтора века после смерти пророка, пишут об этом так, что может показаться, будто первыми халифами были разработаны детальные планы будущих военных кампаний, управления завоеванными землями и обращения с покоренными народами. Реальность была иной — военные походы и создание империи являлись не столько плодами осуществления чьего-то замысла, сколько следствиями естественного хода событий. Результат превзошел тот, на который рассчитывали халифы и их военачальники.

Умар, которому традиция приписывает основание монархии, организацию управления провинциями, создание системы государственного учета и судебной системы, является также создателем исламского календаря. Это он предложил в качестве начальной точки отсчета использовать переезд Мухаммеда из Мекки в Медину, так называемую хиджру. Как читатель, вероятно, знает, мусульманский календарь лунный. Усмани принадлежит заслуга окончательного оформления «слова Аллаха» в письменной форме. Компиляция материала и его последующая канонизация раз и навсегда дали правоверным Коран. Оригинальный экземпляр находился в Медине. С него были сделаны копии, которые затем были разосланы в военные лагеря в Басре, Куфе и Дамаске. Все более ранние списки были по приказу Усмана уничтожены. Все тексты, которыми пользуются в настоящее время, являются точными копиями мединского кодекса. Этот кодекс хранился в Медине якобы до Первой мировой войны. Считается, что его похитили турки, которые затем передали его своим германским союзникам.

Правление Усмана было омрачено первым случаем гражданского неповиновения в истории ислама. Закончилось оно гибелью самого халифа от рук своих правоверных подданных. Беспорядки начались в Египте и Ираке, где местные гарнизоны резко отреагировали на попытки Медины взять положение в этих регионах под централизованный

контроль. Халифа обвинили в nepoтизме — он якобы назначил наместниками там своих родственников. Кроме того, в самой Аравии сложилась партия, чьи представители считали, что Али имеет больше прав на халифский трон, причем с самого начала халифата. Столь важный пост, утверждали они, ни в коем случае не следует отдавать на откуп электорату. По их мнению, Али волей Аллаха был сделан духовным наследником Мухаммеда, который в свое время так и заявил. Это Божественное право, таким образом, должно перейти от Али к его сыновьям как прямым потомкам пророка. Вспыхнули и широко распространились мятежи. В 656 г. в покои халифа ворвалась банда под предводительством сына Абу Бекра и убила Усмана прямо за чтением Корана, который был составлен по его распоряжению. Хотя Али не был причастен к этому злодеянию, считалось, что при желании он мог остановить убийц. После Усмана халифский трон перешел к Али. Впоследствии его партия превратилась в секту. В исламе демаркационная линия между политикой и религией была очень тонкой. Мусульманство дало трещину, расколовшись на шиитов (последователей Али) и ортодоксальных суннитов, и его единство было утрачено навсегда. Этот раскол существует и по сей день.

Не успел новый халиф прочно обосноваться на троне, как он получил сильного противника в лице одного из своих наместников — Муавии. Муавия приходился родственником убитому халифу и принимал участие в завоевании Сирии, наместником которой впоследствии являлся. Честолюбивый, проницательный, хитрый, он выставил в мечети своего города окровавленную рубашку «убиенного» халифа вместе с отрубленными пальцами его жены, которая попыталась встать на его защиту. Таким образом он призвал Али поймать и наказать убийц предыдущего халифа,

в противном случае он будет считаться их сообщником. Сирийцы поддержали своего наместника. Ирак и Хиджаз встали на сторону Али. По мнению арабов, зять самого пророка идеально подходил для халифского трона. Была у иракцев и другая причина отдать предпочтение Али — он сделал Куфу второй своей резиденцией. Так этот город стал рассадником шиизма.

Гражданская война, первая в истории ислама, была неизбежна. В июле 657 г. две противоборствующие партии, в основном иракцы и сирийцы, встретились на поле боя на равнине Сиффин на западном берегу Евфрата. После небольших стычек началось кровопролитное сражение. Как только чаша весов начала склоняться в пользу сторонников Али, сирийцы вскинули вверх на копьях экземпляры Корана. Этот жест следовало понимать как призыв к самому Аллаху решить исход битвы не силой оружия, а своей Божественной волей. Аллах выступал в качестве судьи, чью сторону он ни занял бы. Эта уловка, придуманная египетским союзником Муавии, Амр ибн аль-Асом, сработала. Стороны сложили оружие. Муавия назначил Амра представлять его на судебном разбирательстве. Али сделал своим защитником престарелого богослова, которому было далеко до своего блистательного оппонента. Чем, собственно, все закончилось, неясно. Согласившись передать дело в третейский суд, Али понизил себя в статусе до претендента, зато поднял своего противника до статуса халифа. До этого момента наместник Сирии не стремился афишировать свои аппетиты, понимая, что Али имеет первоочередные права на халифский трон. Амр же вместе Муавией занял свое законное место в четверке гениев раннего ислама.

Как халиф Али начал терять власть. Большая часть его сторонников не только перешла на сторону противников, но и начала мятеж. Одним январским утром 661 г., когда халиф шел у себя в Куфе в мечеть, один из приближен-

ных рассек ему лоб отравленной саблей. Первый мученик шиизма был похоронен недалеко от места своей гибели. Мечеть Али в Неджефе стала местом не менее (если не более) священным, нежели Мекка или гробница Мухаммеда в Медине. Ежегодно сюда стекаются тысячи паломников.

После смерти Али сторонники Муавии провозгласили его халифом. Правда, это были в первую очередь сирийцы. Исполненные духом шиизма, жители Ирака законным наследником Али объявили его старшего сына Хасана. Консервативное население Хиджаза также склонялось его сторону. Аравийским арабам ислам Муавии и прочих Омейядов, признавших пророка лишь после того, как тот завоевал Мекку, представлялся чем-то сомнительным. Скорее они приняли новую веру из политических соображений, чем по велению сердца. В Египте также существовала партия сторонников Али. Однако Омейяды сумели справиться с ситуацией. Почувствовав, что Хасану куда более интересен гарем, чем престол, Муавия предложил ему сделку: любые деньги вместо трона. Хасана такое положение вещей устроило, и, как только сделка состоялась, у Хасанидов не осталось повода для недовольства. Тем временем Муавия отправил своего соратника Амра на подавление вспышек недовольства в Египте. Эти меры явились наглядным примером стиля дипломатии нового халифа. Сам он сформулировал его в таких словах: «Я не пользуюсь мечом там, где достаточно кнута, и кнутом там, где достаточно языка. Но если меня с кем-то связывает хотя бы волос, я не дам ему порваться. Если его натянут, я позволю ему ослабнуть, если ему дадут ослабнуть, я натяну».

Правление Муавии (661—680) вошло в анналы ислама. Им завершился простой патриархальный халифат Медины. Подмостки исламской истории теперь переместились в ориентированный на Византию Дамаск. Династия Омейядов, первым представителем которой был Муавия, про-

существовала до 750 г. Хиджаз, несмотря на свои святыни, отступил на второй план. Византийская Сирия, где большинство населения составляли христиане, стала опорой нового халифа. Основатель династии построил государственную машину с учетом местных особенностей. Казной ведал дед Иоанна Дамаскина, сыгравший важную роль в сдаче города. Официальная документация велась на греческом языке, архаические элементы, унаследованные из Аравии, были отброшены за ненадобностью. Племенная структура армии была упразднена, а ее боевые подразделения «модернизированы» на византийский манер. Муавия построил первый в истории ислама флот. Для выполнения этой грандиозной задачи были задействованы старые верфи Акры и Александрии, а сам халиф стал первым исламским адмиралом. Кстати, такие слова, как «адмирал» и «арсенал», пришли к нам из арабского языка.

Регулярные летние вылазки в «земли ромеев» в Малой Азии не давали армии утратить свою боеспособность. Целью этих набегов был в большей степени грабеж, чем окончательная победа, хотя Константинополь наверняка манил своим богатством и величием. По крайней мере дважды армия Омейядов стояла перед тройными стенами византийской столицы. С 668 по 669 г. халифское войско бродило в окрестностях ее азиатского предместья, Халкидона. Тем временем флот не простаивал без дела. Халифские суда держали в вечном напряжении византийские порты и несколько раз завязывали морские сражения. Во время затяжной войны 674—680 гг. арабы захватили византийскую морскую базу в Мраморном море. Отсюда они продолжили свои дерзкие набеги, которые закончились захватом Родоса и Крита. Из Мраморного моря их удалось изгнать лишь благодаря новому оружию — так называемому греческому огню. Эта горючая смесь не гасла даже на воде. Ни сам Муавия, ни другие представители династии так и не смогли закрепиться в Малой Азии. Она ни разу не ока-

звалась во власти семитских народов, а впоследствии так и не перешла в руки арабов. Исламизации эта область подверглась лишь при турках в XIV в. Этот регион и его жителей надежно оберегали от захватчиков горные хребты Тавр и Антитавр, а также относительно прохладный климат. Так что точку наименьшего сопротивления арабам пришлось искать в другом месте.

Натиск на запад из Египта принес куда более ощутимые плоды. Здешний климат и рельеф были арабам куда лучше знакомы, а местные жители, берберы, мало чем от них отличались по образу жизни. Греко-римская культура пустила здесь корни лишь на узкой прибрежной полосе. Победу арабам в известной степени облегчили старые финикийские колонии. Позиции византийских хозяев в этих краях были шаткими. Их флот уже давно утратил контроль над Восточным Средиземноморьем. В течение всего нескольких лет арабы завоевали земли сегодняшней Ливии и Туниса. В 670 г. был основан Кайраван, чьи руины можно видеть недалеко от города Туниса. Сначала это было место отдыха караванов, однако вскоре он превратился в мусульманскую столицу Северной Африки и на протяжении столетий оставался интеллектуальным и религиозным центром региона.

Не менее успешным был и натиск на восток. В 674 г. арабское войско достигло Бухары в далеком Туркестане. Здесь приверженцы ислама впервые вступили в контакт с абсолютно иными народами, носителями совершенно другой культуры. Тюрки не были ни семитами, ни хамитами, ни индоевропейцами. Их ближайшими родственниками являлись монголы. Эти победы, одержанные как на востоке, так и на западе, позволяют назвать Муавию вторым основателем арабской империи.

Муавия не только завоевывал новые земли, но и укреплял с ними связи. При этом он сильно зависел от лояльности своих подданных-христиан, особенно сирийцев. Его

любимой женой была христианка, эту религию также исповедовали его придворный лекарь и поэт аль-Ахталь, один из наиболее известных представителей арабской поэзии. В 679 г., за год до собственной кончины, халиф назначил своим преемником на троне Язида, своего сына от жены-христианки. Такой порядок наследования верховной власти явился нововведением для арабов, которые до этого придерживались иного принципа, основанного на старшинстве в племени. Для арабских историков, живших в период правления Аббасидов, враждебно настроенных по отношению к своим предшественникам, Муавия был кем-то вроде узурпатора. Теократический халифат, унаследованный им из Медины, своим преемникам он передал уже как светское государство, светскую монархию. Сам он называл себя первым монархом (маликом), царем (этот титул явно не был в почете у арабских историков). На византийский манер он окружил себя телохранителями и свитой, в число которых входили и неверные. При нем ислам, если так можно выразиться, оторвал глаза от пустыни и обратил свой взор на Запад, утратив свой пуританский характер. Для своих преемников первый дамасский халиф был примером для подражания. Многие пытались уподобиться ему, но редко кому это удавалось.

Смерть Муавии и восхождение на трон развратника и пьяницы Язида (680—683) послужили толчком к шиитскому восстанию. Небольшая группа родственников, гарем и верующие сплотились вокруг брата Хасана Хусейна. Некоторые из них полагали, что, как избранный самим Аллахом, имам Хусейн непобедим. Увы, для омейядского войска он и небольшая группа его сторонников оказались легкой добычей. Сражение произошло у Кербелы, расположенной в 40 километрах к юго-западу от Куфы. Голова внука самого пророка была доставлена в Дамаск, однако затем ее вернули в Куфу для захоронения. В результате число шиитских святынь пополнилось гробницей Хусейна

в Кербеле. Теперь шиитскими мучениками стали отец и сын, что еще больше отодвинуло Медину на второй план. День мученической смерти Хусейна отмечается шиитами до сих пор — всеобщей скорбью и добровольными телесными страданиями. «Отомстим за Хусейна!» — эти слова превратились в боевой клич шиитов. Надежда забрезжила для них довольно скоро — когда омейядский режим закачался и начал клониться к закату.

Основанная Муавией династия достигла пика своей мощи, славы и влияния при шестом своем представителе Абд аль-Малике (685—705) и его сыне аль-Валиде. При этих двух халифах еще две волны завоеваний прокатились на восток и на запад. Были окончательно покорены Средняя Азия и Западная Индия. Столица Туркестана Балх (греческая Бактра), главный город Согдианы Самарканд, ведущие центры буддийской культуры со временем превратились в центры исламской науки и просвещения. Среди крупных городов, пополнивших собой список завоеваний, были нынешняя столица Афганистана Кабул и столица Хорасана Мерв. Таким образом, исламские завоеватели достигли восточных пределов. Благодаря броску на юг через сегодняшний Белуджистан были захвачены Синд и Южный Пенджаб, то есть тот регион, где в 1947 г. возник Пакистан. Все эти тюркские и индийские территории были исламизированы и остаются таковыми и по сей день.

Пока все эти завоевания шли полным ходом, извечный противник на западе, Византия, тоже не была забыта. Увы, новый натиск на Константинополь принес не больше результатов, чем прежние попытки. Через год после смерти аль-Валида омейядская армия подвергла византийскую столицу годовой осаде (716—717), которая, однако, закончилась неудачно. Главными противниками арабов в этой кампании стали недостаток продовольствия и необычно

холодная зима. Это был третий и последний раз, когда войско Омейядов пыталось овладеть городом Константи́на. Новых попыток не последовало.

Кампания по захвату византийских владений в Северной Африке оказалась на редкость удачной. Ее героем стал Муса ибн Несайр, омейядский наместник, чья столица располагалась в Кайраване. Муса был сыном пленного иракца-христианина, которого вместе с другими мальчиками и юношами Халид ибн аль-Валид схватил прямо в церкви, где они изучали Священное Писание. Конь Мусы стал «первым арабским скакуном, испившим воды из Атлантики».

Всего при жизни нескольких поколений новые завоеватели совершили то, чего не смогли ни византийцы, ни их предшественники римляне. Они распространили свой язык, культуру и религию не только на прибрежную зону, но и на значительные территории в глубине Африканского материка. Основным языком этого региона до сих пор является арабский, а религией — ислам.

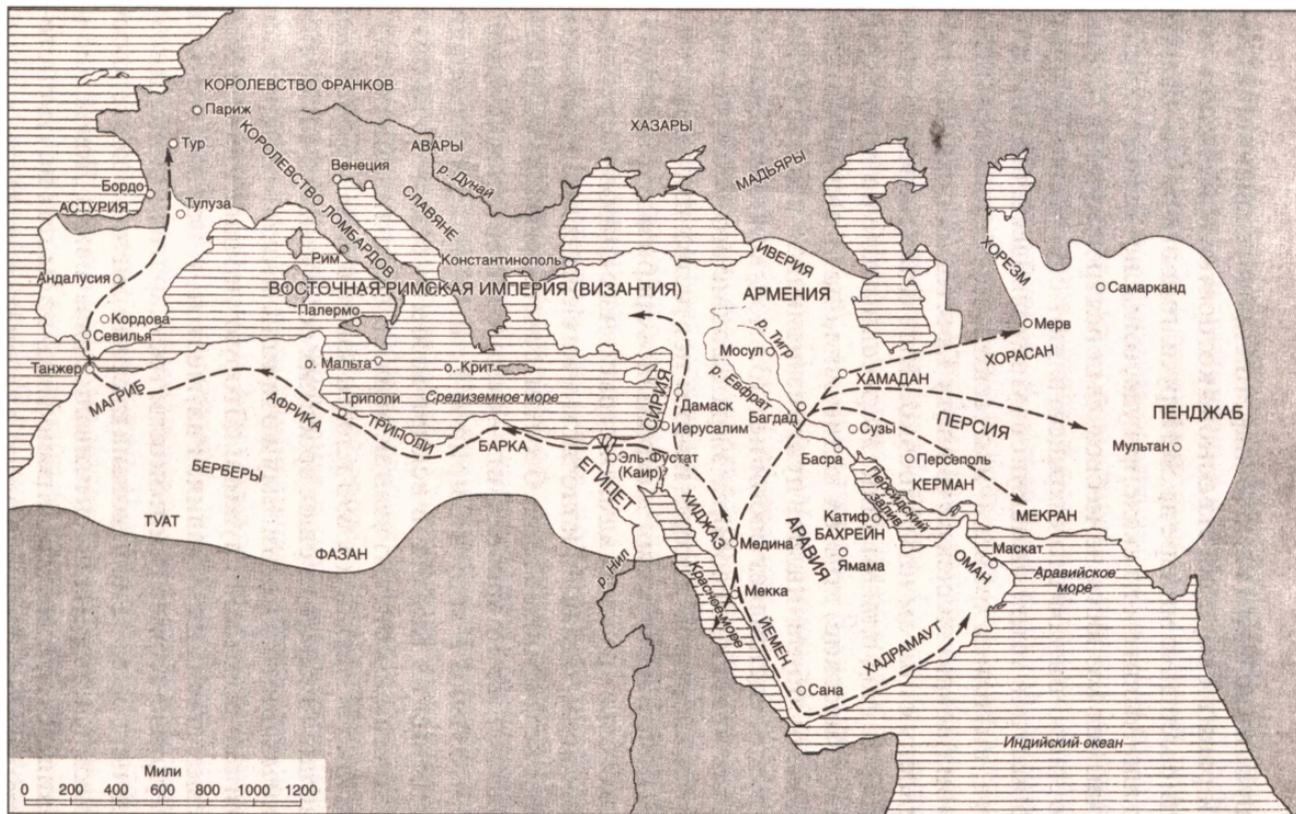
Рывок на запад, который вывел арабов к Атлантике, вскоре уступил место походу на север. За узким проливом лежала новая добыча, которая манила к себе богатствами, таившимися за стенами дворцов и соборов. В 711 г. бербервольноотпущенник Мусы на судах, которые он отнял у византийского губернатора Сеуты, пересек 21 километр пролива и высадился на юго-западной оконечности Испании. Имени дерзкого бербера, Тарик, мы обязаны названием Гибралтар (дословно гора Тарика). Как и в предыдущих случаях, отчаянная вылазка явилась прелюдией к полномасштабному завоеванию. Распри в вестготском правящем семействе, недовольство среди местного населения, особенно евреев, — все это облегчило завоевателям задачу. За Тариком в Испанию двинулся сам Муса. Подобно кеглям, испанские города, включая столицу Толедо,

пали один за другим. За шесть лет была завоевана практически вся территория страны. Так к исламскому миру присоединилась первая европейская территория, которая оставалась его частью на протяжении еще нескольких столетий. Этой удивительно скорой победой завершилась еще одна военная кампания арабов.

Даже несмотря на такую внушительную преграду, как Пиренеи, слишком велик был соблазн проникнуть из Испании дальше на север на земли Галлии. Впрочем, закрепиться там арабам не удалось. В 718 г. они преодолели горы и победным маршем прошли до самого Тура на северо-западе Франции, где их остановила армия франков под командованием Карла, позднее получившего прозвище Мартелл, то есть «молот». Был 732 г., прошло столетие со дня смерти пророка. Место и дата служат поводом для размышлений. Через сто лет после смерти арабского пророка его последователи сумели создать империю, которая простиралась от Атлантики до Средней Азии, иными словами, размерами превосходила Римскую. И на всей этой необъятной территории пять раз в день с минаретов звучало имя Аллаха и его пророка, а слово его преемника в Дамаске было законом.

Древний Дамаск занял ведущее место среди столиц мира, во всем соответствуя своему новому столичному статусу. Один из первых Омейядов провел в нем водопровод, снабжавший водой сады, в которых утопал город (Гета). Арабские авторы упоминали эти сады в числе четырех или пяти райских мест на земле. По легенде, в молодости Мухаммед якобы не осмелился войти в этот город, так как не хотел раньше времени попасть в рай.

В центре столицы возвышался дворец халифа, от которого сегодня не осталось и следа. Рядом с ним стояла омейядская мечеть, построенная аль-Валидом на месте христианской церкви. Она до сих пор считается четвертой по значимости исламской святыней после Мекки, Медины и

Арабские территории в первом столетии существования ислама — в период наибольших завоеваний

Иерусалима. Один из ее минаретов представляет собой самый ранний образец, на основе которого возводились все другие местные минареты. В Иерусалиме отцом аль-Валида Абд аль-Маликом на скале, откуда, согласно легенде, пророк Мухаммед вознесся на небеса, был построен Купол Скалы (его часто ошибочно отождествляют с мечетью Омара). Это место — самое священное на земле. Здесь, сменяя друг друга, высились храмы — языческий, еврейский (храм Соломона) и христианский (в эпоху Крестовых походов). Неподалеку стоит мечеть Аль-Акса, еще одно творение архитекторов Абд аль-Малика. Иерусалимские архитекторы, как и дамасские, по всей видимости, были местными христианами, обученными в духе византийской школы. Купол мечети представляет собой не что иное, как классический купол сирийского собора. Украшающие его мозаики считаются шедевром декоративного искусства той эпохи.

Именно в это время завершилась арабизация халифата. Подготовка арабских административных кадров потребовала времени, однако в конечном итоге греческий в качестве языка делопроизводства был вытеснен арабским. Деньги тоже сменились арабскими — старые византийские монеты, что были в ходу в Сирии и Египте, теперь украшали изречения из Корана, а вскоре арабы перешли к чеканке собственной монеты, взяв за образец византийские и персидские. И наконец в 695 г., при халифе Абд аль-Малике, началась чеканка первых арабских серебряных (дирхем) и золотых (динар) монет. Ему же приписывают и дальнейшее развитие почтовой службы, которую учредил его великий предшественник Муавия. Разумеется, в первую очередь она удовлетворяла потребности государства. Для перевозки депеш была задействована система сменных курьерских лошадей, которые обеспечивали связь между Дамаском и столицами провинций. Кроме того, на местах почтмейстеры выполняли также функции тайных соглядатаев на введенных им территориях.

Три главные правительственные функции — управление, сбор налогов и наставление в вере — были обособлены одна от другой, и за их исполнением следили разные кадры. Главой государства оставался халиф. Он назначал наместников, которые, в свою очередь, отвечали за состояние дел в своих провинциях. Кроме того, он часто назначал сборщиков налогов. В состав армии, которая раньше состояла преимущественно из бедуинов под предводительством шейхов Мекки или Медины, теперь входили новообращенные мусульмане и христиане. Судебная система развивалась медленно. В провинциях обязанность назначать судей возлагалась на наместников. В качестве судей выступали богословы. Они не только выносили вердикты по результатам судебных разбирательств, но и распоряжались богоугодными фондами (вакф), выплачивали солдатское жалованье и государственные пособия арабским мусульманам. Кроме того, они выступали в качестве опекунов сирот и умалишенных.

Зимми, иноверцы, оставались под юрисдикцией своих духовных лидеров. Исламский закон распространялся лишь на мусульман. Христианские священники и еврейские раввины рассматривали не только персональные тяжбы, но и гражданские и уголовные дела. Однако если дело касалось мусульманина, применялся исламский закон. Последователи иных вероучений, не внесенные первоначально в список иноверцев, теперь считались в него добавленными.

Социальная стратификация начала оформляться при Омейядах в начале VIII в. Мусульмане-арабы с халифом во главе занимали верхнюю ступень социальной лестницы. К числу аристократов относились правительственные чиновники, воины и горстка горожан. Данная категория населения специализировалась на управлении и военном деле. По сути своей это была замкнутая каста, в которую попадали по праву рождения. Чуть ниже стояли новообращенные. Теоретически они были равны всем другим мусуль-

манам, но на практике дела обстояли иначе. Например, имела место дискриминация в отношении занятия ими государственных постов. Кроме того, даже приняв ислам, они не освобождались от уплаты налога на землю. Те, кто присоединился к арабским племенам, стали клиентами, то есть в социальном плане стояли рангом ниже. Особенно этих граждан второго сорта возмущало то, что они являлись носителями более высокой культуры, поскольку были искусными ремесленниками или учеными. О данной категории речь еще пойдет ниже, поскольку их недовольство нередко выливались в разного рода еретические учения или заговоры. По мере того как число новообращенных росло за счет персов, арамейев, коптов, берберов, они начали связывать себя брачными узами с арабами и вскоре уже претендовали на более высокое положение в социальной иерархии. Граница между арабами и неарабами в конечном итоге истончилась настолько, что ее стало трудно определить. Новообращенные со временем сделались практически неотличимы от исконных носителей истинной веры, и любой мусульманин начал считаться арабом. В наши дни те обитатели территорий от Марокко до Ирака, которых мы по привычке называем арабами, — это далеко не арабы по крови.

Третий социальный слой составляли иноверцы-зимми. Как исповедующие религию, основанную на Священном Писании, они находились под особой защитой, однако должны были уплачивать подушный и земельный налоги. Первоначально они составляли в халифате большинство, однако со временем их ряды заметно поредели в связи с массовым переходом в ислам. Однако в самом начале, в тот период, о котором здесь идет речь, они представляли собой влиятельную политическую и экономическую силу, что не могло не вызывать зависти у мусульман. В результате халиф Омар II (717—720) был вынужден принять первый дискриминационный закон. Омар считается единствен-

ным благочестивым халифом среди Омейядов. Принятый им закон исключал христиан и евреев из числа претендентов на занятие государственных должностей. Более того, они должны были носить особые одежды, ездить верхом без седла, и, что еще более унижительно, им было запрещено возводить новые храмы. Однако тот факт, что схожие законы принимались еще дважды, говорит о том, что исполнялись они довольно вяло.

Нижнюю ступень социальной лестницы занимали невольники. Их ряды пополняли в основном пленники, причем их число в этот период достигло небывалых размеров. Наместник Муса якобы взял в плен во время своей африканской кампании 300 тысяч человек, из которых 60 тысяч передал в качестве подарка аль-Валиду. Согласно тем же источникам, во время его триумфального вступления в Дамаск его сопровождали 30 тысяч испанских девственниц. Невольничий рынок Дамаска не испытывал недостатка в товаре: здесь продавались белые, черные и желтые представители народов всех покоренных стран. Для омейядского царевича, военачальника или наместника не было ничего удивительного в том, чтобы пополнить свой дворец сотней-другой свежих невольников.

Исламский канон запрещал продажу в рабство единоверцев, что, однако, не мешало любому принять ислам, уже будучи в рабстве. Освобождение невольников считалось богоугодным делом. Невольниц использовали в качестве наложниц. Рожденные от них дети продолжали считаться невольниками. В целом рабство было крайне унижительным и для женщин и для мужчин. Несправедливость заключалась в том, что многие невольники были куда образованнее собственных хозяев и своими трудами обогатили арабскую литературу и искусство. Вольноотпущенники, как правило, оставались у своих бывших хозяев в качестве клиентов. Случалось, что невольники и клиенты занимали места своих владельцев. На протяжении двух с половиной

столетий Египтом и Сирией правила династия невольников (мамлюков), о чем будет подробнее сказано ниже.

Период правления Омейядов — это время завоевания новых земель, политической консолидации и социальной интеграции, но, увы, не интеллектуального взлета. Из своей пустыни арабы, кроме новой веры, не принесли с собой ничего — ни науки, ни искусства, ни философии. Их дарами мировой цивилизации были ислам и арабский язык. Им следует воздать должное — в завоеванных землях им хватило мудрости сесть в качестве учеников у ног покоренных народов. В Сирии святой Иоанн Дамаскин (ум. 749) делился с ними высотами христианской мудрости. Иоанн начал карьеру как преемник отца и деда при омейядском дворе. В это время он был закадычным другом Язида, вместе с которым предавался неумеренным возлияниям. Отдав три десятилетия придворной службе, он отказался от мирской жизни и удалился в монастырь, находившийся к югу от Иерусалима. Его родным языком был арамейский, однако он писал по-гречески, а говорил по-арабски. Его красноречие снискало ему титул Хризостом (Златоуст). Сочиненные им гимны являют собой вершину христианской духовной поэзии и звучат до сих пор. К числу его трудов относятся учебник теологии, а также диалог с сарацином по поводу Божественной природы Христа и свободы человеческой воли. Иоанн был последним великим богословом восточной церкви и был канонизирован как в католической, так и в православной традициях.

Это раннее противостояние греческой и исламской мысли на сирийской земле посеяло семена религиозно-философского движения, которое не давало покоя арабским умам на протяжении нескольких столетий. В нем впервые дают о себе знать рудименты учения о свободе воли, которое резко противоречило исламскому принципу всемогущества Бога и предначертанной человеку свыше судьбы. Эта доктрина легла в основу учения мутазилитов (расколь-

ников), которое широко распространилось в период правления Аббасидов. Почерпнув новые идеи в рациональной и критической греческой мысли, представители этого учения смело поставили под сомнение догму о нерукотворности Корана и его извечный характер. По их мнению, это противоречило бы принципу единства Бога.

В Ираке интеллектуальная деятельность приняла иную форму. Здесь, на границе распространения арамейского и персидского языков, необходимость изучения арабского, особенно новообращенными, ощущалась весьма остро. Кто-то хотел читать Коран в оригинале и понимать, что в нем написано, кому-то арабский язык был нужен для занятия государственной должности. Быть просто мусульманином оказалось недостаточно. Для тех, кто стремился подняться ступенькой выше в общественной иерархии, тем более пополнить ряды элиты, знание арабского языка являлось необходимым условием. В итоге Басра и Куфа превратились в центры лингвистических исследований. Житель Басры, перс по происхождению Сибавайхи (ум. 793) составил первую арабскую грамматику, заложив основы для дальнейшего изучения этого языка.

В Хиджазе Мекка и Медина стали центрами исламского богословия и юриспруденции. В основе обеих дисциплин лежало изучение Корана и хадисов (повествований), рассказов о деяниях и изречений, приписываемых пророку или одному из его соратников. В Медину в основном стекались те, кто желал изучать священное прошлое, а также составлять юридические акты, разрабатывать ритуальные практики и продолжать пророческую традицию.

Первой среди чужестранных наук, в которой мусульмане испытывали острую потребность, была медицина. Уважение к науке и искусству врачевания ярче всего проявилось в приписываемых пророку словах: «Наука двойственна. Одна ее часть касается религии (теологии), вторая — человеческого тела». На завоеванных арабами территориях была

распространена научная традиция греческого происхождения, носителями которой являлись сирийцы и персы. Не лишне вспомнить также, что греческая медицина многим обязана Египту. Лекарями при омейядском дворе были сирийцы. Самый ранний научный труд на арабском языке — книга по медицине, переведенная на арабский одним евреем из Басры. Ближе других наук к медицине стояла алхимия — арабское слово греческого (точнее, египетского) происхождения, — которая, как считается, зародилась именно при Омейядах.

Арабское, или исламское, искусство по большому счету представляло собой комбинацию сирийско-византийских и персидских элементов и изобразительных мотивов, адаптированных к потребностям и вкусам исламского общества. Мы уже знаем, что архитекторы и художники, которые возводили и украшали первые монументальные строения, например в Дамаске и Иерусалиме, были сирийцами, продолжателями византийской традиции. Кафедры в этих мечетях представляли собой копии кафедр христианских, равно как и купола. Вскоре муэдзины уже призывали отсюда правоверных к молитве. Надо сказать, это было весьма мудрое решение. Ничто другое так не эффективно, как человеческий голос. Ниша (михраб), указывающая, в каком направлении следует читать молитву, впервые появилась в дамасской мечети. По всей видимости, ее прообразом послужила апсида христианского храма. Этот ансамбль: стены, купол, ниша и мозаики — в том виде, в каком он сохранился, например, в иерусалимской мечети, до сих пор поражает своей непревзойденной красотой.

Как далеко арабская архитектура ушла от примитивной мечети пророка в Медине, которая начиналась с опаленного зноем открытого внутреннего двора, обнесенного глинобитной стеной! Стремясь защитить верующих от

палящего солнца, пророк велел расширить плоскую крышу соседнего здания, чтобы она закрывала и место молитвы. Позднее отличительные черты мечетей Дамаска и Иерусалима через Египет перекочевали в Северную Африку, а на востоке — в Ирак. Их постоянно копировали и воспроизводили в новых постройках. Эти новые мечети были призваны продемонстрировать всему миру, что они ничуть не уступают в своей великолепии христианским храмам.

Не только архитектура, но и исламское изобразительное искусство было продуктом иной, нежели арабская, культуры. Появившись на свет в покоренных землях, оно являлось достоянием других народов и иных религий. В халифате эти древние художественные традиции продолжили новообращенные. В исламе с его непререкаемым монотеизмом и строжайшим запретом на идолопоклонство любой акт творения является прерогативой Аллаха и никого больше. Согласно хадису, приписываемому пророку, «в Судный день самое ужасное наказание ждет художников».

Исламские художники легко обошли этот запрет, развивая искусство орнамента. Черпая вдохновение в растительном и животном мире, они создавали настолько стилизованные изображения, что их было трудно обвинить в нарушении священного запрета. В результате стены мечетей и дворцов украшал причудливый переплетенный орнамент из цветов, плодов, листвы. Этот стиль получил название арабесок. Что касается геометрических фигур, то их использование в орнаменте не возбранялось. Затем к ним прибавились арабские буквы, которые прекрасно вплетались в причудливые гирлянды цветов и листвы. Чаще всего для украшения стен мечетей использовались имена Аллаха, пророка и праведных халифов. В известном смысле они выполняли ту же функцию, что и иконы в христианских храмах.

Увы, найти способ избежать запрета на изображение человеческого тела или животного было гораздо сложнее. Омейядские халифы, далекие от праведности, не видели ничего дурного в том, чтобы украсить стены своих домов на краю сирийской пустыни изображениями танцоров, музыкантов и жонглеров. Один такой дом, недавно раскопанный в окрестностях Иерихона, оказался богато украшен изображениями пухлых танцовщиц с яркой помадой на губах и алыми ногтями рук и ног. Известно также, что омейядские халифы Испании были не прочь запечатлеть своих наложниц в скульптурных портретах. Чуть ниже будет сказано о том, как персидские художники с их развитым чувством прекрасного и богатой художественной традицией отточили до совершенства жанр миниатюры, который позволял изображать людей и животных.

На музыку как вид искусства исламские богословы смотрели с откровенной неприязнью. Вероятно, такое отношение к ней они позаимствовали у самого Мухаммеда, который видел в музыке нечто от языческого ритуала. Пророк якобы однажды заявил, что музыкальные инструменты — это муэдзины шайтана, который пытается с их помощью отвратить людей от Аллаха. А вот для новообращенных «вино продолжало быть телом, а музыка душой и радостью их потомства». Понадобилось не так уж много времени, чтобы эту точку зрения начали разделять и правоверные, начиная с представителей аристократии и самих халифов (достаточно вспомнить Язида).

Пьянство и другие пороки цивилизации, против которых у арабов также не было иммунитета еще в их родной стране, при Омейядах начали быстро подтачивать силы халифов, отвлекая их от исполнения государственного долга. Преемники аль-Валида (ум. 715) окружили себя сонмом певцов, музыкантов, циркачей и прочей сомнительной пу-

бликой, которую выписывали даже из далекой Персии. К бесчисленным наложницам и невольникам вскоре прибавились евнухи. Эту практику халифы также заимствовали из сасанидской Персии, что содействовало расцвету такого института, как придворный гарем. Один из наследников аль-Валида был сыном невольницы (первый случай в истории халифата). Было очевидно, что режим встал на путь саморазрушения еще до того, как ему начали угрожать внешние враги.

Глава 14

БАГДАД: ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ЦЕНТР МИРА

Слабость центрального правительства стала причиной восстаний и мятежей в провинциях. В частности, Ирак превратился в рассадник идей шиитов; в Персии свое недовольство режимом открыто выражали клиенты, вольноотпущенники и новообращенные. Делу имама Али сочувствовали даже некоторые сунниты, по мнению которых режим Омейядов был слишком светским, если не откровенно несправедливым. Новым претендентом на халифский трон стал Абу-ль-Аббас, потомок дяди пророка по отцовской линии, что делало его идеальным лидером оппозиции. Его соратник, Абу Муслим аль-Хорасани, первым развернул в Восточной Персии черное знамя Аббасидов. Считалось, что черный флаг — это знамя пророка. Шииты сделали его своим в знак скорби по имаму Али. Абу Муслим без всякого труда взял столицу провинции, Мерв. И везде белые знамена Омейядов отступали, теснимые черными стягами шиитских мятежников. В октябре 749 г. в мечети аль-Куфы Абу-ль-Аббаса провозгласили новым халифом.

Халиф Марван II предпринял отчаянную попытку повернуть шиитскую волну вспять. Во главе с преданным ему

двенадцатитысячным сирийским войском он выдвинулся на восток и в январе 750 г. дошел до притока Тигра, Большого Заба, где и был разгромлен. После недолгой осады гордая столица, Дамаск, открыла ворота победителям. Халиф бежал в Египет, однако вскоре был схвачен в одной из церквей, где пытался найти спасение. Марвану отрубили голову — так бесславно закончил свою жизнь четырнадцатый и последний халиф династии Омейядов.

Аббасиды приступили к расправам над представителями низвергнутой династии. Восемьдесят царевичей, принявших приглашение на пир в окрестностях Яффы, были жестоко убиты — зарезаны прямо во время пиршества. Тела мертвых и умирающих прикрыли кожами, а остальные гости как ни в чем не бывало продолжали пировать. Не пощадили даже тех, кто умер давно. Халифские гробницы в Дамаске подверглись осквернению. Тела покойников были эксгумированы. Одно из двух погребений, оставшихся нетронутыми, принадлежало праведному халифу Омару II.

Гибели удалось избежать лишь одному представителю Омейядов. Им был девятнадцатилетний царевич Абд ар-Рахман. Переодетым он проделал путь через всю Африку и через пять лет оказался в Испании, где стал основоположником Кордовского халифата. В период блистательного правления местных Омейядов Испания превратилась в культурный центр Западной Европы. Отделение Испании положило конец эпохе, когда ислам как государство и ислам как религия значили примерно одно и то же.

Падение Омейядов и восхождение на трон Аббасидов значили гораздо больше, нежели смена одной династии другой. Эти события имели географические, экономические и политические последствия. Сирия утратила свое лидирующее положение, уступив пальму первенства Ираку. Центр тяжести халифата сместился на восток. Ислам стал ориентироваться на Персию. Старая арабская аристо-

кратия уступила свои позиции новой, состоящей из новообращенных, которых теперь тоже называли арабами. Эта аристократия была в большей степени заинтересована в торговле, чем в военных походах. Арабы потерпели поражение, а вот арабский мир рука об руку с исламом восстал из руин и продолжил свой победный марш.

Абу-ль-Аббас (750—754) обосновался в Ираке. Основанная им династия прославилась многим, в том числе самым длительным периодом правления в истории арабского мира (750—1258). Новые халифы поставили своей целью сделать светское государство вновь исламским, в котором богословы и юристы заняли бы полагающееся им почетное место. Воплощение в жизнь этой политики действительно стало шагом назад по сравнению с тонкими политическими решениями Муавии. Теперь халифский трон принадлежал палачу. Основатель новой династии гордился своим прозвищем, ас-Саффах, то есть «проливший кровь». Его наследник и брат, аль-Мансур (754—775), к которому восходят все тридцать пять его преемников, последовал по его стопам. Не теряя понапрасну времени, он первым делом уничтожил всех бывших друзей и союзников, в которых теперь видел для себя угрозу. Первым в этом списке был Абу Муслим, которому Аббасиды были обязаны своим первоначальным успехом. С ним довольно бесцеремонно покончили во время аудиенции с халифом. Будучи наместником Хорасана, он, по мнению Аббасидов, проводил слишком независимую политику. Затем настала очередь шиитов. Те по наивности считали, будто Аббасиды защищают их интересы. Два их идола: внуки Хасана и предводители восстаний в Медине и Куфе — были предательски убиты. Аббасиды подмяли под себя практически весь исламский мир — от Хорасана до Атлантики. Лишь расположенная в Европе Испания осталась вне пределов досягаемости.

Свою столицу аль-Мансур построил на месте персидской деревушки Багдад на западном берегу Тигра. Распо-

ложенный в долине, повидавший на своем веку расцвет и закат не одной столицы город аль-Мансура всего за несколько десятилетий превратился не только в крупный торговый и ремесленный центр, но и в политический и культурный центр мирового значения. Уже через сто лет его население составляло около миллиона человек. Новая столица была обнесена тройным рядом стен и двумя рвами. Границы города представляли собой окружность, в центре которой высился халифский дворец с золотым куполом и золотыми воротами. Здесь располагался пышный двор, охраняемый хорасанской стражей. В качестве образца для подражания был взят двор Хосрова. В моду вошли персидские титулы, вина, жены, яства и одежды. Тем не менее ислам оставался официальной религией, а арабский — государственным языком.

Появилась и новая придворная должность, по значимости уступающая лишь самому халифу, — визирь. Первым визирем стал шиит, перс по национальности Халид аль-Бурмаки. Как визирь Халид был главным государственным советником, министром и казначеем. Налоговые поступления он использовал для строительства каналов, мечетей и других общественных работ, однако накопил и внушительное личное богатство. Он любил осыпать подарками друзей, устраивал пышные пиршества, которые по своей популярности затмевали пиры самого халифа. Внук и преемник аль-Мансура на халифском троне, Гарун ар-Рашид, не стал терпеть двух солнц на небе халифата. В 803 г. на одном из багдадских мостов, насаженная на копье, красовалась голова бывшего визиря, а рассеченное надвое тело — на двух других мостах. Члены его семьи были брошены в темницу, а вся их собственность конфискована в пользу государства. Хотя семейство покойного Бурмаки уничтожили, саму должность визиря упразднить не стали. Более того, арабский язык обогатился словом «бурмаки». Оно до сих пор в ходу и означает «безгранично щедрый».

В правление Гаруна (786—809) и его сына аль-Мамуна (813—833) аббасидский халифат достиг пика своего могущества и блеска. Еще до того, как Гарун стал именоваться ар-Рашидом, он возглавил для своего отца поход в «земли ромеев» (782) и дошел до Босфора. Регентша Ирина, мать девятилетнего императора Константина VI, была вынуждена подписать унижительный договор, который предусматривал выплату дважды в год внушительной дани. Эта победа принесла Гаруну почетное прозвище «ар-Рашид», что значит «идуший верным путем». Впрочем, победа оказалась временной. Это был четвертый и последний раз, когда арабы угрожали византийской столице.

Однако двор Гаруна прославился в анналах исламской истории не только благодаря военным подвигам. Наибольшую известность ему принесли изысканные представления, разыгрываемые для придворных и государственных мужей на праздниках, свадьбах и церемониях с участием гарема и евнухов. Необыкновенная щедрость Гаруна сделала его образцом совершенного мусульманского правителя. Его двор как магнит притягивал музыкантов и певцов, мудрецов и шутов, ремесленников и поэтов со всего халифата. Прославленному музыканту и певцу из Мосула, считавшемуся «первым в мусульманском мире, кто может покорить ритм, словно волшебной палочкой, и вычислить плохо настроенный инструмент среди тридцати играющих флейт», халиф назначил месячное жалованье в «десять тысяч серебряных монет». Именно эти музыканты и танцовщицы послужили прообразами для фантастических историй, перекочевавших впоследствии в сказки «Тысячи и одной ночи» и другие арабские литературные произведения.

Двор аль-Мамуна притягивал и покровительствовал интеллектуальной элите, выходцам из Сирии, Персии и других краев. Их научная деятельность вылилась в создание прославленного Дома Мудрости, основанного халифом в

830 г. Это был своеобразный синтез академии, библиотеки и переводческого бюро. Особая важность придавалась работе по переводу, начатой задолго до основания Дома Мудрости и с его помощью продолженная далее.

Еще в правление аль-Мансура в Багдаде был переведен на арабский язык индийский трактат по астрономии, открывший эту науку для мусульманского мира. Среди первых ученых известен аль-Хорезми (ум. ок. 850), арабоязычный перс из Багдада, создавший на основе этого перевода свои астрономические таблицы, которые, в свою очередь, в 1126 г. были переведены на латинский в Толедо в Испании. Наряду с астрономическим индийским трактатом в поле зрения арабских переводчиков попал и трактат по математике, который вводил в обиход так называемые арабские цифры. Аль-Хорезми использовал эти цифры в своем учебнике по алгебре (*al-Jabr*), первом в своем роде. С переводом работы аль-Хорезми на латинский эта область математики, а также арабские цифры стали известны в Европе.

Из Индии и Персии арабы получили свое первое собрание сказок, в которых читатель извлекал моральные уроки из приключений животных. Эти басни вышли из-под пера индийского философа Бидпая и были в середине VIII в. переведены с персидского языка на арабский принявшим ислам зороастрийцем. Они стали первым литературным произведением на арабском языке и даже были переведены на испанский при короле Альфонсе Мудром (ум. 1284), покровителе и поклоннике мусульманской культуры, правившем в католической Испании. Вскоре был сделан их латинский перевод. Поскольку оригинальный текст этих сказок был записан на санскрите и их первый перевод на персидский язык был утерян, именно арабская версия легла в основу европейских басен и сказок на сорока языках. Французский баснописец Лафонтен признавался, что многими своими сюжетами обязан сказкам Бидпая.

Еще более богатым источником, чем Индия и Персия, была Греция, подарившая арабскому миру основы философских и научных знаний. Ведущей фигурой в этой области был несторианин Хунайн ибн Исхак (809—873). Хунайн возглавлял Дом Мудрости, а по профессии был врачом. Он знал греческий язык, с которого переводил тексты на родной сирийский. На основе сделанных им переводов его сын и племянник выполнили переводы на арабский язык. Благодаря ему и его сподвижникам арабские читатели получили доступ к медицинским трудам Галена и Гиппократа, ботаника Диоскурида, философским шедеврам Аристотеля и Платона.

Хунайн был не только ученым, но и хранителем духовных традиций христианства в исламском мире. Когда сын и преемник аль-Мамуна аль-Мутаваккиль приказал ему, своему личному лекарю, приготовить яд для одного из своих врагов, Хунайн ответил категорическим отказом, за что был брошен в темницу, где провел целый год. Ему грозили смертной казнью, если он и дальше будет проявлять неповиновение. Хунайн спокойно, но твердо объяснил, что выполнить приказ халифа ему запрещает вера, которая предписывает делать добро даже врагам, а также профессия, призванная приносить людям облегчение от страданий, а не наоборот. Устыдившись, аль-Мутаваккиль оправдался тем, что просто проверял честность своего лекаря.

Еще одним выдающимся сирийским переводчиком был Сабит ибн Кура (836—901). Звездочет из Харрана Сабит возглавлял школу из родственников и друзей, интересующихся астрономией и математикой. Именно этой школе были обязаны переводом на арабский язык работ Евклида и Архимеда. Немного раньше в Харране также были переведены Евклидовы «Начала» и «Альмагест» Птолемея. Этот известный труд астронома-географа из Александрии (ок. 140) дошел до нас только в арабском переводе, как это видно даже из его названия.

Период переводов (ок. 790—890) положил начало важнейшему интеллектуальному движению раннего ислама, и, учитывая его влияние на католический Запад, можно утверждать, что оно было одним из важнейших в мировом масштабе. Благодаря ему носителям арабского языка стали доступны истинные сокровища индоиранского, семитского и эллинистического культурного наследия. Ислам потерял свой примитивный характер и национальную ограниченность, заняв место соединительного звена между Западной Азией и Восточной Европой. Это движение не имело аналогов вплоть до XIX в., когда стагнирующая ближневосточная культура получила новый толчок к развитию благодаря переводам с английского и французского. Не будет преувеличением сказать, что передача знаний и идей посредством перевода не менее значима, чем оригинальные произведения. Без перевода и переводчиков ни Десять заповедей, ни Нагорная проповедь, ни философия Аристотеля, ни Кодекс Юстиниана не обогатили бы сокровищницу мировой культуры.

После первоначального периода переводов и подражаний наступило время оригинального творчества. И вновь его центром стал Багдад. Таким образом, город превратился в мировую столицу науки, заняв достойное место в ряду других влиятельных центров просвещения, таких как Иерусалим и Афины. В теологии и юриспруденции, филологии и лингвистике арабские ученые уже проявили себя новаторами и творцами. И вот теперь они заимствовали и творчески перерабатывали идеи, пришедшие к ним благодаря переводу с других языков. Это особенно верно в том, что касается медицины, математики и географии.

Арабская научная медицина выросла из своей сирийско-персидской предшественницы, основанной на греческой традиции, которая, как уже говорилось выше, была, в свою очередь, многим обязана Ближнему Востоку, в частности Египту. Родоначальником целого семейства, достиг-

шого высот в этой области, по свидетельству арабских историков, был ибн Бахтишу, сириец-несторианин, глава академии Юнди Шапур в Центральной Персии. Халиф аль-Мансур, страдавший непонятным заболеванием пищеварительного тракта, призвал к себе ибн Бахтишу, и тот обосновался в Багдаде в качестве придворного лекаря. Свое дело и должность он передал сыновьям, а затем и внукам. Будучи христианином, ибн Бахтишу сопротивлялся попыткам обратить его в ислам. Как он сам объяснил халифу, он предпочел бы общество своих предков, будь то в раю или в аду. Внук ибн Бахтишу исцелил невольницу Гаруна ар-Рашида от истерического паралича, притворившись, что раздевает ее на виду у всех. В это время в Багдаде появилась первая больница, устроенная по образцу Юнди Шапура. В свою очередь, по аналогу с ней в провинциях было основано еще тридцать больниц.

Распространенность глазных заболеваний дала арабским врачам возможности для проведения исследований. Книга по офтальмологии, написанная Хунайну ибн Исхаку и впоследствии изданная в английском переводе, самая ранняя из тех, что нам известны. Наиболее неразвитой областью медицинской науки была хирургия. Следствием запрета на вскрытие трупов являлись весьма смутные знания в области анатомии человеческого тела.

В X в. арабский мир подарил человечеству целую плеяду блестящих врачей, чьи оригинальные труды обогатили как восточную, так и западную медицину. Подавляющее большинство их были писавшими по-арабски персами. Один из них, ар-Рази (865—925), якобы развесил мясные обрезки в разных районах Багдада и в качестве места для будущей больницы выбрал то, где они испортились меньше всего. Перу ар-Рази принадлежит самый ранний труд, в котором четко описаны клинические симптомы таких заболеваний, как корь и оспа. Ни греческие, ни другие источники не содержат такой информации. Еще более вну-

шителный трактат этого же автора называется «Аль-Хави» (собрание, сборник), в 1279 г. он был переведен на Сицилии на латынь под названием *Continens*. Этот перевод выдержал несколько изданий и стал для европейцев одним из первых учебников по медицине. Вклад ар-Рази ставит его в один ряд с другими выдающимися мыслителями и практиками средневековой медицины.

Не менее плодовитым был и другой арабский медик, Али Аббас аль-Маджузи (ум. 994). Его последнее имя выдает в нем мага, то есть перса-зороастрийца. Принадлежащий его перу шедевр, *Аль-Китаб аль-Малаки* (Царская книга), посвящен его покровителю-султану. Помимо других ценных наблюдений в ней содержится одно из первых упоминаний о капиллярах. Кроме того, Али Аббас пишет, что во время родов ребенок появляется на свет не сам по себе, а благодаря мышечным сокращениям чрева матери. Книга аль-Маджузи — единственный научный труд, переведенный на латынь крестоносцами. Она почти столетие служила учебником медицины как на Востоке, так и на Западе, пока ее не заменил энциклопедический труд Ибн Сины.

В лице Ибн Сины (Авиценна, 980—1037) своих высот достигли сразу несколько областей арабской науки. Это был врач, философ, астроном и филолог. Ибн Сина появился на свет в семье фанатиков-шиитов (исмаилитов) недалеко от Бухары. В юности ему выпала честь работать в библиотеке саманидского правителя. Столь сильна была в юноше тяга к знаниям, что вскоре он прочел все книги в библиотеке и уже в двадцать с небольшим начал профессиональную карьеру. Границ между науками он не знал. Из девяноста девяти приписываемых ему работ несколько посвящены проблемам теологии, искусства и поэзии. Его шедевр — «Аль-Канун», в котором собраны все знания по медицине его времени. Так, например, в ней впервые содержится описание клинических различий между медиастии-

нитом и плевритом, указывается на инфекционный характер туберкулеза, а также обсуждается распространение заболеваний через воду и почву. Переведенный на латынь в XII в. в Толедо Жерардом из Кремоны «Канон» заменил все более ранние тексты и был настольным пособием по медицине в течение многих веков. На Востоке он оставался медицинской библией вплоть до появления в XIX в. переводов работ английских и французских авторов.

Рука об руку с медициной развивались алхимия и ботаника, и в обеих областях арабы добились небывалых высот. Алхимия, как уже говорилось выше, обязана арабам своим рождением, а ее самым выдающимся представителем был уроженец Куфы Джабир ибн Хайян (р. ок. 735). Он как никто другой признавал важность практического опыта. Джабир научно описал кальцинацию и редукцию, две главные операции в химии. Он также улучшил методы плавления и кристаллизации. Однако, как и другие алхимики до и после него, Джабир тратил время и энергию на поиски так называемого философского камня, при помощи которого любой металл, например олово, можно превратить в золото. Другой химерой алхимиков был так называемый эликсир жизни, способный старика превратить в юношу и дарить бессмертие. В течение столетий Джабир считался высшим авторитетом в алхимии.

Ботаника служила чем-то вроде дополнения к медицине. Арабские врачи частенько обращались к трудам своего испанского собрата по вере Ибн аль-Байтара (ум. 1248). Не удовлетворенный Диоскуридом и другими греческими источниками, Ибн аль-Байтар досконально изучил флору Испании, Северной Африки, Египта, Сирии и Малой Азии. Две его книги, посвященные лекарственным растениям и другим медицинским препаратам, содержат описания лекарств, приготовленных на основе животных, минералов и почти полутора тысяч растений, из которых двести были описаны впервые.

Невозможно переоценить тот вклад, который внесли арабские ученые в астрономию и математику. Обсерватория аль-Мамуна в Багдаде, первая в исламском мире, позволила уточнить длину солнечного года, даты весеннего и осеннего равноденствия и других важных явлений природы, впервые описанных в «Альмагесте» Птолемея. Исходя из шарообразности Земли, они с поразительной точностью рассчитали длину земного градуса на меридиане, что является весьма тонкой геометрической операцией. Что примечательно, эти вычисления, сделанные под руководством аль-Хорезми, проводились в обсерватории, оборудованной лишь примитивным квадрантом, астролябией и двойным глобусом. Вслед за багдадской обсерваторией появились еще тридцать. Вторым после аль-Хорезми в плеяде багдадских астрономов был аль-Фаргани, судя по имени выходец из Средней Азии, возможно тюркского происхождения. В 862 г. халиф аль-Мутаваккиль поручил аль-Фаргани руководить строительством нилометра¹ в Аль-Фустате. Фундаментальный астрономический труд аль-Фаргани был переведен в Испании в 1135 г. на латынь и не имел себе равных по популярности.

В то время как астрономией занималась лишь горстка непревзойденных умов исламского мира, родственная ей астрология приобрела популярность среди огромного количества менее выдающихся людей. Эта псевдонаука сформировала значительную часть культурного наследия Ближнего Востока. Главный ее постулат заключался в том, что звезды влияют на человека и ход земных дел можно предугадать по положению звезд. Однако один арабский астролог, Абу Машар (Абумашар, ум. в 886), сумел внести значимый вклад в науку. Именно он объяснил механизм приливов и отливов, зависящих от восхода и заката Луны. Выполнен-

¹ Н и л о м е т р — градуированная стена или колонна, помещавшаяся в колодец, связанный каналом с рекой. Служила для измерения уровня воды во время разлива. (*Примеч. пер.*)

ный в XII в. латинский перевод четырех его книг укрепил его репутацию ведущего средневекового астролога. Как ни странно, в христианской иконографии он фигурирует в качестве пророка, его авторству приписывается множество сомнительных работ.

Арабские астрономы оставили на небе вечные следы, понятные любому, кто когда-либо изучал звезды. Наглядным примером могут служить такие названия, как Акраб (по-арабски скорпион), Альджеди (ребенок), Альтаир (летающий). Арабские математики также оставили в европейских языках следы своего вклада в науку. Достаточно вспомнить такие слова, как алгебра (ар. Al-jabr), алгоритм (из аль-Хорезми), цифра, zero (оба последних слова происходят от арабского *sifr*). Вспомните медицинские и химические термины: алкоголь, алембик, алкалы (щелочь), сурьма, сироп, сода, — и перед вами предстанет лишь слабый отблеск того богатого культурного наследия, которым европейский Запад обязан мусульманскому Востоку.

Философское наследие арабских авторов смотрится куда более скромно. Причина проста — философская мысль находилась в плену у религии. Неудивительно, что в то время не было иных философов, кроме теологов. Знакомство с греческим философским наследием породило новый вид мыслителя, которого арабы на греческий лад называли «файласуф». Аль-Кинди, работавший в конце IX в. в Багдаде, стал известен как «файласуф аль-араб». Он первый в истории халифата ученый и философ арабского происхождения. Ему принадлежит труд по геометрической и физической оптике, который позднее оказал влияние на Роджера Бэкона, а также сочинение по теории музыки — самое раннее из сохранившихся на арабском языке. Как философ он был неоплатоником и пытался объединить взгляды Аристотеля и Платона, а также найти у них точки сопри-

косновения с исламом. Последователем новаторских взглядов арабского философа стал аль-Фараби, тюрк по национальности. Аль-Фараби стремился к синтезу греческой философии и исламского мистицизма (суфизма). В его главном труде, по всей видимости написанном под влиянием «Государства» Платона и «Политики» Аристотеля, описывается образцовый город. Как и человеческое тело, он представляет собой сложный иерархический организм. Его правитель — безупречный как морально, так и интеллектуально — соответствует сердцу. Ему помогают чиновники, на службе у которых, в свою очередь, состоят другие граждане, рангом ниже. Высшая цель этого идеального города — счастье его граждан.

Однако самый крупный арабский последователь Аристотеля работал не на востоке, а на западе исламского мира. Звали его Ибн Рушд (Аверроэс, 1126—1198), а свои труды писал он в Кордове и Севилье. По большому счету Аверроэс был не столько философом, сколько комментатором. Впрочем, тогдашние комментаторы резко отличались от нынешних. Ибн Рушд делал следующее: он брал арабский перевод Аристотеля, выполненный в Багдаде, главы и их названия оставлял практически без изменений, однако перефразировал текст, внося в него изменения, облегчавшие его восприятие арабским читателем. Переведенные сначала на иврит, а затем в XII в. в Толедо на средневековую латынь комментарии Ибн Рушда оказали огромное влияние на философскую мысль Запада. Несмотря на резкую критику со стороны консервативных христианских теологов, аверроизм стал ведущей философской школой. Не будет преувеличением сказать, что труд Аверроэса стал той искрой, из которой разгорелось пламя европейской философской мысли. Вот такими окольными путями — в латинском переводе, выполненном с версии на иврите, составленной на основе арабского текста сирийского перевода греческого оригинала, — взгляды

античного философа вновь вернулись в Европу и внесли свой вклад в ее интеллектуальное возрождение.

Как и другие философы своего времени, Ибн Рушд был также врачом и астрономом. В своих медицинских трудах он признает принцип иммунитета в случаях оспы, а также правильно объясняет функции сетчатки глаза. Аверроэс по праву считается самым блестящим представителем интеллектуального ислама в Испании.

Как философы мусульманские теологи с самого начала имели достойных соперников, а вот в качестве юристов они были вне конкуренции до начала XX в. Разработанная ими система правоведения (фикх) получила статус науки, хотя и основывалась на Коране и хадисах (традиции). В Коране 200 из 6000 стихов имеют четкий юридический характер. Однако хадисы, изречения, приписываемые пророку и его ближайшим сподвижникам, с трудом поддаются счету. Большая их часть — фальшивки, созданные как ответ на требования новых, вечно меняющихся условий. Первая задача, стоявшая перед учеными мужами в этой области, заключалась в том, чтобы собрать, проанализировать, просеять и выбрать те из них, какие они считали истинными или вероятными хадисами, чтобы потом на их основе разработать кодекс, который бы соответствовал усложнившимся общественным условиям в области гражданского, уголовного, финансового и международного права.

Со временем возникли четыре суннитские юридические школы. Мединская, известная по имени ее основателя Малика ибн Анаса (715—795) как маликитская, была консервативной. Вскоре ее влияние распространилось на весь Хиджаз, Египет и Северную Африку, где она до сих пор имеет твердые позиции. Примерно одновременно с ней в Ираке возникла либеральная школа, которую воз-

главил сын персидского невольника Абу Ханифа (ум. 767). Представители этой школы отстаивали допустимость юридических рассуждений, в том числе основанных на аналогиях. Эта школа занимала ведущие позиции в Османской империи. Ей и сегодня следует примерно половина суннитов. Промежуточную позицию занимала третья, шафиитская школа, которая принимала рассуждения, но с оговорками. Аль-Шафии родился в Газе, учился у Малика в Медине, работал в Багдаде и умер в Каире, где его гробница до сих пор является объектом паломничества. Шафиитская школа и сегодня главенствует в Восточной Африке, Палестине, Южной Аравии и Юго-Восточной Азии.

Четвертая и последняя ортодоксальная правоведческая школа была основана Ибн Ханбалем (ум. 855) в Багдаде. Он был непримиримым сторонником ортодоксального вероучения и приверженцем хадисов. Неудивительно, что это сделало его врагом мутазилитов, которым покровительствовал сам аль-Мамун. Халиф устроил расследование, единственное за всю историю ислама, и в результате высек кнутом и бросил реакционного теолога за решетку. Составленный Ибн Ханбалем компендиум из 28 тысяч хадисов, которые он собрал и прокомментировал, получил широкое признание, однако сегодня им пользуются в основном вахабиты. К числу других механизмов, призванных смягчить суровость коранического ислама, однако впоследствии отвергнутых последователями ибн Ханбаля, относилось единство взглядов мусульманского общества по тем или иным вопросам, которое принималось во внимание представителями трех других школ. Для того чтобы этот принцип получил юридическую силу, в уста пророка были вложены такие слова: «Мои последователи не могут все одновременно ошибаться». Благодаря этой доктрине доисламская практика обрезания, о которой ничего не говорится в Коране, получила дальнейшее распространение. Якобы со-

творенные пророком чудеса, о которых говорилось в устной традиции, получили свое подтверждение; паломничества к святым местам и старцам были сочтены приемлемой практикой. Для последователей Ибн Ханбаля и ваххабитов все, что так или иначе подрывает авторитет Аллаха, попахивает политеизмом и является смертным грехом.

У шиитов имелась собственная юридическая школа. Всеобщему согласию она противопоставляла абсолютный авторитет имамов — Али и его преемников. В этом отношении шииты были более консервативны, нежели суннитское большинство. Однако в отличие от суннитов «дверь интерпретаций» для своих теологов-юристов они держали открытой. Именно через нее и проникли разного рода философские и неисламские элементы, которые впоследствии дали начало всевозможным школам и сектам. Большая часть шиитов осталась верна двенадцати имамам, начиная с Али. Их так и называли — «приверженцы двенадцати». Двенадцатый имам, Мухаммед аль-Мунтазар, исчез в 878 г. при невыясненных обстоятельствах в мечети города Самарры в Ираке. Позднее он стал считаться так называемым «невидимым» или «ожидаемым» имамом, который в нужный момент появится снова как Махди (ведомый самим Аллахом). Цель пришествия — снова объединить всех мусульман, сделать ислам мировой религией, в результате чего на земле на тысячу лет воцарятся мир и благоденствие, за которым последует конец света. Эта мессианская идея возникла как своего рода психологическая реакция подавляемого меньшинства и воплощает в себе надежды и чаяния шиитов на лидерство в исламе. Одновременно получила распространение еще одна странная шиитская идея, которая не только разрешала ложь и лицемерие, но и делала их обязательным для мусульманина в моменты опасности.

Седьмой имам, Исмаил (ум. 760) был привержен пьянству, что стало причиной разногласий, которые, в свою

очередь, привели к расколу среди самих шиитов. В результате от основной их части откололась секта, известная как «приверженцы семи». «Приверженцы двенадцати» отвергли имама-пьяницу, заменив его на его же младшего брата. Раскольники же утверждали, что как имам Исмаил был выше закона. Для своих последователей он стал «невидимым» имамом. Исмаилизм стал плодородной почвой для идей неоплатонизма и гностицизма, что вело к эзотерическому толкованию Корана. Странники Исмаила считали, что в дополнение к внешнему и буквальному значению, доступному непосвященным, в Коране скрыт сокровенный, внутренний смысл, понятный только избранным. Представителями этого направления в шиизме были египетские Фатимиды (о них речь пойдет ниже) и ассасины.

В последнем десятилетии XI в. возникло неоисмаилитское движение, в результате которого появился орден ассасинов. Его основателем стал перс, Хасан ас-Саббах (ум. 1124). Хасан начал свою удивительную карьеру с захвата Аламута, мощной крепости в горах Эльбурс, расположенной на высоте трех тысяч метров над уровнем Каспийского моря. Из этого «орлиного гнезда» Хасан начал кампанию по распространению своего так называемого «нового учения». Надо сказать, что оно привлекло к себе множество недовольных своим экономическим и религиозным положением мусульман, объединив их в тайную организацию, чьей целью были поиски лучшей доли. Возглавляемый Великим магистром, этот орден имел жесткую иерархическую структуру, в самом низу которой находились те, кто был готов к «самопожертвованию». Эти последние были способны на все, на любой риск и превратили убийства неугодных в искусство. Ассасины наводили ужас на весь мусульманский мир. Если верить красочному, хотя и сделанному значительно позже рассказу Марко Поло, Великий магистр раздавал юным послушникам гашиш (отсюда произошло само название ордена — «хашишины»), позво-

лял им предаваться в своем саду наслаждениям с прекрасными девами, после чего отдавал им приказ убрать того или иного врага. Наградой убийце служили те же самые удовольствия, только уже в раю. По сей день в сирийских горах сохранились крепости ассасинов, некогда наводившие ужас на крестоносцев. Впрочем, пощады не было никому, в том числе и братьям-мусульманам. Одной из первых жертв ассасинов стал в 1092 г. знаменитый визирь в Багдаде, перс по национальности Низам аль-Мульк. А вот попытка убрать Салах ад-Дина оказалась безуспешной.

Тем временем ислам породил и более мирные ордена, которые привлекли в свои ряды большое число сторонников. Многие из них существуют и по сей день. Представлявший собой особую форму мистицизма суфизм появился как реакция против чистого интеллектуализма и косного традиционализма в религии. Особое внимание суфии уделяли эмоциям (любви), «внутреннему свету» (интуиции) и аскетизму как способу познания Аллаха, позволяющего установить с ним личный контакт и добиться с ним единения. Это учение нашло последователей как среди шиитов, так и среди склонных к конформизму суннитов. По мере своего развития суфизм вбирал в себя элементы христианских практик, гностических учений и даже буддистских идей, таких как, например, единение с Божеством до растворения в нем. Свое название это течение получило от арабского слова «суф» (шерсть). Таким образом, излюбленное одеяние суфиев делало их облик схожим с внешностью христианских монахов. Практика уединенных медитаций и долгих бдений также напоминает уклад христианской монастырской жизни. В XII в. суфии начали объединяться в братства, жившие в собственных монастырях (*takiyah*, *zawiyah*), возглавляемых шейхами. Желая вступить в орден проходили наставление и инициацию, которыми руководил шейх. Орден мог иметь несколько школ, все они подчинялись главному шейху. Каждый орден разраба-

тывал собственную систему ритуалов, включая песнопения и музыку, ранее не присущие традиционному исламу.

Самый ранний братский орден был основан в Багдаде Абд аль-Кадиром аль-Джилани (ум. 1166). Известный под названием кадириты, на сегодняшний день это самый большой орден, насчитывающий множество приверженцев от Алжира до Явы. Орден ар-Рифаи, названный в честь Ахмада ар-Рифаи (ум. 1175), известен благодаря таким странным подвигам своих членов, как, например, глотание тлеющих углей или бескровное протыкание тела кинжалами. Еще один популярный орден — мавлави, или танцующие дервиши, — был основан персом Джалал ад-Дином ар-Руми, жившим в Анатолии вплоть до самой своей смерти в 1173 г. Этот орден известен благодаря музыке и песням, написанным его основателем, которые считаются очень изысканными и нежными. К числу приверженцев более позднего ордена сануси, действовавшего в Ливии, относились и члены королевской семьи. Свое название он получил в честь алжирского шейха, основавшего его в 1837 г., и наряду с религиозными его члены преследуют также военные и политические цели. Развязанная им в Ливии война против итальянцев внесла значительный вклад в дело освобождения страны.

Помимо других нововведений суфиям якобы принадлежит использование четок, позаимствованных ими у христиан, хотя сам этот предмет берет свое начало в индуизме. Через крестоносцев четки проделали путь в Европу и до сих пор имеют ритуальное применение у католиков. Культ святых — еще одно нововведение, которым ислам обязан суфизму. Возникнув в их узком кругу, позднее он распространился за его пределы и превратился в своего рода мостик между простыми смертными и бессмертным Аллахом. Основатели орденов, шейхи и прочие праведники и чудотворцы, канонизировались самими верующими. Даже женщинам и тем не было отказано в праве называться «друзь-

ями Аллаха». Наиболее ранним примером является судьба Рабии аль-Адавийи из Басры (717—801). В юности она была продана в рабство, однако позднее отпущена на волю своим хозяином, который заметил, что во время молитвы от нее исходит сияние. Рабия дала обет безбрачия и аскетизма, посвятив жизнь передаче своего духовного опыта кружку последователей, призывая их всегда и во всем полагаться на милость Аллаха. В ответ на вопрос, ненавидит ли она шайтана, Рабия ответила, что ее любовь к Аллаху столь велика, что наполняет без остатка все ее сердце, не оставляя в нем места ненависти.

Своим примирением с ортодоксальным исламом суфизм во многом обязан аль-Газали из Туса. Аль-Газали — один из самых интересных и благородных теологов, причем не только ислама, но и религии вообще. Свою карьеру он начал как интеллектуал, преподаватель в медресе аль-Низамийя в Багдаде, которое основал уже упоминавшийся выше Низам аль-Мульк. В медресе ученики постигали основы суннизма, и оно послужило прообразом для многих других духовных учебных заведений Ближнего Востока. Увы, аль-Газали не нашел ответов на свои вопросы и потому обратился к суфизму, затем к скептицизму. В конечном итоге, ощущая физическую и духовную опустошенность, он стал странствующим дервишем и в течение двенадцати лет скитался по разным землям в поисках гармонии с собой и миром. Эта внутренняя борьба закончилась победой, которая нашла свое выражение в прагматичном синтетическом подходе, изложенном в его знаменитом труде «Ихья Улум ад-Дин» («Возрождение наук о вере»). В нем аль-Газали для укрепления исламской схоластики применил греческую диалектику и таким образом примирил мистицизм с каноническим законом. Построенная им схоластическая структура не утратила своей значимости и по сей день.

При Аббасидах исламская философская мысль развивалась прежде всего благодаря выходцам из Персии. Им же исламский мир обязан и достижениями в области искусства. Если в Дамаске в архитектурном облике зданий и их внутреннем убранстве преобладали сирийско-византийские образцы, то в Багдаде — сасанидские. К сожалению, гражданские войны, вторжение монголов и наводнения оставили для нас лишь крохи тех архитектурных шедевров, какими был славен Багдад, будь то мечети или дворцы халифов и их визирей. Все сасанидские архитектурные особенности, включая купола, арки, спиральные башни, покрытые пестрыми изразцами, нашли свое продолжение в архитектуре Аббасидов. Миниатюры и иллюстрации манускриптов несут на себе следы греческого и восточнохристианского влияния. Одним из первых иллюстрированных литературных произведений стали басни Бидпая (ок. 1120). Наследники древней художественной традиции, персидские художники были непревзойденными мастерами орнамента и цветовых сочетаний, особенно в области прикладного искусства. Их причудливые цветочные и геометрические орнаменты стали своего рода визитной карточкой искусства Ближнего Востока. Изображения людей, животных, растений, а также геометрические фигуры и каллиграфия, будь то на изразцах, блюдах или вазах, поражают своим совершенством. Знаменитые кашанские изразцы имитировали в Багдаде, Дамаске, Каире и Кордове. Позднее они получили распространение в Турции и Индии. Сегодня их наряду с другими художественными произведениями Ближнего Востока можно увидеть в залах восточного искусства ведущих музеев мира, таких как Метрополитен в Нью-Йорке, парижский Лувр, Британский музей в Лондоне. Сирийские и египетские мастера не имели себе равных в вышивке по шелку. При этом египтяне стали продолжателями древней коптской традиции. Крестonosцы и европейские

купцы везли шелковые ткани в Европу, где местные мастера пытались подражать своим ближневосточным коллегам.

Арабский мир эпохи Аббасидов с его взлетом науки и искусства резко отличался по общественному устройству и экономике от своего дамасского предшественника. Изменения в общественной структуре имели место благодаря взаимопроникновению арабских и неарабских элементов, причем свой вклад в эту интеграцию внесли, в частности, многоженство и наличие большого числа невольниц. Столь далеко зашла эта интеграция, что даже среди первых халифов лишь трое: Абу-ль-Аббас, аль-Махди и аль-Амин — могли похвастаться тем, что их родила свободная женщина, а только у аль-Амина и отец и мать были курайшитами. Остальные были сыновьями персиянок, а позднее — турчанок. Для большей части населения примитивная племенная структура жителей Аравийского полуострова — этот скелет арабского общества — была пережитком далекого прошлого. Постепенно старую племенную аристократию, связанную узами кровного родства, сменила новая элита — купцы, художники, ученые и другие представители образованных слоев общества. Власть арабской военной касты была подорвана. Ступенькой ниже стояла основная масса мусульманского общества. И наконец, самый нижний слой составляли крестьяне, пастухи, батраки и рядовые сельские жители, как правило местного происхождения и не утратившие веру в автохтонных богов.

Эта новая социальная структура отражает переход от военной к торговой экономике. Обширные границы империи влекли за собой передвижение товаров в невиданных ранее масштабах. Багдад, Басра, Сираф (на побережье

Персидского залива), Каир и Александрия превратились в центры мировой торговли. Есть данные о том, что начиная с IX в. арабские купцы на востоке добирались до Китая. На запад их путь лежал через Северную Африку в Испанию, а на север — до современной Финляндии. Эта международная торговля позволяла скопить несметные богатства. В качестве примера можно привести одного багдадского ювелира. Если верить тому, что о нем рассказывают, даже после того, как халиф в 930 г. конфисковал у него десять миллионов динаров, ювелир остался одним из самых состоятельных горожан.

И все же для основной части населения главным средством существования и источником дохода оставалось земледелие. Даже после того, как землевладельцы приняли ислам, оно еще в течение долгого времени находилось в руках иноверцев-зимми. Правительство следило за тем, чтобы в Ираке и Египте время от времени открывались или закрывались ирригационные каналы. Главными сельскохозяйственными культурами были финики, рис, хлопок, лен, а в отдельных районах также апельсины, сахарный тростник, розы, люпин и баклажаны. В Дамаске и персидских городах, таких как Шираз, специализировались на изготовлении благовоний, в том числе на основе розового масла и лепестков фиалки.

Как только иноверцы начинали обогащаться за счет продуктов земледелия и ремесла, это вызывало зависть соседей. Поскольку они старались следовать обычаям своих предков и продолжали говорить на местных языках: арамейском в Сирии и Ираке, иранском в Персии, коптском в Египте и тюркских в Средней Азии, — это не могло не вызвать враждебного отношения к ним со стороны арабов, о чем свидетельствуют законы, принятые при двух Аббасадах — Гаруне и его внуке аль-Мутаваккиле. Багдадские халифы пытались реанимировать законы Омара II. Церкви, построенные после мусульманского завоевания, над-

лежало разрушить, а на домах евреев и христиан повесить деревянные изображения дьявола. Исламские законники добавили еще одно дискриминационное положение — иноверцы более не могли свидетельствовать в суде против правоверных. Египет пал жертвой дискриминации зимми в период правления Фатимидов в начале XI в. Результатом стал массовый переход в ислам. В XI в. победа ислама как религии была практически повсеместной, за исключением горных районов Ливана. Победное шествие мусульманства влекло за собой и почти повсеместную победу арабского языка.

По мере того как мир ислама разбухал на глазах за счет новообращенных, а перешедшие в ислам сирийцы, персы и турки играли в жизни халифата все более важную роль, новое поколение наместников и военачальников постепенно отсекали от политического тела халифата, что в конечном итоге привело к падению, казалось бы, несокрушимой империи.

Глава 15

КРУШЕНИЕ ХАЛИФАТА И ГОСУДАРСТВА-ПРЕЕМНИКИ

Трещины халифат Аббасидов дал рано, однако процесс разрушения поначалу шел медленно, почти незаметно, и его завершение отстояло на несколько веков. Как мы помним, первой отпала Испания, когда в 755 г. беглый омейядский царевич Абд ар-Рахман основал там независимый халифат с центром в Кордове. Таким образом, у Багдада появился первый суннитский соперник. В 800 г. наместник, отправленный Гаруном в сегодняшний Тунис, принял титул эмира и стал фактически независимым властителем, хотя и признавал духовное верховенство багдадского халифа. Эмир чеканил монету, но имя халифа на ней часто от-

существовало. Титул и владения он по наследству передал своему потомству. Те, в свою очередь, в 902 г. присоединили к своим владениям Сицилию, которую удерживали вплоть до прихода туда норманнов в 1060 г.

На обломках тунисского эмирата позднее возникло новое государство, более могущественное и долговечное, — халифат Фатимидов, сделавших своей столицей незадолго до этого построенный Каир. Основатель династии Убайдулла аль-Махди якобы вел свою родословную от дочери пророка Фатимы. Будучи шиитами, Фатимиды считали багдадский режим узурпаторским, а себя — правоверными имами-халифами. Современник Убайдуллы глава кордовского халифата Абд ар-Рахман III провозгласил себя в 929 г. халифом, в результате чего исламская империя, пусть номинально, получила одновременно двух лидеров.

При пятом представителе династии, аль-Азизе, государство Фатимидов, чьи владения простирались от Красного моря до Атлантики, достигло пика своего могущества. Во время пятничной молитвы имя аль-Азиза звучало в мечетях таких городов, как Мекка и Дамаск, и даже в Южном Йемене. Увы, достойного преемника ему не нашлось. Аль-Хаким (996—1021) устроил гонения на христиан и евреев, а себя в рамках ультра-шиитской доктрины объявил земным воплощением Аллаха. В качестве такового он был признан друзьями. Представители этой секты носят имя ее основателя Дарузи и до сих пор существуют в Ливане и Сирии. Зато при дворе аль-Хакима работал великий египетский ученый аль-Хайсан (ум. 1039), чьи труды в области оптики опровергли мнение Евклида и Птолемея о том, что человеческий глаз испускает некие невидимые лучи, достигающие предметов, на которые упал взгляд.

Для западных историков Фатимиды — это в первую очередь главные противники крестоносцев; для восточных они первая и последняя шиитская династия, которая представляла реальную угрозу суннитскому исламу. Па-

дение Фатимидов от руки Салах ад-Дина (1172), присоединившего Египет к своим сирийским владениям, вновь формально вернуло Северную Африку под власть багдадских халифов.

Западное крыло халифата потихоньку сокращало свой размах, однако те же самые процессы шли и на востоке. Здесь назначенный аль-Мамуном (820) наместник Хорасана, по происхождению невольник-перс, перенес свою столицу из Мерва в Нишапур, где стал править как суверенный властелин. Постепенно он расширил границы своих владений до самой Индии и вскоре перестал упоминать имя халифа во время пятничной молитвы. К 874 г. огромная территория от Индии до Багдада, от Средней Азии до Персидского залива ускользнула от арабов к персам-Саманидам.

В период правления Саманидов, который продолжался до 999 г., старая персидская аристократия вернулась к власти. Это был самый просвещенный режим того времени, а его столица, Бухара, своим интеллектуальным и политическим блеском затмевала Багдад. Саманиды покровительствовали как арабским, так и персидским авторам. Одному из них как своему патрону посвятил свой фундаментальный труд по медицине (914) ар-Рази. Это его сочинение было позднее переведено на латынь. Другой представитель этой династии известен тем, что оказал честь Ибн Сине, позволив ученому работать в своей богатейшей частной библиотеке. Именно в этот период персидская литература пережила свой ренессанс. Сокровищницу мировых поэтических шедевров дополнили такие произведения, как, например, «Шахнаме» («Книга царей») Фирдоуси (940—1020). Любопытно отметить, что, как и аль-Газали, великий персидский поэт также был уроженцем Туса. В своей поэме, состоящей из 60 тысячи двустиший, Фирдоуси с гордостью описал подвиги иранских царей и героев, как исторических, так и легендарных, начиная от

Адама и кончая арабским завоеванием. «Шахнаме» послужила неиссякаемым источником вдохновения для более поздних персидских поэтов и была полностью или частично переведена на многие языки мира.

Когда Фирдоуси завершил свой монументальный труд, бразды правления перешли в руки другой этнической группы, тюрков. Первоначально это были невольники, которыми Саманиды буквально наводнили свой двор. Их возвышение ознаменовало первую победу инокультурного элемента в исламе. Свою поэму «Шахнаме» Фирдоуси посвятил одному из них, Махмуду Газнави. Увы, труд поэта не получил должного признания. Тюрки еще не доросли до того культурного уровня, который позволил бы им уметь по достоинству оценить красоты поэзии и глубины учености. Разочарованный, Фирдоуси подверг Махмуда резкому обличению и осмеянию и был вынужден искать спасения за пределами его владений.

Унаследовав восточную часть бывших саманидских земель, Газнавиды вскоре распространили свою власть на Афганистан и Западную Индию. Другая династия, Буиды, получила западную часть бывших саманидских владений. Бувайха утверждал, что ведет свое происхождение от Саманидов. Столь низко пал престиж халифата, что сын Бувайхи выступил в 945 г. походом на Багдад, где был принят с честью беспомощным халифом, который удостоил его почетного титула Муизз ад-давла (укрепляющий власть). В течение 110 лет Буиды пользовались безграничной властью, в отличие от халифов, которые лишь номинально стояли во главе империи. Так началась эпоха заката и унижения Багдада. Увы, процесс этот оказался необратимым.

Упадок халифата продолжился и при преемниках Буидов, турках-сельджуках. Холодным днем 1055 г. в ворота

Багдада уже стучался отряд туркмен под предводительством Тогрула, внука Сельджука. Халиф не стал оказывать сопротивления. Наоборот, турки были приняты с почетом как освободители. Тогрул даже удостоился почетного титула «султан», а с ним получил и реальную власть. Впоследствии этот титул как наследники Сельджуков носили турки-османы. Сельджуки возобновили враждебные действия против Византии. В сражении при Манцикерте (Армения; 1071) был пленен сам византийский император, что открыло туркам дорогу для дальнейшей экспансии в западном направлении. Началось массовое переселение тюркских племен на запад, а с ним и закат эллинизма и тюркизация Малой Азии. Через семь лет Никея (турецкий Изник) была уже под властью турок. Здесь, практически по соседству с Константинополем, был основан сельджукский Румский султанат. Вскоре его столица переместилась в Иконий (турецкий Конья), один из богатейших и красивейших городов Малой Азии. Это было первое мусульманское государство на пути крестоносцев в Святую землю. Сельджуки переживали пик своего могущества, их владения простирались от Кашгара (самой восточной точки распространения ислама) до окрестностей Константинополя. Впрочем, Сельджукам хватило мудрости оставить на местах персидскую администрацию, в частности визирей-персов. Самым блестящим среди них был Низам аль-Мульк, о котором уже говорилось выше как об основателе медресе аль-Низамия, павшем от рук ассасинов (1092). В 1074 г. Низам созвал съезд астрономов, на котором был принят новый персидский календарь. По мнению ряда ученых, он был даже более точен, чем григорианский, которым пользуемся мы. Одним из участников этого научного форума был Омар Хайям (1048—1131), известный на Западе как поэт, воспевавший вино. Неутомимый визирь, Хайям также занимался строительством мечетей, прокладкой каналов, дорог, устройством караван-сараев. Дороги того времени

охранялись так хорошо, что, по свидетельству одного биографа, один-два путника могли спокойно, не волнуясь за свою безопасность, проделать путь из Средней Азии в Сирию. Современником Хайяма был поэт-романтик Низами, чей поэтический шедевр «Хамсе» («Пятерица») по праву называют пятью алмазами персидской поэзии.

Убийство Низама ознаменовало начало ослабления центральной сельджукской власти, что в конечном счете привело к распаду династии. Персидские Сельджуки формально оставались у власти до 1117 г. Румейские — примерно в 1300 г. уступили власть туркам-османам. Когда в Сирию пришли крестоносцы, они встретили на своем пути несколько крошечных сельджукских государств.

До сих пор речь шла о мусульманских государствах, которые то появлялись, то исчезали в границах халифата, причем каждое новое было гораздо слабее своего предшественника. В результате они становились легкой добычей завоевателей. Первыми с запада пришли крестоносцы; вслед за ними с востока — монголы.

Эпохальная авантюра, вошедшая в историю под названием Крестовых походов, была по большому счету продолжением вечных трений между Европой и Азией, их взаимной вражды, корни которой восходят к греко-персидским войнам и конец которой положила лишь Вторая мировая война. В данном случае толчком к ответным действиям со стороны христианской Европы послужило то обстоятельство, что турки уже фактически стучались в ворота Константинополя. Впрочем, уже и раньше сицилийские арабы пробовали угрожать Риму, а испанские — Франции. Крест на доспехах воинов как символ их правого дела, стремление отвоевать Святую землю у неверных — все это придавало движению крестоносцев религиозную окраску. На самом же деле это воинство ставило перед собой гораздо

более приземленные цели, в том числе расширение сфер экономического и политического влияния. Первое было крайне необходимо итальянским купцам, второе — бесчисленным отпрыскам французских и норманнских аристократических семейств. В Крестовых походах нашли для себя отдушину и авантюристы, охваченные жаждой странствий и приключений, и религиозные фанатики, для которых паломничество в Святую землю было частью епитимьи. Нужна была лишь искра, способная подвигнуть их на эту авантюру. Ею стала пламенная речь, произнесенная папой Урбаном II 16 ноября 1095 г. в Южной Франции. Запомните это место и время. В своей речи папа призывал христианский мир «ступить на путь, ведущий к Гробу Господню, и освободить его от поганых». Судя по результатам, ни одна другая речь в истории Средних веков не оказалась столь эффективной. Подобно пожару, этот повальный психоз, вырвавшись из Франции, охватил всю Европу. Ему оказались подвержены как верхи, так и низы общества, богатые и нищие, старые и молодые.

Местом встречи христиан был назначен Константинополь, откуда они дружным маршем двинулись через сельджукскую Малую Азию. В июне 1097 г. была отвоевана Никея. Придя в Сирию, возглавлявший лотарингское войско Болдуин, он же будущий король Иерусалимский, повернул на восток и в начале 1098 г. захватил Эдессу (аль-Руха), армянское христианское княжество. Эдесса стала первым католическим государством на Святой земле. В отличие от Болдуина возглавлявший войско итальянцев и сицилийских норманнов Танкред повернул на запад и занял Тарс, который также находился в руках армян. Его родственник Боэмунд Тарентский, пожалуй самый дальновидный из предводителей крестоносного воинства, двинулся в сторону Антиохии, колыбели христианства (Деян., 11: 26) и воротам в Сирию. После упорной девятимесячной осады город в июне 1098 г. открыл крестоносцам во-

рота. Свою роль в падении Антиохии сыграло предательство армянского военачальника, находившегося на службе у сельджукского эмира. Боэмунд провозгласил себя главой Антиохийского княжества. Другой предводитель, глава провансальцев Раймунд Тулузский, двинулся на юг через Триполи к конечной цели похода — Иерусалиму. Его примеру последовал и брат Болдуина Готфрид Бульонский. Иерусалим тогда принадлежал Фатимидам, а охранял его тысячный гарнизон. После месячной осады город в июле 1099 г. был взят штурмом, за которым последовала массовая резня местного населения. Так на карте Ближнего Востока появилось самое крупное католическое государство. Готфрид был его главой в течение года, затем его сменил брат, Болдуин I (1100—1110), который принял титул короля Иерусалимского. Тем временем Раймунд вернулся в Триполи, отвоевал город в 1109 г. у арабского эмира и превратил его в неприступную крепость — первую в своем роде. Она до сих остается в числе основных достопримечательностей этого города. Захватом Триполи завершилось последнее крупное приобретение крестоносцев на Святой земле. Три государства — княжество Антиохийское и графства Эдесское и Триполитанское — являлись вассалами Иерусалимского королевства, которое при Болдуине I и его кузене Болдуине II (1110—1118) достигло пика своего могущества.

Для мусульманского мира настала очередь нанести ответный удар. Все началось с турка по имени Занги, владельца Мосула и Алеппо. В 1144 г. он напал на Эдессу и сумел ее захватить. Это был первый ответный удар. За ним последовали другие, которые не прекращались до тех пор, пока от четырех христианских государств не осталось камня на камне. Начиная с Занги инициатива в священной войне перешла в лагерь мусульман. Его сын Нур ад-Дин

(свет веры) отвоевал у другого турка Дамаск и сделал его своей столицей, таким образом устранив последнее препятствие, отделявшее Зангидов от владений крестоносцев. Нур ад-Дин мечтал захватить Египет и, взяв Иерусалим в мусульманские клещи, как орех, раздавить его. Этот честолюбивый план осуществил его преемник, энергичный и находчивый полководец Салах ад-Дин.

Салах родился в курдской семье в Ираке. Когда мальчику исполнился год, родители переехали на жительство в Баальбек, где отец состоял на военной службе у Занги. Первой блестящей победой Салах ад-Дина стало свержение шиитского режима Фатимидов в Египте. За Египтом последовали Киренаика и Хиджаз. Вторая громкая победа мусульманского полководца — разгром крестоносцев в битве при Хаттине в июле 1187 г. Это место представляет собой кратер потухшего вулкана, расположенный на высоте 518 метров над уровнем моря рядом с Галилейским озером. Считается, что именно здесь Христос произнес свою Нагорную проповедь. Салах ад-Дин, имея в своем распоряжении свежие силы, обрушил тучи стрел на усталое, мучимое жаждой франкское войско. Из 20 тысяч рыцарей и пехотинцев в живых осталась лишь жалкая горстка тех, кто потом поведал миру эту печальную историю. Список пленников возглавил король Ги де Лузиньян. Следует воздать Салах ад-Дину должное: он не стал подвергать пленника унижениям, а обращался с ним в соответствии с его высоким титулом. В конечном счете Лузиньян был отпущен на свободу. Правда, предварительно с него взяли клятву, что он никогда больше не поднимет меча против мусульман. А вот другой пленник, Рено де Шатийон, хозяин замка Карак на берегу Мертвого моря, вынашивавший дерзкий план захватить Медину и, эксгумировав тело пророка, выставить его на всеобщее обозрение, удостоился иного к себе отношения. В соответствии с данной себе клятвой, Салах ад-Дин собственноручно заколол врага мечом.

да, Салах ад-Дин великодушно предложил его обитателям-христианам либо заплатить выкуп, либо быть проданными в рабство. Падение и захват Иерусалима стали провозвестниками гибели и других христианских городов в Палестине, а вот Европу всколыхнула новая волна религиозного и военного рвения. Внушительную кампанию возглавили три венценосных особы: король Франции Филипп-Август, германский император Фридрих Барбаросса и английский король Ричард Львиное Сердце. Ключом к Палестине считалась Акка (Акра), она и была выбрана в качестве места решающего сражения. Ричард взял город в кольцо осады. Салах ад-Дин бросил под стены Акры свежие силы. Таким образом, горожане оказались зажаты между двух огней. Противоборство было долгим и упорным (1189—1191), каждая сторона проявила чудеса доблести и героизма. Главными героями были главы враждующих лагерей, равные друг другу по уму и военной доблести. Победителем из этого поединка вышел Ричард. 2700 пленников, не сумевших заплатить выкуп, были убиты. За Акрой последовала Хайфа. Полоска побережья от Тира и далее на юг перешла к крестоносцам, однако внутренние районы Палестины оставались в руках мусульман.

Со смертью Салах ад-Дина в 1193 г. из игры выбыл яркий защитник ислама и ходячее воплощение благородного мусульманского воина. Однако яркий след, прочерченный им на небосводе истории, не потускнел и по сей день. Как и раньше, к его гробнице в Дамаске рядом с мечетью Омейядов стекаются тысячи паломников. До сих пор его имя остается козырем в руках подстрекателей к вражде с Западом. Память об этом славном воине хранят и другие его начинания, мирные: школы, мечети, больницы, позднее послужившие прообразом для десятков, если не сотен им подобных.

Как это часто случается, преемники Салах ад-Дина, названные в честь их родоначальника Айюбидами, раз-

дробили доставшиеся им владения. Каир, Дамаск, Хама и другие города в Сирии и Ираке превратились в столицы автономных Айюбидских династий. Со смертью Салах ад-Дина ислам утратил не только единого предводителя в борьбе против крестоносцев, но и общий территориальный оплот в этой борьбе. Впрочем, крестоносцы так и не сумели воспользоваться преимуществами данной ситуации. Предпринятый в 1238 г. королем Франции Людовиком IX Крестовый поход против Египта закончился позорным провалом. Его предводитель попал в плен к неверным, однако был отпущен за внушительный выкуп. Из Египта Людовик отправился в Сирию, где укрепил ряд приморских городов. Его замок в Сидоне до сих пор входит в список достопримечательностей этого восточного города. Надо сказать, что благородством своей натуры Людовик резко отличался от прочих своих современников и не зря вошел в историю как Святой.

Айюбидов сменили мамлюки (1250—1517). Они владели землями Сирии и Египта и возглавили борьбу за освобождение Палестины от крестоносцев. Слово «мамлюк» означает «находящийся в собственности», «невольник». И действительно, начало этой династии положил Айбак (1250—1257), бывший невольник одного из стражников последнего Айюбида. Айбак взял в жены вдову своего предшественника и установил военную олигархию, в которой наследование власти обычно происходило от покойного правителя к его невольнику либо кому-то из его личной стражи. Хотя мамлюки были необразованными и жестокими новичками в исламе, им принадлежат три неоспоримые заслуги. Они очистили территорию от последних крестоносцев, приостановили продвижение на запад полчищ еще более диких монголов Тимура, а также украсили свою столицу мечетями и другими зданиями, которые до сих пор входят в число архитектурных жемчужин той эпохи.

Вершиной эпохи мамлюков стало правление Бейбарса (1260—1277). Он не только заставил откатиться назад волну монголов, которые успели разграбить Багдад в 1258 г. и всесокрушающим смерчем пронеслись по Сирии и Палестине, но и сплотил свои владения и возобновил нанесение смертельных ударов, которые в свое время начал наносить еще Занги и продолжили Нур ад-Дин и Салах ад-Дин. Один за другим прибрежные города, находившиеся в руках крестоносцев, а также крепости тамплиеров и госпитальеров переходили в его руки. В 1268 г. капитулировала Антиохия. Город с его древней цитаделью и старинными церквями был предан огню. Около 16 тысяч жителей города и его защитников были убиты, около ста тысяч уведены в рабство. Невольничий рынок был настолько перенасыщен товаром, что мальчик мог принести продавцу лишь двенадцать серебряных монет, а девочка всего пять. От этого сокрушительного удара бывшая блистательная столица Селевкидов и римлян уже не оправилась.

Спустя три года пала неприступная крепость Хисн-аль-Акрад, оплот госпитальеров. За ее стенами могли находиться до тысячи рыцарей, и в течение многих лет она возвышалась, словно верный часовой, на пути, соединявшем Триполи и побережье с внутренними районами страны. Оставленная рыцарями, впоследствии она служила приютом для бедной общины крестьян, пока уже в наше время не перешла под мандат Франции. Хисн была главной в цепи цитаделей, державших под контролем горные перевалы на пути от побережья в глубь страны. Другая твердыня госпитальеров, крепость Аль-Маркаб (Каструм Мергатум), зорко следила за дорогой север—юг на прибрежной равнине. В 1285 г. после тридцативосьмидневной осады Аль-Маркаб пала под ударами преемника Бейбарса, Кулавана (1270—1290). Как и его предшественник, Кулаван по происхождению был невольником-тюрком, за которого его хозяин заплатил баснословную цену

в тысячу (альф) динаров. Отсюда и его прозвище — аль-Альфи, которым он чрезвычайно гордился. После Аль-Маркаба настал черед лежавшего южнее Триполи. В 1289 г. город пал и был превращен в развалины. Акра, единственное место, представляющее военную ценность, преемник Кулавана штурмовал в мае 1291 г. Оборонявшим город тамплиерам была обещана жизнь, однако обещание это так и не было выполнено. Падением Акры и резней тамплиеров завершился последний акт ближневосточной средневековой драмы.

Парадоксальный факт: периоды мира в течение двух веков присутствия крестоносцев на Святой земле были более продолжительными, чем периоды войны. На Востоке Запад пожинал богатый урожай, а вот Восток скорее пострадал, чем обогатился от появления здесь европейских гостей.

Крестовые походы подарили Европе столь необходимый ей шанс расширить свои границы и вступить в контакт с миром, стоявшим на гораздо более высокой ступени культурного и интеллектуального развития. Что касается военного искусства, то крестоносцы позаимствовали у Востока новую технику ведения войны, в том числе использование сигнальных костров в ночное время и почтовых голубей для передачи разведанных. В экономическом плане Крестовые походы открыли для европейских купцов новые рынки. В результате на Западе начали пользоваться спросом такие ближневосточные продукты, как рис, лимоны, эфирное масло, имбирь и сахар. Воины, купцы, моряки и пилигримы возвращались домой с пестрыми коврами и дорогими тканями, которые они позднее пытались имитировать у себя в Европе. Европейские языки полны свидетельств тех первых средневековых контактов с Ближним Востоком. Практически в каждом име-

ются названия таких тканей, как дамаск, муслин, тафта, сатин.

В том, что касается интеллектуальной сферы, заимствования были крайне скудными. Впрочем, ничего удивительного в этом нет, ибо в эпоху Крестовых походов ненадолго соприкоснулись, с одной стороны, арабское общество, пережившее свой культурный зенит и теперь клонившееся к упадку, а с другой — общество европейское, еще не готовое к тому, чтобы воспринять культурное наследие Востока. Сделать это мешали самые разные преграды — религиозные предрассудки, чужой климат, языковой барьер. На латынь был переведен лишь один крупный научный труд — медицинский шедевр аль-Маджузи («аль-Катаб аль-Малаки»). Куда больше европейцам пришлось по вкусу поучительные рассказы, которыми славилась арабская литература. Ими зачитывались, их переводили, правда, сначала устно. Постепенно они начали проникать в европейскую литературу. Предшественницами истории сквайра из «Кентерберийских рассказов» Чосера стали сказки «Тысячи и одной ночи».

Особый интерес представляет такой побочный продукт присутствия крестоносцев на Ближнем Востоке, как миссионерская деятельность среди мусульман. Несостоятельность военных методов потребовала иных, мирных подходов. Переманить неверных в христианство оказалось куда легче, чем пытаться покорить их огнем и мечом. В середине XII в. крестоносцами был основан кармелитский орден (по названию знаменитой горы в Палестине), который существует и по сей день. В Европе каталонский церковник Раймонд Луллий (ум. 1315) стал первым европейцем, который настаивал на необходимости изучения Востока с тем, чтобы полученное знание применять затем в миссионерской деятельности в странах Северной Африки и Азии. Раз начавшись, эта работа велась постоянно сначала католиками, а позднее и протестантами.

Печальным последствием изгнания со Святой земли последних крестоносцев в конце XIII в. стало то, что их города пришли в упадок и запустение. Походы мамлюков лишь добавили разрушений, особенно в прибрежных областях. Опасаясь возвращения европейцев, мамлюки разрушали башни и замки, перекрывали входы в гавани, не давали местному населению селиться в портах. Излюбленной их тактикой была тактика выжженной земли. Поскольку друзы и шииты тоже не спешили идти на сотрудничество, мамлюкские султаны пытались приструнить единомышленников-диссидентов, сделать из них суннитов и вообще послушных подданных. Что касается христиан во главе с ливанскими маронитами и последователями яковитской и армянской церквей в Сирии, то их дни были сочтены. В населенные ими районы были предприняты многочисленные военные походы, вылившиеся в массовую резню христиан и грабеж их имущества. Стоит вспомнить о том, что именно христиане несли в мусульманский мир идеи греческого, а затем и европейского мира. В результате репрессий поддерживать связи с Западом сделалось гораздо труднее. К страданиям от рук человеческих прибавились мучения от прихотей матери-природы. Участились и сделались губительнее по своим последствиям засухи, голод, эпидемии. В хрониках XIV в. упоминаются по крайней мере четыре массовые эпидемии. Одна из них, Черная Смерть, бесчинствовала в регионе на протяжении нескольких лет. Только в Каире она унесла около трехсот тысяч человеческих жизней. Опустошив Ближний Восток, Черная Смерть переместилась на Запад, в Европу. Мамлюки, узрев во всех этих бедствиях проявление Божьего гнева, пытались умиловить Аллаха новыми гонениями на христиан и евреев.

При мамлюках население Египта и Сирии сократилось примерно на треть. Рука об руку с уменьшением численности населения шли культурный упадок, который на-

чался еще при крестоносцах, и экономическая разруха. Этот процесс продолжился и при Османах, сменивших мамлюков на этих землях.

В конце XV в. произошли два события мирового масштаба, которые отрицательно сказались на торговле и в целом на экономике данного региона. Открытие Америки в 1492 г. не только распахнуло для Европы новые горизонты, но и повлекло за собой перемещение важных торговых путей. Европейцы обратили свои взгляды на запад, потому что именно там находились новые рынки сбыта. Атлантика перестала быть «морем мрака», а Средиземное море — морем «посередине земли». Шесть лет спустя после открытия Америки португальский мореплаватель Васко да Гама обогнул южную оконечность Африки, известную теперь как мыс Доброй Надежды. Так на карте мира стало одним белым пятном меньше. Васко да Гама продолжил свое плавание до Индии, проложив тем самым новый и более короткий маршрут не только в Южную Африку, но и в Южную Азию, где производились те самые вожаделенные пряности, за которые европейцы были готовы платить огромные деньги. Из Южной Азии путь лежал еще дальше, в страны Дальнего Востока. Замкнутый в рамках исламского мира, Ближний Восток остался в стороне от этих эпохальных событий. Прошло несколько столетий, прежде чем открытый в 1869 г. Суэцкий канал пусть даже частично, но вернул этому региону былое значение в мировом товарообмене.

Не менее судьбоносные перемены намечались и на политическом горизонте. На севере восходила новая звезда — турки-османы. Вскоре и под персидским, и под мамлюкским султаном закачались троны. Хотя мамлюки, как и Османы, были суннитами, они, чтобы противостоять врагу, предпочли объединиться с персидскими шиитами,

видя в них меньшее зло. В 1515 г. османская армия под предводительством энергичного султана-воина Селима I (1512—1520) уничтожила персидскую кавалерию и всех тех, кто шел вслед за ней. Армения, где произошло это событие, вошла в состав Османской империи. Вскоре турки вошли в Тебриз, столицу шаха Исмаила (1502—1524). Настала очередь мамлюков.

В битве при Мардж-Дабике к северу от Алеппо привыкшие воевать по старинке египтяне полагались в основном на личную доблесть. Увы, она им не помогла. Как и для персов-шиитов, столкновение с османами закончилось для них полным разгромом, что неудивительно, так как в распоряжении последних имелись пушки и другое огнестрельное оружие. С престарелым мамлюкским султаном аль-Гури (1500—1516) прямо на поле боя случился апоплексический удар, и он замертво свалился с коня. Наместник Алеппо вместе с вверенными ему силами перешел на сторону врага. Сражение оказалось решающим. Селим победителем вступил в Алеппо. Вся Сирия лежала у его ног. В начале следующего, 1517 г. жерла его пушек, установленных на нильском берегу, были уже обращены в сторону Каира. Преемник аль-Гури на мамлюкском троне, бывший невольник Турман-бей (1516—1517) бежал в лагерь бедуинов, однако был схвачен и повешен на столичных воротах. Так спустя 267 лет бесславно закончил свое существование мамлюкский султанат. С его падением завершилась и целая эпоха арабского владычества в регионе. Центр мусульманского мира, ранее расположенный в Медине, Дамаске, Багдаде, Каире, переместился в Стамбул. Но на стамбульском троне сидели представители уже совершенно другого этноса, носители иной культуры, говорившие на абсолютно ином языке. Впрочем, кое-что осталось неизменным — ислам. Под его знаменем Османы, эти относительные новички в воинстве Аллаха, уверенным маршем шли к новым победам.

Глава 16

ПОД ПОЛУМЕСЯЦЕМ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Предками жителей современной Турции были кочевые племена Центральной Азии, перебравшиеся в Персию, где они приняли ислам, а затем на полуостров Малая Азия, ставший для них второй родиной. Здесь они смешались с племенем сельджуков — и те и другие в этническом отношении были родственны монголам и унаследовали их государственность. Их первым предводителем был Осман (1299—1326), давший им название, под которым они и вошли в историю, — турки-османы. Все тридцать шесть султанов Османской империи, включая последнего — Мухаммеда VI (правившего в 1918—1922 гг.), были его прямыми потомками. Царство, созданное Османом в Анатолии (Малой Азии) в самом начале XIII в., превратилось впоследствии в империю, которой правил его седьмой наследник Мехмет II Завоеватель. Эта держава расширила и укрепила свои границы при его внуке Селиме и достигла зенита славы при сыне Селима Сулеймане Великолепном. Мухаммед (1451—1481) достиг того, чего в свое время не удалось сделать ни одному халифу Дамаска или Багдада: в 1453 г. он захватил Константинополь и разрушил Византийскую империю, просуществовавшую более тысячи лет. Заложённый на берегах Босфора, стоявший одной ногой в Европе, а второй шагнувший в Азию, этот красавец город господствовал на Ближнем Востоке и Балканах. Соперник и претендент на власть над Ближним Востоком у него был только один — мусульманская Персия.

Если героем-завоевателем восточного фронта был Селим I, то на западном эта роль досталась Сулейману Великолепному (1520—1568). На основе священного закона и традиций Сулейман создал законодательную систему, ос-

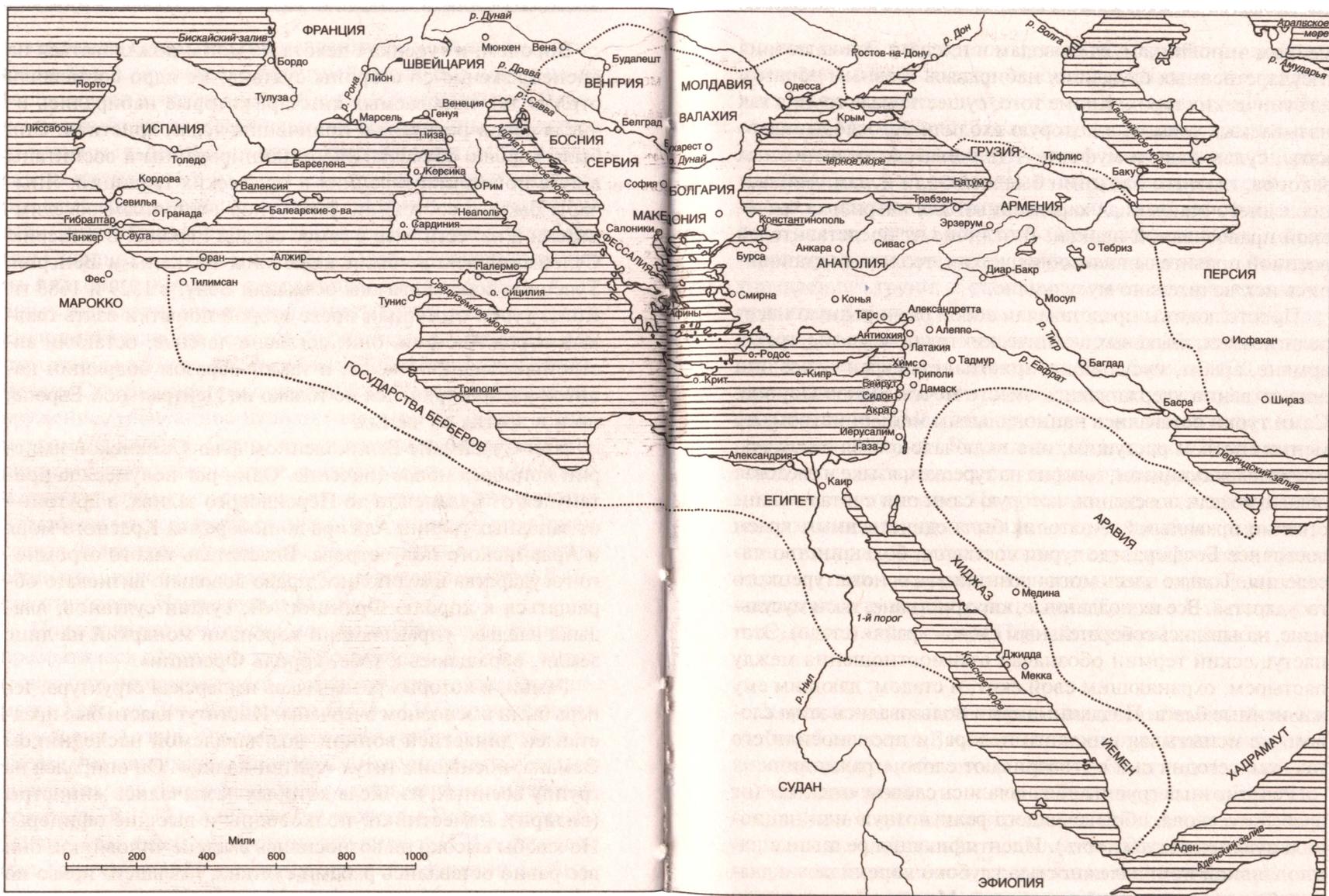
тававшуюся неизменной и непревзойденной вплоть до реформ XIX в. Отсюда его почетный титул, под которым он был известен в народе, — аль-Кануни (Законодатель). Впрочем, куда более долговечными, нежели законы, оказались прекрасные творения его архитектора Синана (1489—1588); самый знаменитый из турецких архитекторов и инженеров османского периода. Полное его имя — Абдильменнан оглу Синанеддин Юсуф. Он также известен как Ходжа Мимар Синан Ага. — *Пер.*), бывшего невольника-христианина из Анатолии, которые сохранились и по сей день. К их числу относится знаменитая мечеть Сулеймание в первой столице государства османов Адрианополе. Созданная для того, чтобы затмить красоту Святой Софии (Айя-София), мечеть Сулеймание представляет собой внушительное сооружение, увенчанное куполом высотой 53 метра и диаметром 26,5 метра. Стены ее украшены изразцами в старинном сельджукском стиле, а изысканные узоры мозаики и фаянс сделаны в персидском стиле, что свидетельствует о высоком мастерстве ее создателей. Считается, что Синан создал более трехсот мечетей, дворцов, школ, лечебниц и общественных бань в различных городах, включая Константинополь, Иерусалим и Мекку.

Под предводительством Сулеймана Османская империя превратилась в могучую морскую державу. В 1518 г. пират греческого происхождения, османский флотоводец и вельможа Хайр ад-Дин Барбаросса (1475—1546) присоединил к империи Алжир. Он построил флот, набрал экипажи из числа отказавшихся от христианской веры греков и итальянцев и сделал его эффективным инструментом имперской политики. В 1534 г. Хайр ад-Дин вторгся в Тунис, который, однако, стал турецкой провинцией лишь в 1574 г. Завоевание Триполи в 1551 г. довершило захват турками берберских государств. Из стран Магриба лишь Марокко удалось сохранить независимость и не попасть под власть Османской империи.

Впрочем, и турецкая пехота не могла пожаловаться на пренебрежение со стороны султана. Ее ядро составляли отряды так называемых янычар, которые набирались из числа рабов-рекрутов и принявших ислам христиан. Они были хорошо обучены, дисциплинированы и воспитаны в духе почитания турецких и исламских традиций. Янычары были в состоянии дать отпор восточным соседям-персам и нанести удар в самое сердце Европы. В империю Сулеймана вскоре были включены Балканы и Венгрия. Турецкие войска дважды осаждали Вену, в 1529 и 1683 гг. Когда турки отступили после второй попытки взять главный город Австрии, они, согласно легенде, оставили австрийцам мешки с кофе, и таким образом бодрящий напиток распространился не только по Центральной Европе, но и в других ее частях.

При Сулеймане Великолепном флаг Османской империи приобрел новое значение. Один рог полумесяца протянулся от Будапешта до Персидского залива, а другой — от западных границ Алжира до побережья Красного моря и Аравийского полуострова. Властитель такого огромного государства имел полное право довольно витиевато обращаться к королю Франции: «Я, султан султанов, владыка владык, управляющий коронами монархий на лице земли, обращаюсь к тебе, король Франции».

Рамки, в которых развивалась имперская структура, теперь были в основном очерчены. Институт власти был представлен династией воинов, возглавляемой наследником Османа, носившим титул «султан-халиф». Он опирался на группу военных, из числа которых назначались министры (визирь), наместники, полководцы и высшие офицеры. Но как бы высоко ни возносились высшие чиновники, они все равно оставались рабами султана, имевшего право по своему усмотрению распоряжаться их жизнью, не говоря уже об имуществе, которое он мог в любое время конфисковать. Министры и губернаторы отдавали распоряжения

Османская империя в период расцвета

мелким чиновникам, счетоводам и писцам. Эта категория государственных служащих набиралась главным образом из этнических турок. Кроме того, существовала группа так называемых улемов, в которую входили богословы, адвокаты, судьи-кади и муфтии — толкователи религиозных законов, главным над ними был шейх-уль-ислам. Аппарат последнего напоминал характерный для патриарха греческой православной церкви. В отличие от представителей военной правительственной иерархии, теологами становились исключительно мусульмане.

Простолюдины представляли собой разнородную массу религиозных, языковых и этнических групп. Славяне, греки, армяне, арабы, мусульмане, христиане и евреи — все они искусственно удерживались вместе мечом сынов Османа. Сами турки оставались национальным меньшинством, но меньшинством растущим; оно включало в себя лишь тех, кто являлся суннитом, говорил на турецком языке и следовал общей модели поведения, которую сами они считали единственно правильной. Анатолия была единственным краем восточнее Босфора, где турки составили большинство населения. Только здесь могла возникнуть основа турецкого государства. Все их подданные, как христиане, так и мусульмане, назывались собирательным словом «райя» (стадо). Этот пастушеский термин обозначал взаимоотношения между пастырем, охраняющим свой скот, и стадом, дающим ему жизненные блага. Подданные сами пользовались этим словом, не испытывая никакого позора, и произносили его так, как сегодня они выговаривают слово «гражданин».

Религиозные группы обозначались словом «миллет» (от арабского слова, обозначающего религиозную или национальную принадлежность). Идентификация религии с национальной принадлежностью глубоко коренилась в давней ближневосточной традиции. Мусульмане и ромеи (римляне и православные греки) образовывали два основных миллета. Евреи, армяне и другие христиане составля-

ли отдельную категорию. Предводитель каждого миллета официально признавался лицом, отвечающим за исполнение законов, относящихся к личным правам членов его общины. Мусульманские законы, связанные с браком, разводом, наследованием имущества и усыновлением, не распространялись на приверженцев других конфессий. Эти дела рассматривались церковными судами христиан и евреев. Все это делало общество Османской империи гибкой структурой, состоявшей из обладавших частичным самоуправлением групп, и расширяло пропасть, разделявшую правителей и их подданных. Статус миллета распространился и на европейских жителей державы. Первыми из них стали венецианцы, с которыми Сулейман в 1520 г. подписал договор, состоявший из тридцати капитул (от *лат.* *capitula*, глава). Подобная практика имела место еще во времена существования Византийской империи. Через пятнадцать лет свои первые капитулы получили французы, затем, в 1580 г., — англичане. По иронии судьбы эти привилегии, дарованные сильным монархом проживавшим в его царстве иностранцам, стали нормами традиционного права, впоследствии открывшими иностранным державам путь к вмешательству во внутренние дела Турции. Избавиться от них удалось лишь в годы Первой мировой войны.

Управление провинциями следовало византийской и арабской моделям. В каждую провинцию, именовавшуюся вилайетом (от арабского «валяйя»), Константинополь назначал наместника, на которого был возложен сбор налогов, призыв в армию, контроль над соблюдением закона и порядка и отправление правосудия. Ответственность за внешнюю безопасность возлагалась на центральное правительство. Практика сбора налогов со всем присущим ей злом конечно же была продолжена. Горный Ливан, населенный свободолюбивыми маронитами и друзами, требо-

вал особого внимания со стороны турецких властей. Здесь контроль над местным населением был возложен на местных же феодалов, Маанов, а затем Шихабов. Эти правители передавали родовые поместья своим сыновьям, не отправляли своих земляков на военную службу в имперскую армию и осуществляли автономный контроль над своим краем. Один из них, Фахруддин II аль-Мами (ум. 1635), зашел в такой автономности так далеко, что заключил договор с флорентийскими Медичи о совместных военных действиях против своего сюзерена. В других землях, исключая Ливан, типичный правитель провинции (вали) обычно покупал свою должность в Константинополе (Стамбуле) и далее был заинтересован лишь в том, чтобы окупить затраченные деньги, понимая, что пребывание на посту будет недолгим. Следует, однако, признать, что при этом достигались относительная внутренняя безопасность и общая стабильность. Долгие века народы этих территорий пребывали в крепких тисках Османской империи. Однако за все это время так и не было предпринято сколько-нибудь серьезных попыток использовать ее природные ресурсы или развивать человеческий потенциал. Земледелие и ремесла стремительно приходили в упадок на той обочине прогресса, на которую они угодили.

Период имперской славы, который пришелся на годы правления Сулеймана Великолепного, ненадолго пережил его самого. Во время царствования его сына Селима II (1566—1574), для которого вино и женщины были более важны, нежели государственные дела, процветали легкомысленные развлечения, особого размаха достигла коррупция. При правлении наследников Селима велись успешные войны с Персией на одном фронте и с венграми, поляками и австрийцами — на другом. Неудачная осада Вены в 1683 г. стала началом упадка былого имперского величия.

Великие визири, пытавшиеся искоренить коррупцию, реформировать непокорный корпус янычар и усовершенствовать бюрократический аппарат, оказались бессильны остановить или повернуть вспять ход истории.

В конце XVI в. семена слабости, ранее упавшие в почву Османской империи и турецкого общества, дали свои горькие всходы. Государству, первоначально созданному для завоеваний, для войны, а не для мира и процветания, недоставало способности приспособиться к меняющимся условиям. Сосредоточение верховной власти в руках одного человека, султана-халифа, препятствовало эффективному контролю над косными и удаленными от имперского центра провинциями. В дальнейшем это означало, что, когда власть попадала в руки некомпетентного человека, а это бывало нередко, результат зачастую получался катастрофическим. Впоследствии обстановку серьезно осложнила неясность принципов престолонаследия, приводившая к нескончаемым интригам и междоусобицам, главными действующими лицами которых были родные братья или сыновья правителя. По приказу Сулеймана Великолепного его старший сын был задушен, чтобы расчистить путь к трону беспутному Селиму, отпрыску его любимой наложницы. Наследник Селима Мурад III (1574—1595), оставивший после себя более ста детей, занял трон после того, как умертвил пятерых своих братьев. Более гуманные методы борьбы с соперниками вошли в практику в 1603 г. Тогда султан просто замуровал своего старшего родственника мужского пола в особый павильон (кафас), окруженный высокой стеной, где тот оставался под строгим присмотром тюремщиков. Одним из таких «заточенных в клетку» был султан Мехмед V Рашад (1909—1918), у которого, как и следовало ожидать, после долгих лет, проведенных в заточении, имелись все признаки задержки умственного развития.

Что касается пестрого конгломерата народов, составлявших основную массу населения, то они не имели проч-

ных связей друг с другом и не отличались особой лояльностью к правящему слою. Среди них лишь мусульмане могли найти общие интересы на религиозной почве. По мере того как эти люди настойчиво следовали архаичным приемам и техникам земледелия и ремесел, экономика империи постепенно приходила в упадок. Район Сирии, расположенный между Алеппо и Евфратом, являвшийся в древности благодатной житницей, снабжавшей зерном и другой сельскохозяйственной продукцией целый регион и способный прокормить не одну страну, в середине XVIII в. превратился в пустыню, каковой остается и по сей день. Между Ираком османской эпохи и процветающей некогда долиной Тигра—Евфрата времен Навуходоносора и Гаруна ар-Рашида разница столь велика, что практически невозможно поверить, что это одна и та же страна. Население Сирии—Ливана—Палестины, которое в дни римского владычества достигало шести миллионов человек, к концу XVIII в. уменьшилось почти вдвое. В Египте, где чаще, нежели в других странах, свирепствовали смертоносные эпидемии, численность жителей сократилась с восьми до двух с половиной миллионов человек.

Наряду с внутренними проблемами существовали и внешние. Пока Турция дряхла и слабела, имперская Европа крепла и набирала силу. Политические амбиции тамошних правителей подталкивали их на новые территориальные завоевания, а расширение промышленного производства требовало новых рынков сбыта. Европа бросала вызов азиатской державе на всех фронтах: политическом, военном, экономическом и культурном.

В XVII в. положение Порты усугубилось выходом на историческую арену двух опасных соседей — сначала Австро-Венгрии, а затем России. Австрия и Венгрия имели давние счеты с Турцией и жаждали новых территорий,

желая потеснить Османскую империю. Россия, будучи одновременно и европейской, и азиатской державой, при Петре Великом (1689—1725) прорубила окно в Европу и пожелала занять достойное место среди европейских держав. Право на господство в Черном море стало главным пунктом русско-турецкого соперничества. Россия с ее замерзающими северными портами отчаянно добивалась выхода к теплому Средиземному морю через Черное. Борьбу против Турции Россия начала в годы правления Екатерины Великой. В 1774 г. российская императрица вынудила побежденную Турцию принять условия Кючук-Кайнарджийского мирного договора, предусматривавшего уплату большой контрибуции и предоставление русскому флоту права на навигацию в водах Турции. Прочие условия составили основу права России на защиту христиан, проживавших на территории Османской империи. Ни один турецкий правитель никогда еще не подписывал более унижительного для своей страны мирного договора. Незатухающая вражда между Россией и Турцией в XIX в. вылилась в Крымскую войну (1854—1856), спровоцированную претензиями России на обладание Святой землей в Палестине и намерениями царя Николая I завладеть Константинополем. Николай называл Турцию «большим человеком Европы» и пригласил Великобританию поучаствовать в похоронах этого обреченного и в разделе его наследства. Однако с началом Крымской войны Великобритания и Франция встали на сторону Турции, якобы для сохранения целостности последней, но в действительности для обуздания России. Обе крупные западноевропейские державы имели коммерческие интересы в этом регионе, лежащем на пути в Центральную Азию и Африку. Именно это противостояние стран Западной Европы и России позволило одряхлевшей Турции сделать попытку вернуть себе былое величие. Так называемый восточный вопрос XIX — начала XX в. по сути своей был

вопросом западным. Вовлекая европейские державы в жесткое соперничество друг с другом, он также предполагал ущемление интересов более слабых государств в пользу сильных.

Между тем стремление к реформам со стороны правителей Османской империи существенно усилилось. Отправной точкой во всех спорах были военные соображения. После Кючук-Кайнарджийского мирного договора турецким султанам стало понятно, что в науке и искусстве войны она значительно отстала от своих европейских соперников. Селимом III (1789—1807) была предпринята смелая попытка навязать дисциплину непокорным янычарам и учредить новую милицию на манер французской. Однако сделать это ему воспрепятствовали ветераны-янычары, вынудив султана отречься от трона и убив его вместе с прочими сторонниками реформ. Более радикальные меры по оздоровлению общества предпринял племянник Селима и последователь его политического курса, Махмуд II (1808—1839). В заранее условленный день он вместе со своим новым артиллерийским корпусом явился к казармам противников реформ и обстрелял их. Под обломками зданий погибло около восьми тысяч янычар. В провинциях на янычар обрушились репрессии, и многие противники реформаторского курса были уничтожены. Была создана армия нового типа. Таким образом удалось устранить непреодолимое препятствие, лежавшее на пути прогресса. Теперь Махмуд мог продолжать свою программу, которая включала в себя основательное изучение французского языка. Первоначально введенный для осуществления лишь военных реформ, этот язык впоследствии послужил своего рода ключиком к сокровищнице знаний — политических, социальных, экономических, научных и философских.

Слом языкового барьера открыл дорогу давно назревшему интеллектуальному перекрестному опылению. Правление султана-реформатора наверняка было бы более плодо-

творным, не будь оно ознаменовано Балканскими войнами, в результате которых Греция обрела независимость (1828), и египетско-сирийской войной, развязанной хедивом Египта Мухаммедом Али.

Сын Махмуда Абдул-Меджид I (1839—1861) продолжил политический курс, начатый отцом. До прихода к власти этих двух султанов судебная система Турции оставалась неизменной на протяжении нескольких веков. Вся жизнь империи определялась каноническими правом (шариатом). В 1839 г. было создано министерство юстиции, которое ограничило действие законов шариата в коммерческих сделках с немусульманами. В 1851 г. по образцу французских были учреждены коммерческие суды. Через семь лет был принят уголовный кодекс, разработанный также по французскому образцу. Однако все дела, касающиеся личных прав граждан, оставались в ведении религиозных судов вплоть до прихода к власти младотурок.

Два декрета, принятые Абдул-Меджидом и известные как «благородное предписание» и «имперский рескрипт», оказались слишком смелыми для своего времени. Эти документы гарантировали всем подданным Османской империи защиту жизни, имущества и чести независимо от вероисповедания или национальности. Все объявлялись равными перед законом. Новые законы имели целью искоренение откупа налоговых сборов, упразднение мирской власти христианских церквей и предоставление полной свободы совести. В значительной степени незрелые, несвоевременные и недоработанные, эти новые законы так и остались на бумаге.

Тем временем либеральные идеи обрели немало число приверженцев среди философов, журналистов, поэтов и прочих литераторов и мыслителей. Источником вдохновения, разумеется, была Франция. Если бы два прогрессив-

ных течения: политическое и интеллектуальное — взяли курс на объединение, они могли бы взорвать плотину консерватизма и бурным потоком смыть старый режим вместе со всеми его устаревшими институтами.

Однако этого не произошло по причине того, что на политической арене появился мудрый диктатор Абдул-Хамид.

Абдул-Хамид II (1876—1909) начал свое правление удачно. Его премьер-министром был Мидхад-паша, один из самых просвещенных и либерально мыслящих государственных деятелей Турции, какие только были в ее истории. Мидхад состоял в тайной организации младотурок, борющейся за конституционные реформы, и достойно проявил себя в роли вали в Багдаде. По его рекомендации новоиспеченный султан торжественно провозгласил конституцию (дустур), которая, признавая ислам в качестве государственной религии, предоставляла свободу совести и свободомыслие в рамках закона и гарантировала защиту представителям всех конфессий, проживавшим в империи.

За обнаружением конституции последовало учреждение представительного органа, парламента, копировавшего парламенты Франции и Бельгии. Избранные парламентарии, представляющие все провинции империи, проводили свои заседания в столице. Однако в феврале 1878 г. хитроумный правитель неожиданно распустил парламент и отправил Мидхада в ссылку на Аравийский полуостров, где тот позднее и умер.

После этого султан вернулся к прежней жизни в изоляции от окружающего мира, за надежными, зорко охраняемыми стенами своего дворца, опасаясь лишиться жизни и трона из-за мятежных болгар и армян, отчаянно рвавшихся к национальной независимости, или стать жертвой заговора со стороны либерально мыслящих соотечественников-мусульман. За нужной ему информацией он обращался к донесениям шпионов тайной полиции или газет-

ных цензоров и ради сохранения собственной жизни мог рассчитывать лишь на преданных ему людей. Были приняты репрессии против подозрительных личностей или обществ, христианских или мусульманских. Резня армян, устроенная в 1894 и 1895 гг., потрясла мировое сообщество и снискала Абдул-Хамиду титул «кровавого султана». Повсеместно изображая себя ярым поборником ислама и правоверным владыкой мусульман всего мира, он особо подчеркивал роль своего правительства, сотрясая панисламским жупелом и пугая им европейские державы, блефуя своими имперскими интересами и экспансионистскими планами относительно Индии, Египта и Северной Африки. Одновременно с этим он пытался натравить друг на друга европейские державы. Султан посчитал, что нашел себе союзника в лице кайзеровской Германии. Кайзер Вильгельм в ту пору разворачивал политику расширения жизненного пространства на Востоке и в 1898 г. нанес официальные визиты в Константинополь, Бейрут, Дамаск и Иерусалим. Его повсюду принимали с должными почестями. В результате визитов были оговорены интересные варианты сотрудничества двух государств, в том числе строительство багдадской железной дороги и отправка германских военных инструкторов в турецкую армию в рамках ее модернизации. Новая железная дорога должна была связать имперскую столицу с провинциями. Дорога Берлин—Багдад, как ее тогда называли, стала фокусной точкой восточного вопроса. Лондон и Париж увидели в этом угрозу своим интересам и рост политического влияния Германии на Ближневосточную Порту.

В конечном итоге пороховая бочка неразрешенных внутренних противоречий взорвалась. Военный переворот, подготовленный комитетом «Единение и прогресс» тайного общества младотурок, застал султана врасплох. Целью объединения заговорщиков, как это видно из его названия, были обновление Турции, объединение ее жителей и

переход на путь реформ и прогресса. Абдул-Хамид проявил готовность к сотрудничеству. Он немедленно провозгласил конституционную реформу и объявил о запрете тайной слежки за гражданами и отмене цензуры. Все политические заключенные были выпущены на свободу. Волна ликования прокатилась по всей империи. На улицах радостно обнимались христиане и мусульмане. «Свобода, равенство и братство» — эти слова звучали постоянным рефреном в речах, стихотворениях и песнях. Утопическое будущее было уже буквально за углом. Однако на пути к нему стоял хитрый султан. Обманутый коварными придворными, он был беспощадно свергнут с трона. Это произошло в апреле 1909 г. Абдул-Хамида сменил его немощный и слабоумный брат Махмуд V Рашад. Забрехала новая эра, но она была результатом усилий младотурок, обладавших в большей степени энергией и мужеством, нежели мудростью и опытом. Ключом к новой политике стал османизм. Предполагалось, что все подданные империи независимо от языка и вероисповедания могут и должны быть сплавлены воедино, объединены общим языком, преданностью правителю и защищены конституцией. Увы, младотурки плохо понимали, что для того, чтобы создать пространство для такого обновления, необходимо полностью уничтожить государственную структуру с ее политическими и правовыми институтами, а также всю ткань общества с его традициями, менталитетом и культурой.

Глава 17

КУЛЬТУРА

Как уже было сказано ранее, предками жителей Османской империи были кочевые племена, пришедшие с востока. По пути на запад, в Персии, они приняли ислам. Алфавит, который они переняли у арабов, плохо подходил

для их языка алтайского происхождения. Вместе с исламом и арабским алфавитом они переняли бесчисленные термины: религиозные, политические, юридические, научные и философские, — которые отсутствовали в их языке. Смешавшись с племенем сельджуков и вытеснив византийцев, они обрели новые источники знаний. Из них они заимствовали военные и государственные модели, которым следовали в основном в Анатолии и европейской Турции. Когда Мехмед Завоеватель в 1453 г. осадил Константинополь, он уговорил греков-ученых не покидать город и принудил остаться местных зодчих, ремесленников и ткачей, собиравшихся бежать. Византийские художественные мотивы хорошо заметны в украшениях Османского дворца и мечетей, они также отчетливо прослеживаются в орнаментах турецких тканей из шелка и хлопка. Генуэзские и венецианские купцы, привозившие византийский текстиль в Италию и далее в страны Западной Европы, постоянно закупали новые товары в Константинополе и Бурсе.

Персидское влияние заметно проявилось в турецких коврах, которые в XVI в. обрели популярность благодаря своему высокому качеству. В равной степени персидское влияние заметно и в архитектуре и искусстве. Необычайно зримо оно отразилось в миниатюрах, мозаике и прочих декоративных деталях. С особой силой проявилось влияние традиций Персии в турецкой литературе, главным образом в поэзии. Принятый далекими предками турок ислам был в значительной степени пронизан персидским мистицизмом.

Более мощным источником влияния, нежели Византия или Персия, стали арабские государства, воздействие которых осуществлялось по двум каналам: религии и языка. Рука об руку с религией шли юриспруденция, хадисы, лингвистика и сопутствующие науки. Из арабского языка, общего для многих мусульманских стран, была заимствована масса слов, которые позднее стали неотъемлемой частью

турецкого языка. Попытки Мустафы Кемаля очистить турецкий язык от таких заимствований были удачны лишь отчасти, но замена арабского алфавита на латынь увенчалась полным успехом. Арабские исторические, литературные и научные труды послужили образцами для ранних османских авторов, часть которых считала предпочтительным писать их на арабском языке. К примеру, Хаджи Калиф (ум. 1657) создал большую часть своих наиболее ценных библиографических и энциклопедических трудов на арабском. Вместе с заимствованиями и имитированием делались и переводы. В частности, переводы с персидского и арабского языков были типичны для турецкой литературной деятельности XV—XVI вв.

До этого турецкие авторы в основном зависели от иностранных образцов. В середине XVI в. начался классический период собственно турецкой литературы. Турецкий поэт, создатель любовной лирики Мухаммед Физули (ум. 1562) был одним из первых, кто писал оригинально, независимо и отличался индивидуальным стилем. Любовь, которую он воспевал, была пронизана мистическими мотивами, характерными для поздней турецкой лирики, особенно в ее фольклорной форме. Физули был предположительно курдского происхождения и писал на азербайджанском, персидском и арабском языках. Среди прозаических произведений этого исторического периода выделяется многотомный труд Эвлии Челеби (ум. 1679). В течение сорока странствий по землям империи Челеби накопил огромное количество знаний исторического и географического характера, собрал настоящее богатство фольклора, к которым добавил свой личный жизненный опыт и наблюдения. Все это он изложил в десяти томной «Книге путешествия». Хотя в этой эпопее Челеби немало преувеличений и легенд, она до сих пор не утратила своей значимости. Классический период продолжался до XIX в., когда на культуру Турции существенно повлиял

Запад. Суфийская литература была главным образом представлена произведениями авторов, относившихся к ордену бекташи. Это был самый популярный религиозный орден в стране. Бекташи практиковали тайные ритуалы и отдавали предпочтение турецкому языку, тогда как другие, не менее распространенные в империи религиозные ордена вроде мавлави (танцующие дервиши) и рифаи (воющие дервиши), предпочитали ритуалы и язык Персии. В типичном для всех суфийских орденов духе бекташи трактовали любовь как главное средство единения человека и Бога. Любовь отражает ностальгическое стремление человека вернуться к Всевышнему, поскольку как существо смертное он, однако, следует Божьему подобию. Среди ему подобных этот орден выделялся тем, что впоследствии заимствовал у христиан отдельные ритуалы, такие как признание в грехах (исповедь) и причащения хлебом, вином и сыром. До известной степени практиковалось и безбрачие. Аллах, Мухаммед и Али составляли троицу, в которой имам Али занимал то же место, что и Христос.

Согласно легенде, основатель секты, Хаджи Бекташи, живший в середине XIV в. в персидском Хорасане, был наделен магическими способностями, коими он благословлял янычар. Однако в ту эпоху янычар не существовало, а название секты в письменных источниках можно встретить лишь начиная с XVI в. Орден был тесно связан с янычарской армией и предоставлял ей военных священников, которые, как и воины, жили в казармах. Бекташи имели непосредственное отношение и к мятежам янычар. Роковой удар по корпусу янычар нанес в 1826 г. султан Махмуд. Однако орден бекташи не прекращал существования еще в течение века. Окончательно с суфийскими братствами разделался в ходе осуществления своих многочисленных реформ знаменитый Мустафа Кемаль.

До XVIII в. заимствования с Запада носили в основном материально-технический характер, обусловленный военными соображениями. Порох появился в Турции в XIV в., за ним были освоены судостроение и навигация, а также военно-инженерное дело. Принявший ислам венгр Ибрагим в 1728 г. познакомил турок с работой печатного станка. Первой отпечатанной им книгой был перевод арабского словаря. Вплоть до начала правления Махмуда II (1808—1839) в культуре Турции сохранялось влияние персидского и арабского языков. Лишь в начале XIX в. в империи начали прилежно изучать другой иностранный язык — французский. Впрочем, в начальной и средней школе по-прежнему монопольное место занимали религиозные наставления, основанные на Коране. В 1861 г. в Константинополе открылась первая школа для девочек. Через восемь лет был создан Константинопольский университет. Его первыми преподавателями стали молодые турки, получившие образование на Западе.

Одним из первых турецких студентов, обучавшихся в Париже, был Ибрагим Шинази, чьи научные интересы лежали в области лингвистики. Он опубликовал в 1859 г. небольшой томик переводов стихотворений французских поэтов. В 1860 г. он был назначен редактором первой правительственной газеты. На ее страницах публиковались его статьи на турецком языке, который хотя и был менее изящен, нежели переводы поэзии, однако более понятен широкой читательской аудитории. Дело Шинази продолжила плеяда его учеников. На турецком языке появились переводы таких французских авторов, как Мольер, Виктор Гюго, Руссо и Ламартин. Турецкие писатели в ту пору обнаружили, что их родной язык вполне пригоден для создания современных прозаических произведений и научных трудов, а их читатель может черпать мудрость из сокровищницы зарубежной философской мысли.

Все большее и большее число мыслителей и общественных деятелей начало убеждаться в том, что турецкое общество существенно отстало от жизни и нуждается в срочных реформах. Слепая вера в превосходство традиционного уклада жизни и действенность его институтов, порожденная и взлелеянная героическим прошлым, и основанная на ней национальная гордость были потрясены до самого основания. Турецкое общество пришло к пониманию того, что европейцы создали новые, динамично развивающиеся национальные государства, основанные на беспрецедентном росте промышленности и торговли, что позволило им вступить на путь воинственной политической экспансии.

Любое культурное изменение немыслимо без прочной связи с образованием. Система образования в Османской империи строилась по традиционной модели, характерной для всего мусульманского мира. Начальное обучение велось в мечетях и, как уже отмечалось, ограничивалось изучением родного языка, чтением Корана на арабском и другими религиозными учебными предметами. В более продвинутой форме оно велось обычно в домашних условиях под руководством ученых шейхов. Помимо религиозных предметов оно включало в себя лингвистику и математику. Высшей образовательной ступенью было медресе — духовная семинария, где изучались богословие, юриспруденция и хадисы. Первые османские ученые-богословы не ограничивались преподаванием в местных медресе, а курировали процесс обучения в таких известных образовательных центрах, как Мекка, Дамаск и Каир.

С самого начала османские теологи тяготели к консерватизму. Во второй половине XVI в. трое богословов, обвиненных в вольнодумстве, были подвергнуты казни. Эта чистка привела к тому, что все ростки свободомыслия были безжалостно раздавлены. Вследствие этого турецкие ме-

дресе, отрезанные от новейших достижений естественных наук и иностранных языков, превратились в застойные болота богословия. Изучение персидского языка было запрещено, поскольку он был запятнан идеями неортодоксального мистицизма. В программах не было места даже для стихотворений на турецком языке, созданных по образцу персидской поэзии. Ввоз книг из Европы был запрещен, и подобное положение сохранялось до второй четверти XVIII в. Теологическая верхушка турецкого общества была столь могущественна, что великий визирь султана Ахмеда III (ум. 1730), осмелившийся разрешить изучение персидского языка и математики в школах, был убит, а сам султан лишился трона. До этого времени мусульманам было запрещено печатать книги, тогда как представители других конфессий: греки, армяне, арабы и евреи — свободно занимались книгопечатанием. Когда новообращенный мусульманин, венгр Ибрагим, получил разрешение адаптировать станок с арабским шрифтом для нужд турок, ему было запрещено печатать религиозные труды. В 1745 г. он умер, и к этому времени на его станке было отпечатано семнадцать книг, одной из которых являлись труды Хаджи Калифа.

Суфии и другие военно-религиозные организации вели образование на свой лад. Бекташи обучали своих подопечных музыке, а мавлави делали упор на изучение персидского языка исключительно по той причине, что он содержал идеи мистицизма. Военные училища открыли свои двери французскому языку задолго до того, как это сделали медресе. Первый знаменитый военный институт был основан Мухаммедом Завоевателем и просуществовал до воцарения на троне Махмуда II. Здесь проводился жесткий курс обучения, продолжавшийся 12—14 лет. Курс этот был хорошо сбалансирован и сочетал гуманитарные науки, воинское искусство и искусство управления. Отличившиеся в учебе получали возможность продолжить

образование. Остальных переводили в янычары или на флот. Наглядным примером успехов этого учебного заведения служит тот факт, что большинство великих визирей и сановников, пекшихся о процветании империи, а также высших офицеров, защищавших и расширявших земли Порты, были его выпускниками.

Правление Абдул-Азиза (1861—1876) основательно расшатало стены, отделявшие его страну от стран Запада. Абдул-Азиз стал первым султаном, посетившим Европу. Более всего его заинтересовала выставка в Париже, но он также побывал в Вене и Лондоне (1867). Вскоре после его возвращения в Константинополе появился французский лицей, за которым последовало американское учебное заведение — Роберт-колледж, основанный в 1863 г. стараниями и щедростью американского миссионера, торговца и филантропа из Нью-Йорка, чье имя он носил. Это был первый американский колледж, созданный за границей. Хотя это образовательное учреждение имело целью обучение национальных меньшинств: греков, армян и болгар, — в последние годы оно претерпело значительные изменения в отношении характера образования и подбора преподавательских кадров. В настоящее время он следует национальной системе образования и в нем обучаются главным образом турки. Колледж широко известен своим инженерным факультетом. В 1871 г. был создан подобный американский колледж для женщин, из окон которого открывается живописный вид на Босфор и азиатский берег Стамбула.

Динамичные идеи, принесенные в XIX в. в Османскую империю обучающимися на западе студентами, а также французскими и американскими колледжами, получили широкое распространение благодаря печатному станку. Способствовали их распространению и стремление турок к лучшей доле, и опасения перед лицом европейского империализма. Особую популярность они приобрели в первом деся-

тилетии XX в. В результате в Османской империи возникло общество младотурок, бурной деятельности которого посвящена следующая глава.

Глава 18

ОТ АБСОЛЮТИЗМА К РЕСПУБЛИКЕ

Задачу, стоявшую перед молодыми правителями, которые взяли в свои руки власть над страной в 1908—1909 гг., можно было выразить простыми словами, но, как вскоре обнаружили сами реформаторы, нельзя было решить простыми способами. По сути своей она предполагала коренную перестройку устаревшего и одряхлевшего государства, его трансформацию в национальное, способное занять достойное место в динамично развивающемся современном мире. Однако христианские сообщества славян, болгар, греков, армян и даже курды-мусульмане и арабы уже взлелеяли собственное национальное сознание и не горели желанием перемен. Более того, они сочли необходимым открыто выразить свои национальные интересы. В 1909 г. демонстрации армян спровоцировали резню в Адене. Курды с оружием в руках выступили против соседей-турок. Волнения в Йемене вынудили Порту в 1912 г. гарантировать ему автономию. Через год в Париже состоялось заседание в первого конгресса арабских государств, на котором собравшиеся потребовали децентрализации арабских провинций Османской империи.

Могущественные соседи Турции не изъявляли желания сотрудничать с ней. Напротив, они были готовы воспользоваться сложившейся политической обстановкой. Еще до того как закончился 1908 г., Австро-Венгрия формально аннексировала Боснию и Герцеговину. О своей полной независимости объявила Болгария. В 1911—1912 гг. Италия

отправила войска в Северную Африку и оккупировала принадлежавшие Османской империи Триполитанию и Бенгази (нынешняя Ливия). Греция захватила Салоники. В 1912—1913 гг. на Балканах вспыхнули две войны, в ходе которых Сербия, Болгария, Черногория и Греция, ранее входившие в состав Османской империи, воевали против своего бывшего суверена. В первые четыре года правления нового политического режима Турция лишилась большей части своих европейских владений, включая мусульманскую Албанию.

В этом бурном геополитическом море государственный корабль младотурок пошел ко дну. Проводимая ими политика модернизированного и османизированного национализма под предводительством этнических турок дала результаты противоположные ожидаемым, а именно стимулировала сепаратизм локального масштаба. Тогда было решено прибегнуть к идее панисламизма. После вступления Турции в 1914 г. в Первую мировую войну номинально правивший империей султан Мехмед V воззвал к жизни призрака джихада, священной войны. Однако мусульмане Индии или Северной Африки так и не восстали с оружием в руках против своих давних угнетателей — Великобритании и Франции. Тогда отчаявшиеся теоретики и апологеты режима вытащили на свет идею пантюркизма. Однако новая формула вместо того, чтобы сплотить тюркоязычные народы, жившие в России, Персии и Центральной Азии, для поддержки их османских собратьев, лишь способствовали еще большему отчуждению нетурецкого населения Османской империи. Не оставалось ничего другого, кроме как прибегнуть к силе, и новый режим использовал ее для того, чтобы более жестоко, чем раньше, подавить оппозицию. Военное положение, ужесточение цензуры и доносительства приняли еще большие масштабы. В ответ терроризм нашел новые средства для самовыражения. Эти же самые меры пригодились,

когда 14 ноября 1914 г. правительство младотурок заняло сторону блока центральных держав в Первой мировой войне.

Теперь Турцией правил триумвират в лице министра обороны Энвера-паши, премьер-министра Талаата-паши и министра финансов Джавида-паши. Энвер был офицером, принимавшим участие в войне против Италии, которая велась на территории Ливии. Талаат-паша начал карьеру простым телеграфистом, а Джавид-паша принадлежал к тайной еврейской общине, которая исповедовала ислам. Именно эта община финансировала деятельность комитета «Единение и прогресс».

Участие Турции в Первой мировой войне значительно расширило театр военных действий к неудовольствию государств Антанты. На границах империи приходилось держать миллионы солдат, воевавших на трех фронтах: в Персии, на Балканах и в Галиции (территория современной Польши). Вскоре Турция начала военные действия против царской России на Кавказе, а также против англичан на землях Палестины за обладание Суэцким каналом. Египет являлся британским протекторатом и был оккупирован английскими войсками в 1882 г., однако по-прежнему являлся сюзереном Османской империи. Борьба за Суэцкий канал была долгой и малоэффективной. Более действенной и упорной оказалась оборона Дарданелл, через которые союзные державы (члены Антанты) стремились прорваться в Стамбул и отсюда координировать действия со своим союзником — Россией. Основные оборонительные бои велись на полуострове Галлиполи силами немецких частей и отрядов полковника Мустафы Кемаля. После долгих месяцев ожесточенных боев, сопровождавшихся большими потерями, союзные государства отказались от попыток прорваться в Черное море.

Еще один немецкий генерал руководил обороной Ирака от англо-индийских войск, действовавших с территории Индии. Наступление началось в ноябре 1914 г. и предполагало захват земель на побережье Персидского залива и защиту нефтепровода, идущего из Персии, не говоря уже о желании произвести впечатление на арабов. Осада и взятие Кут-эль-Амары (Эль-Кут) турецкими войсками под руководством немца Кольмара фон дер Гольца нанесли сокрушительный удар по планам крупных британских экспедиционных войск в Месопотамии. Впрочем, вскоре соотношения сил снова изменилось в пользу Великобритании. На сторону англичан перешло местное население: в это время уже началось арабское восстание, и арабы повсюду встречали британских солдат как освободителей. Английские войска под командованием генерала Мода начали наступление 13 декабря 1916 г. Успешно сражаясь с турецкими вооруженными силами, англичане в феврале 1917 г. вернули Эль-Кут, а 11 марта взяли Багдад. Военные действия в Месопотамии окончательно завершились лишь 14 ноября, когда британская армия, не встречая сопротивления, заняла Мосул.

Между тем внутривосточная обстановка в Османской империи ухудшалась с каждым днем. Продолжался геноцид армян, которых турки обвиняли в сотрудничестве с Россией. В 1915 г., после Ванского восстания, с территории Османской империи были высланы практически все армяне. После нескольких месяцев скитаний, лишившись почти 60 тысяч человек, они наконец нашли пристанище в Ливане. С тех пор в Бейруте существует и процветает многочисленная армянская диаспора. В 1916 г. Хусейн бен Али аль-Хашими, поддержанный англичанами, подняв знамя мятежа, провозгласил независимость Хиджаза (территории на западе Аравийского полуострова, которая счита-

ется местом, где возник ислам) и объявил себя «правителем всех арабов». Хусейн послал воинское соединение, возглавляемое его сыном Фейсалом, будущим первым королем Ирака, на соединение с англо-французскими войсками, двигавшимися через Палестину на север. Это были те самые боевые операции, в которых непосредственное участие принимал легендарный британский шпион Т.Э. Лоуренс. В 1917—1918 гг. Палестина, Ливан и Сирия навсегда отошли от Османской империи. В этих землях местное население тепло встречало солдат армий союзных держав. Четырем годам беспросветной нужды, прожитым под властью младотурецкой администрации во главе с губернатором и генералом Джамаль-пашой, наступил конец. Джамаль-паша правил арабами железной рукой. Считалось, что сирийцы настроены проарабски, ливанцы — профранцузски, а и те и другие испытывают сильную неприязнь к османам. Их лидеры были брошены в тюрьму, отправлены в ссылку или повешены на центральных площадях Дамаска и Бейрута. Джамаль-паша, не теряя времени, аннулировал автономию Ливана, признанную международным сообществом еще в 1861 г. Пытаясь захватить Суэцкий канал, он поголовно ставил под ружье местных мужчин, реквизировал их вьючных животных, а в вопросах снабжения отдавал приоритет своей армии. Поскольку флот союзных держав блокировал порты, ввоз лекарств, текстиля и прочих важных бытовых товаров прекратился. Повсеместно вспыхивали эпидемии. До войны примерно половина населения Ливана страдала от хронического голода. Его жертвами стали примерно 100 тысяч человек из 450 тысяч.

Осенью 1918 г. в арабских провинциях забрезжила заря освобождения от Османской империи и появилась надежда на неминуемый крах последней. Перемирие, подписанное 30 октября, положило конец войне, которую Турция вела четыре года, но вместе с тем стало началом новой череды войн, продолжавшихся столько же. Союз-

ные державы трактовали его условия в свою пользу, что было равносильно их нарушению. Их войска оккупировали Константинополь и его проливы. Позднее стало известно, что они заключили тайные соглашения, по которым столица бывшей империи и проливы отходили России, Смирна и другие города, населенные греками, — Греции, а юго-восточное побережье Анатолии — Италии. То, что оставалось от некогда огромной империи, собирались поделить между собой страны «большой двойки» — Великобритания и Франция. Большевицкая Россия денонсировала царский договор, но остальные страны не последовали ее примеру. Греция высадила свои войска в Смирне, а Италия — в Адалии (Анталье). В августе 1920 г. во французском Севре был подписан мирный договор с султаном Вахид ад-Дином. Согласно его условиям, Турция отказывалась от территорий вне Анатолии и передавала острова Италии и Греции. Сирия и Ливан становились подмандатными территориями Франции. Ирак и Палестина отходили Британии. Хиджаз был признан независимым государством. В результате расчленения империи во власти турок остались Стамбул, часть прилегающих к нему земель на европейском берегу и основная часть полуострова Малая Азия.

Мирный договор принес не больше мира, чем соглашение о перемирии. Постепенно нарисовалась фигура нового лидера турецкого народа. Этот человек носил имя Мустафа Кемаль (р. в 1881). Именно ему было суждено гальванизировать находившуюся на грани распада нацию. По его инициативе в Анкаре состоялось заседание национальной ассамблеи, в результате которого было сформировано новое правительство. Оно отвергло положения Севрского мирного договора и отказалось воссоздавать султанат. В 1920 г. национальная ассамблея избрала Мустафу Кемалья главой временного правительства. Через два года султанат, а затем и халифат были официально упразднены. Констан-

тинополь был переименован в Стамбул и лишился статуса столичного города. Смирна, из которой Кемаль изгнал греческие войска, стала называться Измиром. С юга страны были изгнаны итальянские войска. Земли нового турецкого государства были очищены от захватчиков, и настало время для заключения нового мирного договора, подписанного в 1923 г. в Лозанне (Швейцария). В нем провозглашалось создание новой независимой Турции в рамках ее этнических границ и заявлялось об отказе от земель бывшей империи, а также от репараций. 29 октября 1923 г. было официально заявлено о рождении Турецкой республики, первым президентом которой стал Мустафа Кемаль. Позднее он получил имя Ататюрк («отец всех турок», лидер нации). Его соратник Исмет Инёню был назначен премьер-министром.

После таких радикальных политических перемен, как ликвидация султаната и халифата и отделение государства от церкви (ислама), были развернуты мероприятия по дальнейшей секуляризации и модернизации общества, а также его переустройству по западному образцу. Была запрещена деятельность всех религиозных орденов, а также многоженство и ношение женщинами чадры. Создана новая юридическая система и приняты законы об отмене в Турции шариатского судопроизводства. Вместо турецкой фески мужчинам надлежало носить шляпы. Арабскую письменность заменили латинским алфавитом. В 1934 г. в Анкаре была принята новая конституция, гарантировавшая права и свободы всем гражданам республики независимо от пола. Вся законодательная власть была передана в руки национальной ассамблеи. С любыми вспышками сопротивления реформам новое правительство расправлялось быстро и беспощадно.

Замена арабской письменности латинским алфавитом укрепила тенденцию к упрощению турецкого языка, его очищению от арабского и персидского влияния и одно-

временно сориентировала на заимствования из западно-европейских языков. Более того, началось использование ранее неведомых богатств турецкого фольклора. Появилась новая плеяда поэтов и прозаиков. Отказ от прошлого, от старых традиций на уровне литературы был столь же решительным, что и на уровне политическом.

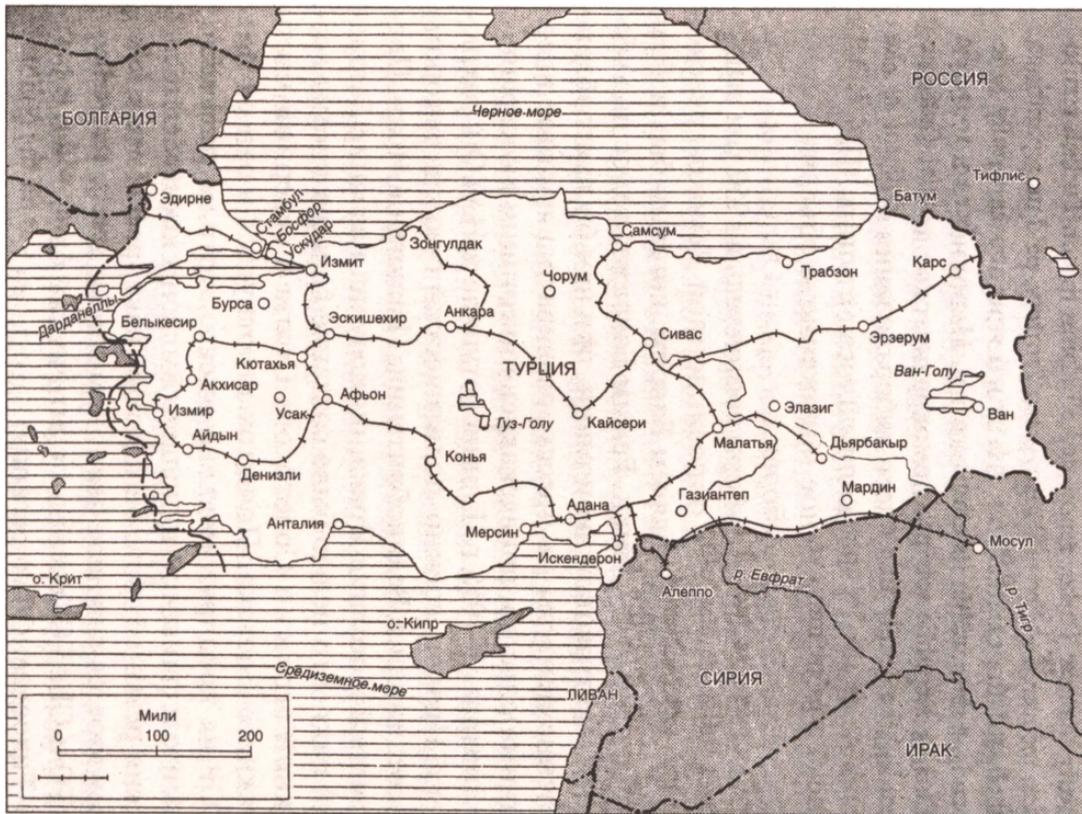
Избранный в 1923 г. первым президентом Турецкой республики Мустафа Кемаль переизбирался на этот пост трижды, и все эти президентские сроки он правил страной как жесткий диктатор. Однако он считал свое диктаторство временной необходимостью. Кемаль умер в 1938 г., и его преемником стал Исмет Инёню.

Второй президент республики продолжил курс внешней и внутренней политики, начатый его предшественником, однако проводил его с большей осторожностью и осмотрительностью. Во внутренней политике главной задачей было провозглашено строительство государственного социализма. От европейского теоретического социализма его отличали попытки развития частной инициативы и переход промышленности в руки государства. Однако разразившаяся в сентябре 1939 г. Вторая мировая война резко затруднила решение поставленных республикой задач в области как внешней, так и внутренней политики.

Хотя в годы войны противоборствующие державы всячески пытались привлечь Турцию на свою сторону, ей удалось сохранить нейтралитет. В ожидании войны Франция, сохранявшая власть над подмандатной ей Сирией, передала Турции пограничный район Александретту (современный Хатай), частично населенный турками. Великобритания не стала возражать против этого. Эти три государства подписали пакт о взаимопомощи на случай войны с третьим государством в «зоне Средиземного моря». Вступление в войну Италии в 1940 г. на стороне Германии, поражение Франции в 1941 г. и оккупация немецкими войсками Греции и Балкан представляли собой серьезную угрозу, кото-

рую Турция не могла оставить без внимания. За несколько дней до нападения Японии на Пёрл-Харбор (декабрь 1941) президент США Франклин Рузвельт объявил безопасность Турции жизненно важной для безопасности Соединенных Штатов и предложил ей помощь в рамках ленд-лиза. Однако лишь первые успехи США в боевых действиях против стран оси Рим—Берлин—Токио развеяли все сомнения относительно окончательного результата войны. Нейтралитет Турции был, несомненно, политически выгоден для западных держав. Объявление Турцией войны Германии и Японии в феврале 1945 г. было знаком того, что страна гарантировала себе место на заседании Организации Объединенных Наций, состоявшемся через два месяца в Сан-Франциско.

После Второй мировой войны Турция оказалась в удручающем состоянии. Вооруженный нейтралитет существенно подорвал экономику страны. Жизненно важный импорт практически полностью прекратился, наблюдался стремительный рост цен и обесценивание валюты, почти все товары отпускались строго по карточкам. В результате общественно-политическая обстановка чрезвычайно обострилась, что привело к введению военного положения. Между тем поляризация мира на два лагеря мировых держав: капиталистической Америки и коммунистической России — усилила геополитическую значимость Турции в глазах западных государств. Так называемая доктрина Трумэна, предполагавшая затраты в количестве многих миллионов долларов, была предложена президентом США Турции и Греции в первую очередь для сдерживания коммунизма. Турции была выделена щедрая финансовая помощь в рамках так называемого плана Маршалла. Свое название этот план получил по имени генерала и государственного деятеля, предложившего оказать экономическую помощь истерзанной войной Европе. Другие организации Соединенных Штатов выдали

Турецкая республика

Турции займы, отправили туда экономических советников для развития промышленности и торговли, а также системы коммуникаций.

Турецкая республика, до этого пребывавшая под властью одной политической партии, Народно-республиканской, теперь испытывала демократическое давление со стороны Запада, требовавшего либерализации общественной жизни. Этому давлению пришлось уступить. Президент Инёню отменил военное положение и объявил о предстоящих свободных выборах.

Первые подобные выборы состоялись в 1950 г. и сыграли огромную роль для оппозиционной Демократической партии во главе с Джелилем Баяром, который был избран президентом республики. Режим Баяра взял курс на либерализацию турецкой экономики, при нем было ослаблено давление цензуры на прессу, развивалось частное предпринимательство, привлекались инвестиции иностранного капитала. В 1955 г. Турция вступила в НАТО и заключила с Ираком военно-политический союз, к которому присоединились Великобритания, Пакистан и Иран. Подписанный в столице Ирака, он получил название Багдадский пакт. Его целью было создание барьера против возможной агрессии Советского Союза в северной части Ближнего Востока. Попыток вторгнуться в эти страны СССР не предпринимал, но вместо этого оказывал моральную и финансовую поддержку своим южным соседям. Россия резко осудила Багдадский пакт, рассматривая его как новое связующее звено в системе военных блоков НАТО и СЕАТО (военно-политический блок стран Азиатско-Тихоокеанского региона).

Однако довольно скоро страна сошла с либерального курса. Премьер-министр Аднан Мендерес приступил к осуществлению обширной строительной программы, которая

реализовывалась за счет внешних займов, что привело Турцию на грань банкротства. Цены взлетели. Раскручивалась инфляция. Ширилось общественное недовольство. Правящий режим решил раздавить оппозицию. В тюрьмы были брошены сотни прогрессивных журналистов, писателей, деятелей науки и культуры. В мае 1960 г. армия совершила государственный переворот, и демократическое правительство было свергнуто. Президентом стал бывший соратник Мустафы Кемаля генерал Гюрзель. Президент Баяр и его премьер-министр были приговорены к смертной казни за «преступления против государства». Мендерес был казнен, Баяру смертный приговор заменили пожизненным заключением. Через четыре года его выпустили на свободу.

Военный переворот стал неожиданностью для страны, жившей в условиях стабильного государственного правления по заветам Кемаля Ататюрка. Новое правительство в 1961 г. приняло новую конституцию, в которой говорилось о «социальной справедливости» как одной из главных задач государства. Приход к власти военных, однако, не предполагал никакого отклонения от политики Кемаля — территория Турции по-прежнему ограничивалась Анатолией и узкой полоской европейской земли. Никаких попыток территориальной экспансии или создания империи не последовало.

Глава 19

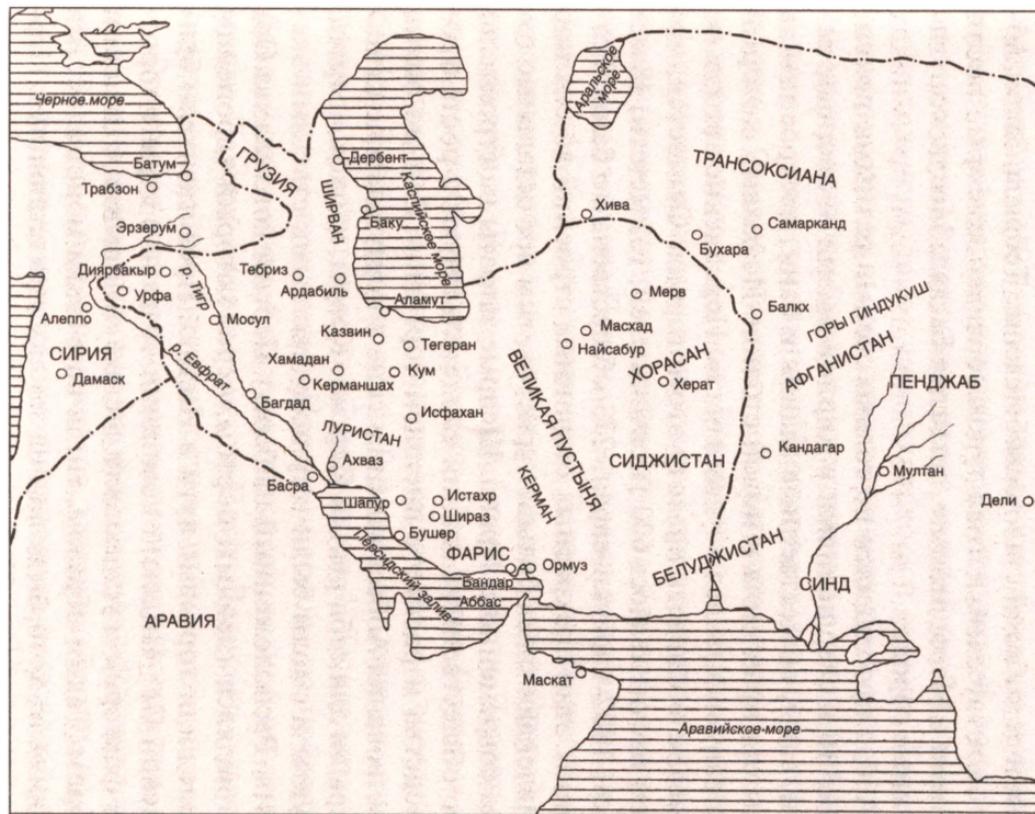
ИМПЕРСКАЯ ПЕРСИЯ

Помимо Османской Турции Персия была единственным государством, игравшим на Ближнем Востоке той эпохи имперскую роль. Особенно ярко это проявилось в годы правления династии Сефевидов (1501—1736), названной так по имени суфийского святого Сефи ад-Дина, которого считали потомком шиитского имама Али. Однако в дей-

ствительности она была основана его потомком Исмаилом I (1501—1524), который, следуя профессии деда и отца, помог воину обрести ореол святости. Это была первая национальная династия за многие века.

Ведя одну войну за другой, Исмаил присоединял к своему царству слабые государства соседей, которые росли как грибы после дождя при наследниках монгольского завоевателя Тимура (ум. 1405), а до них — при преемниках другого монгольского строителя империи — Хулагу (ум. 1265). Исмаил консолидировал свое царство, которое теперь простиралось от Окса до берегов Персидского залива и от Афганистана до Евфрата. Он провозгласил себя шахом и признал шиизм в качестве государственной религии. Правление Сефевидов, несомненно, стало новой страницей в истории Персии. Подобно тому как Сасанидам и парфянам в свое время пришлось сражаться с византийцами и римлянами за господство на Ближнем Востоке, Сефевиды были вынуждены вступить в противоборство с турками-османами. На начальном этапе верх одерживали турки. В 1514 г. Селим I одержал победу над Арменией и с триумфом вошел в столицу Исмаила Тебриз. Сын Селима Сулейман повторил военные успехи отца на персидской земле, но это привело лишь к тому, что персы еще теснее сплотились вокруг своего правителя.

Империя, основанная Исмаилом, была заново основана его пятым наследником Аббасом I (1587—1629), по праву получившим титул Великий. Аббас был не единственным достойным шахом Персии тех лет, но наиболее просвещенным и уважаемым подданными. При его правлении династия Сефевидов достигла наивысшего расцвета. Его главной опорой была армия, до сих пор состоявшая, подобно ранним армиям арабов-мусульман, из племенных войск, возглавляемых вождями племен. Армия Османской империи, оккупировавшая западную часть Персии, послужила моделью новой военной организации, в состав кото-

Империя Сефевидов в период расцвета

рой входили пехота и артиллерия, набираемая из числа новообращенных мусульман, армян и грузин, получавших за службу денежное вознаграждение. Первые ее боевые действия были направлены против оккупантов-турок, а первой ее победой стало освобождение Тебриза. Затем Аббас окончательно изгнал турок со своих земель и, следуя за ними в Месопотамию, захватил Багдад, Мосул и другие крупные города.

Аббас прославился не только своими ратными подвигами, но и свершениями в мирной жизни — дворцы, мечети, сады, общественные здания и бани, построенные в годы его правления в новой столице Исфахане, который по праву назывался «чудом света». Персидские авторы не уставали воспевать красоту этого города. Считается, что в нем насчитывалось 600 тысяч жителей, 162 мечети, 48 медресе, 1802 караван-сарая, 273 общественные бани. Развалины этих прекрасных старинных строений до сих пор привлекают сюда больше туристов, чем все остальные города современного Ирана. Щедрые затраты на строительство общественных зданий свидетельствуют о росте производства и расцвете внешней торговли. Еще до эпохи царствования Аббаса венецианские и португальские купцы открыли для себя рынки Персии. Ковры, хлопок, шерсть, фрукты и смолы были в ту пору главными статьями экспорта. Расположенный на берегу Персидского залива Ормуз являлся главным портом, через который европейцы проложили торговые пути в Индию. Представители британской Ост-Индской компании создали в стране торговые фактории и установили тесные отношения с шахским двором. Таким образом, англичане стали монополистами в торговле, которая велась на землях, прилегающих к Персидскому заливу. Именно с тех пор начало укрепляться экономическое и политическое влияние англичан в этом регионе. Французам тогда было запрещено торговать в Персии.

Наследники Аббаса оказались не слишком удачливыми правителями. В этом был виноват отчасти и он сам. Недовольный популярностью в народе своих сыновей, он приказал убить одного из них и ослепить двоих. Остальных будущих наследников шахского трона он поместил под строгий надзор воспитателей-евнухов. В подобных отношениях венценосных отцов и детей не было ничего удивительного, такое практиковалось и раньше. Так, например, один из его предшественников убил своего отца. Не менее широко было распространено и братоубийство, однако в этом отношении Персия вряд ли могла соперничать с Османской империей. Династия постепенно начала приходить в упадок. Внутренней слабостью страны воспользовались внешние враги. Турки под предводительством воинственного султана Мурада V возобновили нападения на земли Персии и на время оккупировали Тебриз, в 1638 г. аннексировали Багдад и Месопотамию, которую удерживали в своих руках до начала Второй мировой войны. Вскоре с севера безопасности Персии начала угрожать царская Россия. При Петре Великом она приступила к завоеваниям на землях южных соседей. В 1724 г. Россия заключила с Турцией соглашение о расчленении территории их общего врага. К Турции отходили западные провинции Персии и города на побережье Каспийского моря. Спасти от потери полной независимости Персии помогла смерть Петра Великого и последовавшая за этим Русско-турецкая война.

Временная внешняя безопасность сопровождалась, однако, напряженной обстановкой во внутренней жизни страны. Национальные меньшинства, главным образом афганцы и туркмены, исповедовавшие ислам суннитского толка, стремились к обретению независимости. Они начали захватывать одну провинцию Персии за другой. Оставшаяся крошечная территория сефевидского государства была разделена между многочисленными членами шахской семьи.

Страну охватила анархия. Смутные времена вызвали к жизни фигуру нового государственного деятеля, Надира-кули, полководца, вождя тюркского племени, который в 1736 г. захватил верховную власть в Персии и провозгласил себя шахом.

Надир (1688—1747) стал первым правителем династии четырех шахов, получившей название Афшаридов (1736—1796). Афшары — название племени, к которому он принадлежал. Новый шах родился в Хорасане, в шатре кочевника. За свою жизнь он успел побывать погонщиком верблюдов, главой шайки разбойников и солдатом армии Сефевидов. Став шахом, он не только восстановил Персию в прежних границах, но и присоединил к ней Афганистан и совершил поход в Индию. 8 марта 1739 г. Надир вступил в Дели. Он также совершал походы на турок и аннексировал Ирак. В 1740 г. Надир-шах отправился в Туркестан. Бухарский хан Абуль-Фейз уступил ему земли до Амударьи. После сильного сопротивления было разбито войско хивинского хана Ильберза. В 1735 г. Надир заключил мир с Россией, по которому та вывела свои войска из прикаспийских земель. В результате Дербент и Дагестан оказались во власти Ирана. Вскоре Надир-шах был признан владыкой земель от Инда до Кавказа и Месопотамии. В числе трофеев, привезенных из Индии, был и знаменитый Павлиний трон, сделанный по заказу императора Великих Моголов Шаха-Джахана (по его приказу воздвигнут знаменитый мавзолей Тадж-Махал), а также легендарный алмаз Кох-и-Нур. И трон, и алмаз в настоящее время находятся в сокровищнице британской короны в лондонском Тауэре. Увы, блестящий полководец оказался никудышным государственным деятелем. Ему не хватало ни способностей администратора, ни опыта мирной жизни. Его военные походы порядком разорили экономику страну и истощили людские ресурсы. Восполнить расходы так и не удалось. Империя начала трещать по

всем швам. Вожди иранских, афганских и туркменских племен были готовы разодрать страну на куски. В конечном итоге власть захватил Ага-Мухаммед-хан из туркменского племени каджаров. Была перевернута еще одна страница персидской истории. В следующей главе мы прочитаем о том, что в ней было начертано.

Сефевиды, как уже было сказано, возродили империю на руинах монгольских и тимуридских государств. Полученное от них наследие носило не только политический, но и культурный и художественный характер. Для архитектуры периода правления Сефевидов, как и их предшественников, было типично использование изразцов, декоративной мозаики и фаянса. Это особенно заметно в мечетях, дворцах и усыпальницах, построенных Аббасом в новом Исфахане. Аббас пошел дальше — он пригласил из Китая триста горшечников вместе с семьями, и они создали настоящие шедевры. По изысканности форм и цветовой гамме персидский фарфор XVI в. не имеет себе равных. Для текстиля и ковров той эпохи также характерно влияние китайских мастеров. Ковроткачество можно по праву назвать наиболее яркой разновидностью декоративного искусства XVI в. Небольшое домашнее производство, в ту далекую эпоху поднявшееся до уровня кооперативного, осталось таковым и в наше время. В качестве главного материала использовалась шерсть или шелк. В основе орнамента лежали изображения цветов, деревьев и животных, реальных или сказочных. Изображения людей практически отсутствуют. Центрами производства ковров и по сей день остаются такие города, как Тебриз, Кашмир, Исфахан и Керман. В годы правления Сефевидов изделия тамошних мастеров по качеству не имели себе равных.

Влияние китайских мастеров не обошло и персидскую живопись. Персидская миниатюра возникла в монгольский период и сочетала в себе персидские и месопотам-

ские мотивы. Первоначально она служила в качестве иллюстраций к эпической и лирической поэзии; однако впоследствии стала самостоятельным искусством. Миниатюры не рисовались отдельно и лишь потом вставлялись в книгу, как это принято в наши дни. Они создавались одновременно с текстом и составляли с ним единое целое. Любимой темой художников были лиственные орнаменты или сады, животные, снова реальные или вымышленные и изредка люди. Сама каллиграфия превратилась в высокое, достойное уважения искусство, главным образом благодаря своей связи с Кораном. Арабская письменность, которой были записаны персидские слова, применялась в декоративных целях. Среди всех исламских каллиграфов лучшими считались персидские. Завершалось создание книги изготовлением кожаного переплета, искусно украшенного радующим глаз рисунком. Обложка не только выполняла утилитарную функцию, но и делала книгу настоящим произведением искусства, имевшим немалую ценность. Такая книга была дорогим подарком, который передавался из поколения в поколение, что, впрочем, неудивительно, ибо книги тогда считались предметом роскоши.

Признанным мастером миниатюры был Камаледдин Бехзад. Он родился в Герате примерно в 1455 г. в эпоху правления Тимуридов и умер в 1537 г. в Тебризе, первой столице Сефевидов. Созданные им миниатюры отличали изящество, тщательная проработка деталей и реалистичность изображений. Особенно он преуспел в изображении батальных сцен. Его слава была столь велика, что шах Аббас якобы сказал, что Бехзад стоит половины его царства. В течение последующих веков имитаторы его творчества ставили на миниатюрах поддельную подпись Бехзада. К числу созданных им шедевров относятся иллюстрации к «Бустану» Саади, хранящиеся в Каирской национальной библиотеке, и «Хамсе» Низами Гянджеви

(1141—1209), знаменитому сборнику из пяти поэм, величайшему стихотворному памятнику.

Саади (1189—1292) по праву считается одним из ярчайших бриллиантов в короне классической персидской литературы. Он родился в Ширазе, путешествовал по землям Сирии, где попал в плен к крестоносцам, и оказался на сирийском побережье в Триполи, где рыл окопы для крепости. Выкупленный купцом из Алеппо, он был вынужден жениться на дочери своего благодетеля. После долгих странствий Саади вернулся в родной Шираз. Помимо поэтического трактата «Бустан» («Плодовый сад»), его перу принадлежит еще один шедевр, «Гулистан» («Розовый сад»), ставший классическим образцом персидской литературы. Прекрасный Шираз, одно из четырех мест, куда персидские географы помещали земной рай, был родиной еще одного знаменитого поэта, великого Хафиза. Хафиз воспевал радости любви, вина и женщин, красоту природы, особенно великолепной при пробуждении после зимнего сна. По мнению иранцев, Саади стоит выше всех остальных поэтов, воспевавших вино и женщин, включая Омара Хайяма. Его четверостишия-рубаи были переведены на многие языки мира, как европейские, так и азиатские. Хафиз умер в 1389 г., через два года после того, как в его родные края вторглись войска Тимура.

Поэзия в не меньшей степени, чем миниатюра, была придворным искусством. Без поддержки монарха не мог развиваться ни один талант. Монголы и Тимуриды, чувствуя себя неуютно на завоеванных землях, покровительствовали художникам и поэтам в надежде добиться взаимопонимания со своими подданными. Что касается Сефевидов, то они оказывали покровительство богословам шиитского толка. В эпоху их правления возникла плеяда интеллектуалов, состоявшая главным образом из молодых амбициозных литераторов. Падение династии Сефевидов

отчасти было вызвано нетерпимостью шиитов к суннитам. Следующий исторический период политической нестабильности в эпоху правления афганцев и туркмен не способствовал дальнейшему развитию персидской литературы. Лишь династия Каджаров в данном отношении заслуживает особого упоминания.

Глава 20

КАДЖАРСКАЯ ПЕРСИЯ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ

Тюркская династия Каджаров просуществовала долго — с 1779 по 1925 г., но достигла немногого. Начало ей положил Ага-Мухаммед-хан, увечный евнух, жестокий, алчный и мстительный тиран с патологической жадностью власти. Он захватил трон в 1779 г., вторгся в Тегеран, который сделал своей столицей, подавил волнения в Грузии и Хорасане и положил конец периоду анархии. Правителем он был неудачным, ему не хватало административного опыта. В 1797 г. он был убит собственными слугами, которых приговорил к смертной казни по обвинению в измене. Смерть Ага-хана вызвала ликование его подданных. Преемник Ага-хана, его племянник Фатх Али (1797—1834), правил страной так, как будто она была не своя, а вражеская. Новый шах предавался роскоши и наслаждениям и установил новый прецедент фаворитизма. Это было время, когда стремление Европы к политической и экономической экспансии приобрело огромные масштабы и конкурентный характер. Первое место в этом соперничестве занимала Англия еще со времен правления Аббаса, поскольку считала Персию своего рода мостом, ведущим в ее владения в Индии. Главным соперником в данном регионе была Россия, начинавшая успешное продвижение в Центральную Азию. На какое-то время конкурен-

том этих двух стран стала наполеоновская Франция. В 1808 г. Наполеон Бонапарт отправил миссию, призванную помочь Персии отвоевать у России Грузию и вторгнуться в земли Индии. Открывшуюся для влияния европейских держав дверь было уже практически невозможно закрыть.

Русско-британское соперничество сначала было отмечено подписанием договора 1814 г. между Англией и Персией, в результате чего последняя стала зависимой от Альбиона во внешней политике. За этим последовал русско-персидский договор 1828 г., согласно которому России отошли земли на Кавказе, ранее захваченные персами. Территориальные и экономические уступки, на которые затем часто шла Персия, продолжались до начала XX в.

В 1834 г. две соперничающие державы, изменив тактику, заключили новые договоры, гарантировавшие «независимость» беззащитной жертве их экспансионистских устремлений, но по-прежнему оставляли Персию заложницей геополитических игр. Империализм принял обновленную форму: контроль над природными ресурсами, торговлей и внешнеполитическими отношениями страны без изменения ее окраски на карте, независимо от того, кто номинально ею правил.

Из преемников Фатха Али лишь Насреддин-шах, его внук, проявлял интерес к благосостоянию своих подданных. Однако за долгие годы его правления влияние иностранных держав на экономику страны оставалось неизменным. Правда, взошедшему на шахский престол в возрасте шестнадцати лет Насреддину повезло. Он получил преданного помощника в лице умного и энергичного премьер-министра. Увы, даже совместными усилиями им так и не удалось осуществить реформы в экономике и армии и до конца усмирить мятежные племена. Желая приобрести необходимый опыт ради укрепления своего государства, Насреддин трижды совершил путешествия в страны Европы:

в 1873, 1878 и 1889 гг., — побывав в Лондоне, Париже, Санкт-Петербурге, Мюнхене и других крупных городах. Таким образом, он стал первым персидским шахом, ступившим на заграничную землю не в качестве изгнанника или оккупанта. Однако вместо блага его поездки приносили стране лишь зло. Дорожные расходы шаха ложились тяжелым бременем на экономику Персии. Чтобы как-то компенсировать убытки, было принято необдуманное решение предоставить иностранным капиталистам монопольное право на табачную промышленность, в том числе выращивание табака и его продажу. Табакокурение — одно из главных удовольствий персов, и монополия на табак, отданная в руки иностранцев, вызвала в стране бурю негодования. Подстрекаемый религиозными лидерами, народный гнев принял форму восстаний, и в конечном итоге непопулярная монополия была отменена. Сами по себе табачные бунты не имели особого значения для безопасности страны, однако именно тогда персы впервые в истории отказали правительству в доверии, создав, таким образом, прецедент. Через пятнадцать лет вспыхнуло второе, более масштабное народное восстание.

Страна все глубже и глубже увязала в долгах. Займы, взятые у России и Британии, не смогли оздоровить большую экономику, так же как и выданные англичанам концессии, включавшие в себя строительство линий телеграфной связи, мореходство и создание банков. Давая займы и получая концессии, Британия и Россия затягивали тиски, в которые они взяли эту восточную страну. Действия оппозиции, начатые ею в 1890 г. и направленные против иностранного влияния на страну, повторились и в декабре 1905 г. На этот раз они были вызваны недовольством народа бездарной политикой Мозафереддин-шаха (1896—1907) и его продажного премьер-министра. Вспышки народного гнева вылились в широкое революционное движение. Шах был вынужден уступить требованиям своих

подданных. Летом 1906 г. он сместил премьер-министра и согласился на созыв генеральной ассамблеи (междлиса), заседание которого состоялось в Тегеране. На нем была принята конституция либерального толка. Англичане всячески содействовали революционному движению Персии и предоставили политическое убежище нескольким тысячам революционеров, вынужденным покинуть свою страну. Россия, напротив, не поддерживала революцию.

В этот момент в переднюю дверь Ближнего Востока постучала новая энергичная европейская держава, Германия. Ее присутствие в Персии Англия и Россия восприняли как прямую угрозу своим финансовым и политическим интересам. Чтобы не допустить прихода Германии, два давних соперника подписали договор, по которому северная часть Персии становилась сферой интересов России, а южная — Великобритании. Посередине было оставлено некое подобие нейтрального пояса. В договоре было лицемерно сказано, что это делается в интересах «независимости и территориальной целостности Персии». Однако эта фраза никого не могла ввести в заблуждение относительно истинных намерений двух «политических покровителей».

Сын Мозафереддин-шаха Мухаммед Али (1907—1909) отказался придерживаться нового политического порядка и в этом своем желании нашел поддержку со стороны премьер-министра, опытного политика Мирзы Али Асгархана. Между тем к обретению новых свобод и свержению абсолютистского строя стремились персидское купечество, богословы и немногочисленные в ту пору интеллектуалы, побуждавшие народные массы к революционным действиям. Учения Джамал ад-Дина Афгани, мусульманского реформатора и идеолога панисламизма, какое-то время близкого Насреддин-шаху, а также успехи революции в Османской империи, проводимой младотурками, сыграли немалую роль в событиях, происходивших в Персии в начале XX в. Мухаммед Али был вынужден отречь-

ся от престола. Ему наследовал его двенадцатилетний сын султан Ахмад (1909—1925).

Национальная ассамблея обратила взгляды в совершенно новом для страны направлении — в сторону Соединенных Штатов Америки. В 1911 г. Государственный департамент США отправил в Персию молодого банкира Моргана Шустера, который не представлял, какие экономические, социальные и политические проблемы ожидают его там. Шустера назначили генеральным казначеем и предоставили ему свободу действий. Россия высказала возражения, выдвинула два ультиматума и поддержала их силовыми акциями — продвижением своих войск к Тебризу и обстрелом Масхада, одного из священных для мусульман-шиитов мест. В следующем году американская миссия была отозвана на родину.

К этому времени появился новый источник поступлений в казну Персии — нефть. В 1909 г., через восемь лет изыскательских работ и бурения, была обнаружена нефть в коммерческих количествах. Месторождение находилось примерно в 200 километрах к северу от побережья Персидского залива. В Лондоне была учреждена англо-персидская (позднее иранская) нефтяная компания. Впервые в истории «жидкое черное золото» было обнаружено в регионе, который позднее стали называть островом, плавающим в нефтяном море. Свою деятельность компания начала со строительства дорог и нефтепровода в Абадане. Нефтеочистительный завод в Абадане сегодня является крупнейшим в мире. Однако не успела нефть принести Персии крупные доходы, как началась Первая мировая война.

Когда в Европе летом 1914 г. разразилась Первая мировая война, Персия объявила о своем нейтралитете, который она, однако, была не в состоянии поддерживать, а воинственно настроенные части персидского общества — уважать. Вскоре столица Персии превратилась в рассадник международных интриг, которые плели их главные участ-

ники — Россия, Британия и Германия. Англия и Россия усилили давление на страну в подконтрольных им сферах влияния. Германия и Австрия прилагали все усилия, чтобы использовать Персию в качестве тарана в борьбе со своими восточными соседями. Вдохновленные победой в Дарданеллах, турки перешли границу и снова атаковали земли своего восточного соседа. Разгром англо-арабского экспедиционного корпуса в 1916 г. под Кут-эль-Амарой позволил им отправить больше войск на персидский фронт и даже захватить Тегеран. Однако в 1917 г. ход истории повернулся в обратную сторону. Потеря Турцией Ирака и крах царской России дали Персии передышку. На Парижской мирной конференции, состоявшейся в 1919 г., делегация Персии потребовала возвращения ей земель на Кавказе и побережья Каспийского моря, ранее аннексированных Россией. В число прочих требований входили: аннулирование англо-российского договора 1907 г., отмена долгов и прежних соглашений с Россией и Англией, выплата репараций за причиненный в ходе войны ущерб. Англичане, в свою очередь, предложили двухсторонний договор, в котором на словах признавались независимость и территориальная целостность страны, но на деле Персия низводилась до статуса протектората. Безответственный и некомпетентный шах, поддерживаемый слабым и продажным кабинетом, подписал этот договор. Однако национальная ассамблея, поддерживаемая американскими дипломатами, твердо стояла на своем и отказалась его ратифицировать. Через год Персия была признана независимым государством, полноправным членом Лиги Наций.

Первая мировая война стала роковой для династии Каджаров. В феврале 1921 г. организованный генералом и премьер-министром Резой Пехлеви заговор против шахиншаха Мухаммеда привел к свержению последнего. Опасаясь за свою жизнь, Мухаммед-шах Каджар бежал в Европу. В 1925 г. новым шахом стал Реза Пехлеви, по-

ложивший конец целой эпохе правления династии Каджаров. Он сделал важные шаги к достижению страной независимости и провел ряд реформ. Основанная Резой Пехлеви династия назвалась Пехлеви (от парфянского «храбрый, благородный»), как бы подчеркивая свое древнее иранское происхождение. Новая эра стала болезненным периодом реформ и модернизации. Семена неудовлетворенности традиционализмом в религии и неприятия абсолютистского правления, тесно связанные друг с другом, упали в почву еще в годы правления Каджаров. Урожай вызрел в середине XIX столетия. В мае 1844 г. богослов из Шираза Али Мухаммед объявил себя Бабом (дверью), вратами в эзотерическое знание Божественной истины и провозгласил скорое появление посланника Бога, «ожидаемого всеми народами мира». Называя себя носителем Божественного откровения, он утверждал, будто его главная цель — подготовить человечество к новому богоявлению. При этом Баб придерживался старой методики аллегорического толкования священных книг. У нового пророка имелось свое собственное священное писание. Он учил равенству мужчин и женщин, призывал к запрету обязательного ритуала омовения и сокращению продолжительности поста в месяц Рамадан. Начавшись как духовно-мистическое движение, бабизм, как это часто происходит в таких случаях, не только стал формой выражения протеста для религиозных инакомыслящих, но и объединил тех, кто был недоволен политико-экономической и общественной жизнью страны. Это движение вылилось в религиозно-политические беспорядки, которые правительство было вынуждено подавлять при помощи армии. Сам Баб был застрелен по приказу властей в 1850 г. Попытка покушения на жизнь Насреддин-шаха привела к изгнанию из страны лидеров бабизма.

Хотя было официально объявлено о ликвидации бабизма, он дал жизнь другому религиозному течению — баха-

изму. Мирза Хусейн Али, известный под именем Бахуллы (великолепие Бога), объявил себя очередным воплощением Божества, предсказанным Бабом. Находясь в изгнании в палестинской Акре, куда он перебрался в 1868 г., Бахуллы создал новое учение, провозглашавшее единство Бога, религии и человечества. Сочетая в себе элементы христианства и ислама шиитского толка, оно отвергало войну и призывало к любви, воспевая всеобщее братство людей. В 1892 г. это учение развил и продолжил сын Бахуллы Аббас-эфенди, взявший имя Абдул-Баха (слуга Баха). В Америке бахаизм начал распространяться после чикагской ярмарки 1893 г. и проник в Германию. Успех учения за пределами Персии побудил его нового духовного лидера сделать бахаизм новой религией. Центры бахаизма в США существуют в Уилметте (штат Иллинойс) и в Нью-Йорке.

Более прагматичный характер имело реформистское движение, которое возглавил Джамал ад-Дин Афгани (1838—1896). В своих взглядах Джамал ад-Дин сочетал идеи панисламизма и религиозного реформаторства. Двумя главными пунктами предлагаемых им реформ были принятие достижений западной науки и техники и союз исламских государств, то есть создание нового халифата. По его мнению, это были именно те средства, благодаря которым можно было оживить ислам и гарантировать организованное противодействие европейской экспансии. Из всех исламских реформаторов XIX в. Джамал ад-Дин Афгани был, пожалуй, самым действенным и влиятельным. Куда бы он ни приезжал — в Афганистан, Индию, Египет или Турцию — его обаяние, красноречие и талант публициста находили ему преданных последователей. Особое место среди них занимал муфтий из Египта Мухаммед Абул. Влияние, которое оказал персидский религиозный реформатор на либеральные движения стран Ближнего Востока, по-прежнему ощутимо в этом регионе. В его родной стране Джамал ад-Дин Афгани и его воззрения послужили пробуждению

общественного мнения против засилья иностранных держав и способствовали принятию конституции.

Говоря о силах, проложивших путь реформам XX в. в годы правления династии Пехлеви, нельзя обойти вниманием миссионерскую деятельность европейских католиков и протестантов. Еще в годы правления Аббаса в Персии начала действовать миссия католического кармелитского ордена, основанная в 1604 г. Позднее появились миссии капуцинов и иезуитов. Их деятельность была направлена главным образом на немусульман: армян и сирийцев, — но, как и в подобных случаях, христиане несли западное учение их соседям. Помимо школ миссионеры строили больницы, детские приюты и прочие благотворительные учреждения, в деятельности которых более широко могли участвовать мусульмане. В Персии и Ираке христиане создали две униатские общины: армянскую католическую (отколовшуюся от григорианской) и халдейскую (отделившуюся от восточносирийской, или несторианской, церкви). Обе они по-прежнему процветают на Ближнем Востоке.

Протестанты пришли в Персию позднее. В 1811 г. из Индии в Шираз прибыл Генри Мартин, служивший капелланом Ост-Индской компании. Его деятельность главным образом была сосредоточена на переводе Нового Завета на местные языки. В 1866 г. в Исфахане было создано Церковное миссионерское общество, занимавшееся вопросами образования и здравоохранения. Один из его сотрудников перевел на персидский язык Ветхий Завет.

Первые американские миссионеры прибыли на землю Персии в 1834 г., когда Американский совет зарубежных миссий (конгрегационный) отправил туда своих представителей. В Урмии, районе обитания сирийских христиан, была учреждена миссия, где американцы построили школу и больницу. Преобразованная позднее в пресвитерианскую церковь, она распространила свою деятельность на такие города, как Тебриз, Тегеран, Хамадан, Мешхед и др.

Сегодня она носит название Эльбурс-колледж и находится в ведении иранского министерства образования.

Путь просвещения, проторенный западными преподавателями, не был дорогой с односторонним движением. В 1810 г. правительство отправило первых студентов в Англию изучать медицину. Другие молодые люди были посланы в Европу (или поехали туда самостоятельно), чтобы подготовиться к государственной службе или обрести те или иные профессиональные навыки. Сегодня тысячи иранских студентов учатся в университетах Соединенных Штатов, Германии и других западных государств.

Когда Реза-шах (1925—1941) приступил к осуществлению реформ, внутривластный климат в стране не слишком благоприятствовал его начинаниям. К тому времени уже сложилась модель правления, осуществляемая в Турции Мустафой Кемалем, которым шах восхищался и поэтому неоднократно посещал Анкару. Убежденный в том, что западные институты власти не слишком удачно сочетаются со средневековой восточной политикой, экономикой и общественным укладом, Реза прибег к радикальным диктаторским мерам. Лишь в одной сфере, религиозной, он не стал следовать примеру Кемалья Ататюрка. Сохранив старую конституцию, шах низвел национальную ассамблею до уровня государственного органа, покорно ратифицирующего его указы. Введенные им законы были нацелены на эмансипацию женщин и уравнивание их в правах с мужчинами. Были упразднены титулы, сделана попытка заменить отдельных сановников из знатных семей менее коррумпированными чиновниками. В 1935 г. шах вернул своей стране древнее название — Иран. В том же году в Тегеране был основан университет, в состав которого вошли юридический, литературный, богословский и медицинский факультеты. Позднее были организованы инженерный и сельскохозяйственный факультеты. Тогда же была учреждена со-

временная система начального и среднего образования, дававшая базовые знания для последующего поступления в высшие учебные заведения. В годы шахского правления была реформирована армия, началось дорожное строительство, в том числе построена железная дорога, связавшая побережье Каспия с побережьем Персидского залива. Ее прокладка заняла двенадцать лет. Для покрытия стремительно возраставших расходов была расширена государственная монополия на большую часть отраслей производства. Финансовая миссия, возглавляемая Артуром Миллспо, прибывшая в Иран еще в 1922 г. и остававшаяся там до 1927 г., получала полную поддержку шаха.

Шах проводил в равной степени взвешенную и разумную внешнюю политику. В начале своего правления он отменил доставшиеся ему еще от предыдущего века уступки. Позднее он увеличил англо-иранскую нефтяную концессию и пересмотрел размер лицензионного платежа в пользу государства. В 1937 г. Реза-шах подписал пакт о ненападении со своими соседями: Турцией, Ираком и Афганистаном, — признававший государственные границы и обязывавший подписавшие его стороны воздерживаться от вмешательства во внутренние дела друг друга.

Реформы шаха не были столь же радикальными или действенными, как реформы Кемаля в Турции. Его подданные были менее уступчивыми, чем турки, которые столетиями испытывали на себе влияние Европы. Иран находился слишком близко к Неджефу и Кербеле, двум твердыням шиизма. После разгрома бабизма и бахаизма духовенство Ирана, лишившись соперников, праздновало победу. Сельское население страны не хотело никаких перемен в жизни, а правительство не обладало ни волей, ни силой для навязывания реформ. Начало Второй мировой войны породило новые факторы и более насущные международные проблемы, к которым ни правительство Ирана, ни его население не были готовы.

Шах безуспешно попытался удержать страну от участия в войне. Летом 1941 г. советские войска оккупировали север Ирана, а английские — юг. Шах и генералитет Ирана, первоначально впечатленные военными успехами Гитлера и Муссолини и разгромом Франции в 1940 г., склонялись к союзу со странами оси. Однако под нажимом Англии и США и ради спасения трона для своего двадцатилетнего сына шах в сентябре 1941 г. отрекся от престола. Его более демократичный наследник, Мохаммед Реза, выбрал другой политический курс. Он вступил в союзнические отношения с двумя оккупационными державами, гарантировавшие его стране независимость, территориальную целостность и вывод их войск после окончания войны. Затем иранское правительство объявило войну Германии. Ситуация осложнилась в 1943 г., когда в Тегеране состоялась конференция, организованная Рузвельтом, Сталиным и Черчиллем. В награду Ирану была обещана материальная помощь в военный и послевоенный период.

Однако проблемы Ирана носили столь глубокий характер, что обещанная помощь, особенно американская, не могла полностью их решить. Транспортная система обслуживала в первую очередь нужды военных. Прекращение импорта ряда жизненно важных товаров потребления вызвало острую их нехватку. В стране расцвел черный рынок. Цены подскочили в десять раз по сравнению с довоенными. Вдохновляемая советской пропагандой левая партия Ирана воспользовалась сложившейся обстановкой и развернула антиправительственную пропаганду. Так же повели себя и определенные круги духовенства, уязвленные англо-русской оккупацией и желавшие восстановить свой былой престиж. В Тегеране и ряде других городов прошли массовые волнения. В Иран снова пригласили американца Миллспо и пообещали ему широкие полномочия в реорганизации финансовой системы страны. Ощутимым результатом его двухлетней работы (1943—1945) стало принятие

прогрессивного подоходного налога. Еще одна американская миссия под руководством Нормана Шварцкопфа была отправлена в Иран в 1943 г. для помощи в создании полиции.

С окончанием войны напряженная обстановка в Иране ослабла, и страна смогла воспользоваться дарами Запада. После ухода союзных войск в Иране осталась улучшенная система коммуникаций, не говоря уже о походных электростанциях и прочих военные сооружениях. В 1949 г. шах развернул программу по распределению и продаже по умеренным ценам земель, унаследованных им от отца. В том же году он нанес официальный визит в Вашингтон. Эта поездка позволила заручиться технической помощью, обеспечить поставки военного снаряжения и займы для покупки товаров в Соединенных Штатах, а вот инвестиций американского капитала в промышленность страны она не принесла. Экономическая самодостаточность страны по-прежнему оставалась нереализованной целью.

Вместо того чтобы улучшить экономическую ситуацию, национализация нефтяной промышленности, состоявшаяся в 1951 г., лишь ухудшила ее. Национализация была проведена по инициативе премьер-министра Мохаммада Мосаддыка. Мосаддык имел широкую поддержку со стороны антиевропейски настроенных националистов, недовольных тем, что британская нефтяная компания не допускает иранцев на высокие технические и командные посты и выплачивает за нефть слишком низкие роялти. Нефть была главным источником доходов страны, занимавшей четвертое место в мире по залежам этого ценного вида полезных ископаемых. Попытки англичан найти компромисс с правительством или разрешить возникшие проблемы при помощи арбитража завершились неудачей. Прекращение нефтедобычи оставило без работы 50 тысяч человек. Как и предполагалось, в стране начались массовые беспорядки; было продлено военное положение. Мосаддык решил вос-

пользоваться сложившимся положением, свергнуть шаха и взять власть в свои руки. Частично этих целей он добился — шах и его супруга из страны бежали сначала в Багдад, а затем в Рим. Это произошло в августе 1953 г. Однако попытка государственного переворота в целом оказалась неудачной и закончилась арестом Мосаддыка (при активном содействии ЦРУ) и восстановлением власти шаха. (После свержения Мохаммед Мосаддык (1882—1967) был сослан в имение Ахмедабад под Тегераном, где долгое время находился под надзором властей. — *Пер.*)

Революционный дух, проявившийся в XIX в. в религиозных движениях, а в начале XX — в национализме и конституционализме, позднее возвестил о себе в литературе и искусстве. Поэзия, проза и изобразительное искусство начали освобождаться из плена классических традиций. Народные певцы больше не воспевали шаха и знать, а художники и зодчие перестали искать высочайшего покровительства при дворе. Новая поэзия ярко выразила себя в творчестве национального поэта Аболькасема Арефа Казвини (1882—1934), автора народных баллад, чрезвычайно популярных в Иране при его жизни. Писатели и журналисты теперь больше адресовали свое творчество простому человеку и были вынуждены по этой причине менять и упрощать стиль письменной речи. Следуя примеру Мустафы Кемаля, Реза-шах поручил Иранской академии очистить язык от арабских заимствований, однако исследование показало, что такая чистка может затронуть ровно половину словаря. Прозаики нашли новые темы для повествования, такие, например, как женская эмансипация. Под воздействием западноевропейских традиций жанр короткого рассказа возродился в стране, давшей миру знаменитую книгу «Тысяча и одна ночь». Первый сборник таких рассказов был опубликован в 1922 г. Через три года из-под пера Мусы Хамадани вышел первый исторический роман. Вскоре появились и

первые иранские комедии, написанные по европейским образцам.

Под влиянием Европы начали развиваться новое иранское изобразительное искусство и скульптура. Были учреждены академии изобразительного искусства. Если современный Запад стимулировал развитие иранского искусства, то прошлое страны пробуждало к жизни воспоминания о ее былом величии. В академии музыки были выполнены полифонические переложения народных мелодий, что сделало их доступными для более поздних поколений.

Таким образом, Иран вышел на магистральный путь прогресса, в котором его опередила Турция, но сильно отстали арабские государства.

Глава 21

ОСМАНСКОЕ ПРОШЛОЕ АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ. ЕГИПЕТ

Из всего обширного арабского мира, простирающегося от западного побережья Марокко до восточных границ Ирака, объектами нашего рассмотрения станут лишь Египет, страны Аравийского полуострова и Арабского полумесяца (Сирия и Ливан). Географически лежащий в Африке Египет тем не менее исторически принадлежит к Ближнему Востоку и связан с ним общей культурой.

В результате разгрома султаном Селимом I династии мамлюков (1516—1517) Египет вошел в состав Османской империи, что, однако, не принесло радикальных изменений в его жизнь. Страной теперь правил турецкий вице-король, носивший титул паши, под командованием которого находился корпус янычар. Как правило, паша почти не знал языка и обычаев своих подданных и не проявлял к ним особого интереса. Срок правления паши обычно длился недолго — к 1800 г. сменилось не менее ста турец-

ких правителей Египта, — и главной его задачей было как можно скорее возместить те деньги, которые он заплатил в Стамбуле за свой высокий пост. Паше подчинялись местные мамлюкские наместники-беи, составлявшие особую касту, ряды которой пополняли те, кто прибывал с невольничьего рынка, где торговали невольниками-европейцами. Каждый бей имел свою собственную армию и рабов, однако признавал власть сюзерена и ежегодно выплачивал ему дань. Хотя беи часто интриговали и вели друг против друга войны, они имели явные преимущества перед пашой. Нередко наиболее сильные из беев низводили пашу до уровня пассивного созерцателя и послушной марионетки и отказывались платить налоги Стамбулу.

Одним из таких мамлюков был Али-бей, двадцать лет занимавший главное место в истории Египта. Считается, что он родился в 1728 г. в Абхазии, в семье христианского священника. В юности он попал в руки разбойников и позднее был подарен предводителю египетских янычар Ибрагиму. Благодаря личной храбрости раб позднее занял место своего хозяина. Став преемником Ибрагима — новым беем мамлюков, — он был признан равным среди египетской знати. В 1769 г. он изгнал из страны пашу и объявил себя независимым от Порты султаном Египта. Обстоятельства ему благоприятствовали, так как Порта, вступив в войну с Россией, была вынуждена отложить борьбу против мятежного бея. Намереваясь восстановить господство египетских султанов, Али-бей в 1771 г. предпринял военную кампанию против Хиджаза и Сирии. Египетская армия под предводительством его зятя, в прошлом принадлежавшего ему невольника, оккупировала Мекку, захватила Дамаск и завоевала почти всю Сирию. Увы, на самом пике своего могущества Али-бей был предан собственным полководцем и зятем, который предпринял попытку свергнуть его с трона. В апреле 1773 г. произошло сражение при Салагии, в результате которого Али-бей был взят в плен и умер

через несколько дней от ран или от яда. Яркая судьба Али-бея и достигнутые им успехи позволяют нам понять, насколько хрупкой и уязвимой была власть Османской империи в отдаленных арабских провинциях. Другие мамлюки были в равной степени алчными. И турецких наместников, и местных беев абсолютно не интересовала жизнь египтян. Бремя нищеты простого народа становилось все тяжелее и тяжелее.

Наполеон Бонапарт, по всей видимости, хорошо почувствовал политическую обстановку, когда через двадцать лет после смерти Али-бея без всякого предупреждения вторгся в Египет. Высадившись в Александрии, он заявил, что прибыл освободить Египет от владычества мамлюков. Однако его настоящей целью было перерезать жизненно важную артерию, связывавшую Англию с ее владениями на Востоке. Кроме того, Наполеон вынашивал план возвращения во Францию через Стамбул и Балканы. В любом случае он мечтал завладеть Ближним Востоком, надеясь таким образом добиться господства над остальным миром. После захвата Александрии и битвы у пирамид близ Каира Бонапарт потребовал у шейха аль-Азхара клятву, в которой тот безоговорочно признал бы подчинение французскому владычеству. Шейх, в свою очередь, попросил Наполеона принять ислам, на что захватчик выдвинул два возражения: он не был обрезан и имел пристрастие к вину. После Египта Наполеон двинулся в Палестину, однако под Акрой он потерпел нечто вроде первого Ватерлоо в сражении с местным правителем аль-Джаззаром. В это же время англичане нанесли удар по французской флотилии при Абукире в Египте и перерезали линии снабжения наполеоновских войск. Бонапарт был вынужден вернуться во Францию, оставив в Египте войска, которые пробыли там до 1801 г.

Так закончилась вторая после похода крестоносцев попытка французов подчинить себе Ближний Восток. Значение египетского похода наполеоновской армии блекнет по сравнению с политической и интеллектуальной реакцией на приход в Египет европейцев. 1798 г. считается решающим. Именно в это время началось соперничество европейских держав за господство и влияние в арабском мире и слом барьеров под натиском экспансии западной культуры. Наполеоновское вторжение наложило неизгладимый отпечаток на жизнь Египта на последующие две сотни лет.

В османской армии, так напугавшей войска Наполеона Бонапарта на берегах Нила, служил воин Мухаммед Али, албанец по происхождению, которому было суждено играть ключевую роль на египетской сцене на протяжении полувека. Через четыре года после изгнания французов молодого честолюбивого офицера назначили пашой и хедивом (наместником, вице-королем) Египта. Новый паша сумел добиться относительной независимости страны. Подчинение Стамбулу в основном выражалось в выплате обычных налогов. В 1941 г. должности паши и хедива были сделаны наследными в династии Алидов, последний представитель которой, король Фарук, был смещен с престола в 1953 г.

Нововведения, ряд которых, несомненно, носил характер реформ, принятые пашой Мухаммедом Али в годы его долгого правления, позволяют назвать его выдающимся государственным деятелем, с которым не мог сравниться никто из его современников-мусульман. Он по праву заслужил почетное звание отца современного Египта. В 1811 г. новый паша пришел к заключению, что его власти угрожает присутствие на земле Египта мамлюков. Тогда он пригласил вождей мамлюков на пир к себе в крепость, построенную еще Саладином, и коварно умертвил их одного за другим. Лишь несколькими из них удалось бежать и скрыть-

ся в землях Верхнего Египта. Так почти шестисотлетнему периоду господства мамлюков был положен конец.

Теперь власти Мухаммеда Али ничто не угрожало. Прибирая к рукам земли и имущество с незаконными правами, он постепенно сделался владельцем всей страны. Присвоив монополию на экспорт зерна, сахара и прочего, он стал единоличным производителем этих товаров. Не останавливаясь на этом, Мухаммед Али улучшал методы ведения сельского хозяйства и изготовления промышленной продукции, строил текстильные фабрики, сахарочистительные заводы, ирригационные сооружения, внедрил новые сельскохозяйственные культуры, такие как рис, конопля и хлопок. Хлопок и по сей день остается для Египта главным источником национального дохода. Сам оставаясь неграмотным, повелитель Египта учредил министерство образования, основал первые в арабских странах инженерное и медицинское училища и первым среди мусульманских монархов начал выпускать газету. Это издание, первый номер которого вышел в 1822 г., получило название «Булак» и известно во всем читающем арабском мире. Медицинское училище (Каср аль-Айни), в которое он сначала пригласил лишь одного французского врача, сегодня является крупнейшим медицинским центром на всем Ближнем Востоке. Феноменальные успехи французской армии открыли глаза египтянам на несомненное превосходство Запада в военном деле. В Египет стали приглашать профессоров из европейских стран, а египетских студентов — отправлять в университеты Франции, Италии и Австрии. С 1813 по 1848 г. за границу за государственный счет было послано 311 студентов.

Не обошли вниманием и обороноспособность страны. Был построен мощный военный флот, а армия модернизирована при помощи французских военных советников. В 1811 г. по просьбе Блистательной Порты египетские войска начали войну против аравийских ваххабитов. Се-

милетняя война началась с захвата Мекки и Медины и закончилась оккупацией Хиджаза и Неджда на побережье Персидского залива. Египетская армия оставалась здесь до 1840 г. Вторым серьезным испытанием для армии Мухаммеда Али была война в Судане (1820—1822) — стране, где берет свое начало Нил и которая исстари славилась золотом и рабами. Нубия и другие части Судана были оккупированы и оставались частично под контролем Египта до середины XX в.

Более серьезный характер имели морские и наземные войны против Греции (1825—1828), в очередной раз принятые по инициативе суверена Мухаммеда Али, султана Махмуда II. Они велись под предводительством сына вице-короля Египта Ибрагима-паши, победителя аравийских ваххабитов и будущего покорителя Сирии. Однако в 1827 г. объединенный турецко-египетский флот потерпел поражение в сражении под Наварином, где он был уничтожен англо-русско-французским флотом. Война закончилась освобождением Греции.

За участие Египта в войнах с Грецией Мухаммед Али потребовал от Порты Сирию, но, когда в 1831 г. ему было в этом отказано, он приказал своему сыну Ибрагиму завоевать сирийские земли. Еще до окончания 1832 г. Ибрагим захватил Сирию и, двинувшись в сторону Турции, остановился всего в 250 километрах от Стамбула. Его войска были готовы разгромить Османскую империю. Однако такой ход событий не устраивал Британию и Францию. Они предпочитали иметь с одряхлевшей Портой, где они могли получить сферы влияния, а не с молодой энергичной державой. Интервенция европейских держав лишила Египет плодов его победы. С земель Турции армии Ибрагима пришлось уйти, однако Сирия, где он нашел себе могущественного союзника в лице властителя Ливана Башира аль-Шихаби II, оставалась провинцией Египта до 1840 г. Мечтам о создании арабской империи, первой в

период новейшей истории, не было суждено сбыться. Сознание нации еще не созрело для этого.

Эту мечту лелеяли и отец и сын. Оба мечтали о создании нового Египта. Увы, сын ушел из жизни в 1847 г., за два года до смерти отца, и трон верховного правителя Египта наследовал внук Мухаммеда Али Аббас I (1849—1858). Однако вместо того, чтобы продолжить дело отца и деда, он, образно выражаясь, повернул стрелки часов истории в обратном направлении. Он закрыл созданные по западному образцу школы, препятствовал проникновению в страну новых идей, упразднил торговые монополии и наполовину сократил численность армии. В этих устремлениях его активно поддерживали реакционные круги египетского духовенства. Преемник Аббаса Саид (1854—1863) попытался толкнуть маятник обратно в направлении прогресса. Саид-паша даровал своим подданным право владеть землей и свободно продавать свои земельные владения. Он также выдал концессии на строительство телеграфных линий, привлекал в экономику Египта иностранные инвестиции. Главным его достижением стало предоставление французскому инженеру Фердинанду де Лессепсу концессии на строительство Суэцкого канала. Срок ее действия составлял 99 лет после открытия канала. Роялти включали в себя привилегированные акции, приносившие 15 процентов чистого дохода. Египет обязался выделить для строительства четыре пятых требуемой рабочей силы, что и было сделано в форме принудительного набора. Имя Саида-паши было увековечено в Порт-Саиде на северном входе в канал.

Суэцкий канал был открыт в 1869 г. в период правления Исмаила-паши (1863—1879), сына Ибрагима. Канал длиной 163 километра, соединивший Средиземное и Красное моря, стал на тот момент беспрецедентным гидротехническим сооружением, как по своему масштабу, так и по значимости. Он позволил существенно сократить расстояние

между Западом и Ближним Востоком. Торжественное открытие канала, пожалуй, самое выдающееся событие тех лет, было отмечено крайней помпезностью и обошлось египетской казне в 28 миллионов золотых франков. На открытии Суэцкого канала присутствовали императрица Франции Евгения (супруга Наполеона III), император Австро-Венгрии Франц-Иосиф I с министром-президентом венгерского правительства Андраши, голландский принц с принцессой, прусский кронпринц. В недавно отстроенном каирском оперном театре с концертом выступил прославленный итальянский композитор Джузеппе Верди. Через два года состоялась премьера созданной им оперы «Аида».

Открытие Суэцкого канала воплотило в жизнь мечту, которую в прошлом вынашивали фараоны, Ахемениды, Птолемеи и халифы. Канал открыл новую главу в экономической истории Ближнего Востока, вернул Египет в общее русло мировой торговли и международной политики, ускорил и облегчил сообщение между разными частями света.

Исмаил-паша, получивший образование во Франции, имел полное право утверждать, что его страна стала неотъемлемой частью Европы. Он широко открыл дверь притоку западных идей, увеличил сеть железных дорог и телеграфных линий, построил новые общеобразовательные школы и учредил смешанные суды. Эти суды установили единообразие закона и служили образцами для местных судов. В годы его правления Рифаа ат-Тахтави (ум. 1873), один из первых египетских ученых, побывавших во Франции, сделал переводы европейских сводов законов и медицинских книг.

Щедрость Исмаила-паши не знала границ. Распространялась она на алидских князей, пашей и сановников, главным образом неегипетского происхождения, которые заняли место мамлюков и нещадно эксплуатировали страну

в своих интересах. Впрочем, Стамбул также не был обойден щедростью паши. К султану стекались возросшие суммы налоговых поступлений, за что сам Исмаил-паша был вознагражден титулом хедива (от персидского «повелитель») и правом первородства. По сути это было признание полного суверенитета. Третий преемник Исмаила, Хусейн Камиль (1914—1917), получил от британцев титул султана.

Экстравагантность хедива и стоимость проектов, осуществленных в годы его правления, легли на экономику страны непомерным бременем. Общий государственный долг составил чудовищную сумму в сто миллионов британских гиней. Это дало английским и французским кредиторам шанс установить двойной контроль над финансами Египта. Британское правительство, выкупив принадлежавшие Исмаилу акции Суэцкого канала, стало его крупнейшим одиночным акционером.

Когда европейское вмешательство в дела Египта стало очевидным для всех, в среде местных богословов, военных и крестьян возросло недовольство. Изнемогая под тяжким бременем налогов, страдая от системы принудительных работ, в рамках которой правительство заставляло всех дееспособных мужчин трудиться за символическую плату или вообще бесплатно (так делалось еще в эпоху фараонов), крестьяне имели все поводы для недовольства тогдашней властью. Выразителем чаяний недовольных политикой правительства стал молодой полковник египетской армии, сын мелкого землевладельца Ахмед Ораби (Ураби), позднее ставший пашой. В стране начались волнения с требованиями покончить с засильем иностранцев. Самые внушительные беспорядки состоялись в многонациональной Александрии и закончились жертвами — в них погибло 57 европейцев и 140 египтян. В ответ на это в июле 1882 г. англичане обстреляли город из пушек, высадили в Порт-Саиде войска и оккупировали Суэцкий канал. Франция демонстративно отмежевалась от происходящего. Летом

1882 г. вспыхнула англо-египетская война. Командующим египетской армией стал Ораби-паша. 13 сентября его войска были разбиты в районе города Тель-эль-Кебира недалеко от Каира, а 15 сентября он был взят в плен англичанами и отправлен в ссылку на Цейлон. (В 1901 г. Ораби-паша был помилован и вернулся в Египет. — *Пер.*) Каким бы слабым в идеологическом отношении ни было движение, возглавляемое Ораби, под лозунгом «Египет для египтян», его можно считать первым выражением национальных чувств в современном Египте.

События 1882 г. привели к охлаждению отношений между Англией и Францией. Полновластными хозяевами Египта стали англичане. Фактическим властителем страны под невинным титулом генерального консула Британии на четверть века стал английский военный и дипломат лорд Кромер. Главной его опорой была британская оккупационная армия. При решении политических вопросов он опирался на «советников», занимавших все ключевые посты в правительстве. Они осуществляли контроль над страной, нечетко определенный в правовом отношении, но вполне эффективный. Ни один министр или наместник провинции не мог долго оставаться на своем посту без консультаций с «советниками» или «рекомендаций» генерального консула. Власть хедива и сюзеренитет султана-халифа дипломатично сохранялись лишь на словах.

При сильном правлении лорда Кромера финансы страны были приведены в порядок, экспорт и импорт утроены, налоги пересмотрены в пользу крестьянства, принудительные работы отменены, укреплена общественная безопасность, а уровень правосудия, по-прежнему остававшегося в руках египтян, повысился. Однако крайне мало делалось для повышения уровня народного образования или развития самоуправления. Было в незначительной степени

улучшено среднее образование, предназначенное скорее для подготовки будущих чиновников, нежели для внедрения в сознание египтян либеральных ценностей. В то же время широкие слои местного населения оставались неграмотными. Во внешней политике важным событием стало восстание против ненавистного египетского правления в Судане, которое возглавил религиозный лидер Мухаммед ибн Абдаллах, провозгласивший себя в 1881 г. Махди (мессией) и попытавшийся объединить племена западной и центральной частей страны. Восстание завершилось взятием в 1885 г. Хартума, установлением национальной власти и изгнанием из страны европейских, турецких и египетских чиновников. Новое государство, возглавляемое Абдаллахом ибн аль-Саидом, продержалось еще полтора десятка лет, и лишь в 1898 г. восстание было окончательно подавлено англо-египетскими войсками под командованием лорда Китченера. Англо-египетским Суданом, как он теперь назывался, стал править генерал-губернатор, назначавшийся хедивом по рекомендации британского правительства. Первым генерал-губернатором был лорд Китченер.

В начале XX в. в Судане начала формироваться национальная буржуазия, стремившаяся к национальной независимости.

1 января 1956 г. флаги Великобритании и Египта были торжественно опущены, и вместо них взвился суданский флаг. Судан был провозглашен независимым государством и стал еще одной африканской страной, ступившей на путь самостоятельного развития.

Завоевание Судана, начатое лордом Китченером, было завершено хедивом Аббасом II (1892—1914), ненавидевшим англичан и стремившимся к освобождению Египта от власти лорда Кромера. Для осуществления данной цели он рассчитывал на поддержку Франции. К тому времени в стране существенно увеличилось количество египтян, по-

лучивших европейское образование, и значительно окрепло чувство национальнõго самосознания. Круги, находившиеся под влиянием реформаторского учения Джамал ад-Дина Афгани, были увлечены идеями панисламизма. К этим же идеям склонялся и хедив Аббас. Другая фракция египетского общества видела будущее страны в обретении независимости и создании конституционного правительства. Выразителем мыслей и чаяний этого движения стал прекрасный оратор, адвокат, получивший образование во Франции, Мустафа Камиль. В 1907 г. под его руководством был проведен первый национальный конгресс, принявший либеральную пацифистскую программу. В 1908 г. после смерти лидера (Мустафа Камиль умер в возрасте 34 лет) это движение возглавил более опытный политический и общественный деятель адвокат Саад Заглул, происходивший из крестьянской семьи. В свое время он воевал в армии Ораби-паши и занимал ряд высоких должностей в его правительстве, в том числе пост председателя генеральной ассамблеи. Ассамблея была создана лордом Кромером и состояла из четырнадцати назначаемых хедивом и шестнадцати избираемых голосованием депутатов. Это был скорее консультативный, чем законодательный орган. При новом правителе Египта, лорде Китченере Хартумском (ему был пожалован такой титул), была предпринята робкая попытка удовлетворить националистические требования египтян. Старая ассамблея была заменена новой, более представительной и многочисленной, с преобладанием выбранных депутатов, которые были наделены полномочиями принимать законы, распоряжаться бюджетом и представлять интересы народа Египта. Первая сессия новой ассамблеи открылась в январе 1914 г., в год, когда подобные органы уже не имели возможности выжить.

Сразу после того, как Турция заняла враждебную позицию по отношению к странам Антанты, в ноябре 1914 г. в Египте было объявлено военное положение. Были вве-

дены комендантский час и цензура. К чести англичан следует сказать, что подобное произошло в стране впервые. В декабре того же года Египет был официально объявлен британским протекторатом. Хедив Аббас II был низложен. Султаном провозгласили его брата Хусейна Камиля (1914—1917). Египет был превращен в огромную военную базу Англии. Роль страны как главного поставщика зерна и выючных животных, а также владельца Суэцкого канала многократно возросла. Вражеским государствам было отказано в использовании канала. Когда необходимые товары и услуги было невозможно получить обычным путем, их просто реквизировали за ничтожно малую оплату. Особенно тяжелыми для населения были призыв мужчин на военную службу и реквизиция выючных животных для армии генерала Алленби, отражавшей атаки турецких войск в Палестине. Цены на продукты питания стремительно взлетели. Все тяготы военного периода легли на плечи крестьян и рабочих.

По мере того как война продолжалась, британское правление в Египте сделалось еще более одиозным. Военные тяготы укрепили почву для агитации борцов за национальную независимость. Сокрушительные удары, нанесенные Турции в Палестине, Сирии и Ираке, существенно ослабили панисламистское крыло египетских националистов. С другой стороны, англо-французская декларация о том, что в ходе войны против Турции Антанта намерена освободить народы, томящиеся под игмом Османской империи, нашла поддержку в провинциях. Точно такое же влияние оказала на египтян и доктрина самоопределения, провозглашенная Вудро Вильсоном. (Томас Вудро Вильсон (1856—1924) — 28-й президент США. — *Пер.*)

Кризис возник вскоре после перемирия, подписанного в ноябре 1918 г., когда делегации («вафд»), возглавляемой Заглулом, было отказано в поездке на мирную конференцию, где она намеревалась добиваться независимости стра-

ны. Чтобы помешать этому, лидеров движения депортировали на Мальту. Однако это лишь подстегнуло рост патриотических настроений в Египте. Движение за независимость переросло в политическую партию, получившую название «Вафд». Между тем в Египте был назначен новый британский резидент, генерал Алленби, успешно отстаивавший Суэцкий канал и одержавший триумфальные победы в Палестине, Ливане и Сирии. В феврале 1922 г. англичане пошли на уступки. Они в одностороннем порядке аннулировали британский протекторат над Египтом и объявили страну суверенным государством, монархией наследного типа. Однако были сделаны четыре оговорки, относящиеся к британской системе связи, национальной обороне, защите внешнеполитических интересов и национальных меньшинств, а также статусу Судана. Фуад (1922—1936), брат султана, стал королем Египта. Через год была принята конституция бельгийского образца. Египет перевернул новую страницу долгой и полной противоречий истории. Об этом еще будет сказано на страницах нашей книги.

Мы уже раньше отмечали, что в период оккупации, начавшийся в 1882 г., в Египте за исключением военного времени сохранялась свобода слова и совести, что делало страну духовным оазисом в арабском мире. Это привлекало сюда молодых интеллектуалов из Ливана и Сирии, получивших образование в Англии и Франции. Газеты, периодические научные издания и научные кружки процветали здесь как ни в одной другой арабской стране. Египетские писатели стали пионерами интеллектуального возрождения всего арабского мира. Арабы из других стран устремились в Египет, чтобы устроиться на службу в государственные структуры или заняться коммерческой деятельностью.

Религиозное возрождение Египта, во главе которого встал Мухаммед Абдо, приняло вид реформаторства, по-

вторив то, что до этого уже имело место на Аравийском полуострове и в Персии. Египетский религиозный реформатор родился в 1849 г. в крестьянской семье и получил образование в аль-Азхаре в то время, когда там выступал с проповедями Джамал ад-Дин Афгани. Он проникся идеями национализма, однако воспринял их довольно умеренно. Выступая против чрезмерной европеизации страны, он принял участие в мятежах Араби и в результате был выслан в Ливан. Там, а позднее и в Париже он проникся значимостью европейской философии и по возвращении на родину занялся религиозно-просветительской деятельностью. Позднее он стал ректором аль-Азхара и муфтием Египта. Подобно Джамал ад-Дину Афгани и своему предшественнику ибн Абд-аль-Ваххабу, Мухаммед Абдо исходил из того, что современное состояние ислама далеко от идеального и потому нуждается в обновлении. Абдул утверждал, что религиозные вопросы следует отделять от проблем политического характера. Он делал упор на духовно-интеллектуальном омоложении ислама путем принятия научной мысли и отрицал использование силы при проведении религиозных реформ. В целом его учение было свободно от ксенофобии. Мухаммед Абдо стал первым мусульманским мыслителем, пытавшимся решить проблему передачи исторически обусловленных верований и ритуалов, принятых у его современников. Отдельные пассажи Корана, которые, по его мнению, противоречили современной мысли и практике, он истолковывал довольно смело и гибко, таким образом открывая путь переосмысливанию старого в терминах нового. В этом он следовал христианским толкователям, которые в течение многих столетий черпали в Священном Писании новые идеи, наверное, никогда не приходившие в голову его создателям.

Впрочем, влияние египетского религиозного реформатора на соотечественников ограничивалось немногочисленными интеллектуалами вроде Амина Касима, издав-

шего в 1898 г. первую работу на арабском языке на тему женской эмансипации. Великий ученик и комментатор Мухаммеда Абдула родился в деревне, сегодня находящейся на территории Ливана.

Глава 22

АРАВИЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

Османский период оставил на Аравийском полуострове не столь значительное наследие, как, например, в Египте или странах Арабского полумесяца. В наследство от мамлюков турки получили Хиджаз, область на западе Аравийского полуострова, исторический центр возникновения ислама, еще в начале XVI в. и вскоре после этого захватили Йемен. Государственный контроль над этими территориями, особенно Йеменом, был довольно слабым и малоэффективным. Здесь, как и в других краях этого огромного и пустынного полуострова, земля была не раз поделена между вождями племен и шейхами в ходе борьбы за существование или господство в том или ином регионе. Города-крепости находились во власти эмиров, осуществлявших также теневою власть над соседними племенами. Владыками Хиджаза были шерифы, потомки пророка, жившие в Мекке, гордые тем, что покровительствовали священным местам. Владыки же Йемена были потомками имама Али Зияда и жили главным образом в Сане. Шерифы были суннитами, тогда как имамы — шиитами.

Правителей Османской империи, разумеется, в большей степени интересовал Хиджаз. Власть турок в Йемене была такой шаткой, что в 1633 г. имам изгнал своих вали из Саны. Лишь в 1849 г. Порта вновь смогла навязать свою власть йеменцам, отправив туда правителей-вали, чьей главной заботой давно стало усмирение местных мятежных племен.

Йемен обрел суверенитет благодаря Первой мировой войне, когда освободился от османского ига. Турецкий гарнизон в Сане оказался отрезанным от остальных войск и потому был небоеспособен. В 1918 г. последние его остатки покинули страну. Властителем Йемена стал имам Саны Яхья. Оказавшись между двумя главными соперниками за влияние в стране: Италией в Эфиопии и Британией в Адене, — Яхья, естественно, склонился в сторону союза с Италией, поскольку считал оккупированный англичанами Аден йеменской территорией. Однако договор о дружбе и торговле с Италией, подписанный в 1926 г., так и не открыл стране, все еще жившей в условиях средневековья, дверь в цивилизованную жизнь. И хотя в новую, только что открытую больницу в Сане были приглашены работать итальянские врачи, а итальянские инженеры приступили к строительству ирригационных сооружений в Таизе, в целом страна все еще оставалась в изоляции от остального мира. Кроме пограничных споров с англичанами, у имама Яхьи возникли резкие разногласия с новоявленным правителем северных земель ибн Саудом, которые в 1934 г. привели к войне.

В годы Второй мировой войны имам Яхья первоначально тяготел к странам оси, но после военных успехов англичан в Египте и соседних арабских землях изменил своим былым симпатиям к Италии и Германии. В 1945 г. Йемен присоединился к Лиге арабских государств, а через два года вступил в Организацию Объединенных Наций (ООН). В том же году в страну прибыла дипломатическая миссия США и был подписан договор о дружбе и торговом сотрудничестве. Военный переворот 1948 г. закончился смертью Яхьи. Главой страны стал его сын Ахмед.

Ахмед разрешил американцам строительство дорог и разведку полезных ископаемых. В Йемене была найдена нефть, правда не в очень больших количествах. В целом

проводимый Ахмедом политический курс имел консервативный характер, что в 1955 г. привело к заговору против него, устроенному его братом Абдуллой, официальным представителем Йемена в ООН. Заговор окончился неудачей и стоил Абдулле жизни. Обезглавленные тела заговорщиков были выставлены на всеобщее обозрение на главной площади Таиза. В 1958 г. Йемен вошел в состав конфедерации с Объединенной Арабской Республикой (Египет и Сирия), которая была распущена в 1961 г.

После смерти Ахмеда и вступления на престол его сына Мухаммеда аль-Бадра в сентябре 1962 г. группа офицеров во главе с полковником Абдаллой ас-Салялем при поддержке Египта захватила власть в Сане и провозгласила Йемен республикой. Большинство племен северо-востока, поддерживаемые Саудовской Аравией, сплотилось вокруг имама, тогда как западные и южные районы страны встали на сторону республиканцев, которые получили поддержку египетских войск. Страна вступила в затяжную полосу гражданской войны.

На протяжении более тысячи лет после ортодоксального халифата с центром в Медине Хиджаз не играл сколько-нибудь значимой роли в арабском мире или международной политике. При Айюбидах, Аббасидах и Фатимидах он оставался захолустной провинцией огромной империи. Окутанный аурой святости, исходившей от священных городов, Хиджаз жил исключительно за счет паломников, все глубже погружаясь в сон средневековья. В отличие от Йемена он не имел особого потенциала, его население по-прежнему в основном составляли кочевники. Толчок к пробуждению ему дали Мухаммад ибн Абд-аль-Ваххаб ат-Тамими (1703—1792), религиозный реформатор, и племенной шейх Мухаммед ибн Сауд (ум. 1765), кстати, первый ибн Сауд в мусульманской истории. Союз меча и религии, как это часто бывало в исламе, породил победу. Мусульман, являвшихся сторонниками религиозных нововведе-

ний, считавшихся согласно учению Ваххаба еретическими, ибн Сауд преследовал и даже уничтожал физически. Такие нововведения включали в себя культ святых, почитание храмов, посещение гробниц, молитвы с использованием четок и другие ритуалы, имеющие признаки идолопоклонства. Сторонники ваххабизма также крайне неодобрительно смотрели на такие вещи, как курение табака, ношение одежды из шелка и пользование другими современными предметами роскоши. Члены новоявленной секты стали называть себя мувахеддинами (унитаристами), а противники окрестили их ваххабитами. Ваххабиты проповедовали строгое следование законам шариата, предусматривающее побивание камнями женщин, обвиненных в прелюбодеянии, и наказание вора отсечением рук.

По мере увеличения числа членов этого религиозного движения расширялся и контроль ваххабитов над политической жизнью. Каждый новообращенный, который принимал правила, разработанные Мухаммедом ибн Абд аль-Ваххабом, становился воином армии ибн Сауда. В 1773 г. ими был захвачен Эр-Рияд, будущая столица ваххабизма. Из центральной части Аравийского полуострова движение распространилось на восточную. В начале следующего века ваххабиты напали на ничего не подозревающих соседей — Ирак и Хиджаз. Кербела и Неджеф, наиболее почитаемые шиитами святыни, были разграблены, а их население вырезано. Ваххабиты не пощадили даже Мекку и Медину, священные города суннитов, вторгшись в них в 1803—1806 гг. Позднее в этих двух городах были уничтожены наиболее почитаемые мусульманские гробницы, остатки бывшего «язычества». Далее настала очередь Сирии. В Дамаск ваххабиты вторглись в 1808 г. Еще ни разу за всю историю халифата такие огромные территории не оказывались под властью одного человека.

Такое развитие событий не на шутку встревожило Стамбул. По повелению Махмуда II египтяне провели ряд во-

енных походов. В 1818 г. столица ваххабитского государства была практически стерта с лица земли, а Абдулла ибн Сауд и прочие члены королевской семьи бежали за пределы страны. Первая ваххабитская империя прекратила свое существование.

Ваххабизм восстановил свои позиции лишь в начале XX в. Его главным героем стал молодой Абдель Азиз ибн Сауд, нашедший убежище в Кувейте. Во главе отряда из 200 человек Абдель Азиз, которому тогда было тридцать один год, ворвался в Эр-Рияд, убил ставленника Стамбула губернатора ибн Рашида и его стражу и провозгласил себя правителем наследной столицы. Произошло это в начале 1902 г. Объединив и укрепив государство, новый властитель развернул экспансионную политику в духе ваххабизма. Его верные последователи, которых он оправлял заселять новые земли, носили прозвище «икван» (братья) и со временем превратились в грозную армию. В 1913 г. ибн Сауд приготовился нанести удар по землям Неджда. Затем у османских войск была отбита Эль-Хаса на побережье Персидского залива. Вскоре ибн Сауд уже стоял у границ арабских государств, находившихся под протекторатом Англии.

На западе у ибн Сауда имелся опасный враг — Хусейн ибн Али аль-Хашими, шериф Мекки, давно стремившийся к лидерству в арабском мире. Начало Первой мировой войны предоставило наследнику пророка прекрасный шанс. Арабские националисты в Дамаске, Багдаде, Бейруте и Каире обратились к нему с предложением возглавить борьбу против турок. К этому же его призывали и Англия с Францией. В октябре 1914 г. англичане гарантировали ему независимость, хотя и на определенных условиях. Через два года Хусейн провозгласил свою полную независимость от властей Хиджаза, напал на турецкий гарнизон в Медине, после чего принял титул «короля арабов». Его сыну Фейсалу, с которым мы уже познакомились ранее, было доверено организовать партизанские батальоны для борьбы

с турецкими войсками в Хиджазе и Палестине. В 1917 г. все турки были изгнаны из Хиджаза. При поддержке австралийской дивизии Фейсал двинулся в направлении Дамаска и вошел в него в ноябре 1918 г.

На Версальской конференции 1919 г. стало ясно, что Антанта не намерена выполнять свои обещания, данные в годы войны арабам, или признать Хусейна их королем. Арабы узнали, что еще в 1916 г. Англия, Франция и Россия заключили тайное соглашение о разделе не только Турции, но и Сирии, Ирака и Палестины и превращении их в сферы своего влияния. В 1920 г. в Дамаске Национальный совет Сирии возвел на трон короля Фейсала, которого французы, получившие мандат на Сирию и Ливан, вскоре изгнали из страны. Однако уже в следующем году англичане, получившие мандат на Палестину и Ирак, объявили его королем Ирака, а его старшего брата Абдуллу сделали эмиром Трансиордании. Отец, воспользовавшись распадом Османской империи, добавил к своему титулу словосочетание «халиф мусульман».

Настало время действий и для ибн Сауда. За пять лет он к 1925 г. завоевал Хиджаз и уничтожил династию Хашимитов. Вскоре на карте мира появилось новое государство — «Хиджаз, Неджд и присоединенные области» (будущая Саудовская Аравия). Через два года в главной мечети Мекки ибн Сауд был провозглашен королем Хиджаза, а в 1932 г. король Хиджаза и Неджда стал королем Саудовской Аравии, занимающей почти весь север и центральную часть Аравийского полуострова.

Следует воздать ибн Сауду должное. Новоявленный король обратил свой взор на экономические и социальные проблемы Аравии, коих тут имелось немало. На территории, где обычным явлением были племенные войны, а грабеж не считался чем-то постыдным, первый король Сау-

довской Аравии принял меры по созданию единой страны, обеспечению безопасности и порядка, неведомые здесь ранее. Там, где оказывались бессильны деньги и союзнические обязательства, срабатывала сила. Если богословов и мракобесов не удавалось убедить словом или добиться их согласия, им просто приказывали молчать. Вскоре в стране появились телефон, телеграф и радио, запретные, по мнению ваххабитов, технические новинки. Были построены дороги. Там, где раньше брели лишь караваны верблюдов, теперь сновали автомобили. Паломники, отправлявшиеся в Мекку и Медину, поняли преимущество автобусов над вьючными животными.

Со временем у паломничества к святым местам, которое вот уже тысячу лет служило главным источником доходов страны, появился новый конкурент — нефтедобыча. Первая нефть была обнаружена в Бахрейне в 1932 г., и это открытие ознаменовало новую эру в экономической жизни целого региона. Через год Саудовская Аравия выдала концессию на добычу черного золота калифорнийской корпорации «Стандард ойл», которая стала ядром Арабско-американской нефтяной компании (Арамко). Король получил возможность финансировать свои экономические проекты за счет роялти, выплачиваемых нефтяной компанией.

В начале 1940 г., когда военные нужды и приоритеты сократили объем операций по нефтедобыче, а поток паломников существенно уменьшился, Соединенные Штаты через англичан предложили Саудовской Аравии щедрую экономическую помощь. В 1953 г. король умер, и трон занял его старший сын Сауд.

Правительство Сауда продолжило политику осторожной модернизации страны. В Эр-Рияде был открыт новый университет. Группа студентов была отправлена на учебу в Каир и Бейрут и даже в Англию и Соединенные Штаты Америки.

В шестидесятых годах граждане Саудовской Аравии получили возможность учиться в американских колледжах. Появился пока что немногочисленный средний класс, включавший в себя интеллигенцию, технических служащих и предпринимателей, в котором многие увидели угрозу традиционной социальной иерархии. Этот нарождающийся класс стал активным выразителем нового духа арабского национализма и сопутствующего ему стремления к арабскому единству. Наверняка имели бы место народные волнения, если бы не замена Сауда его братом Фейсалом (1964). Фейсал стал проводить более решительный, хотя и по-своему сдержанный курс экономического и социального развития, более гибкий и чувствительный к изменчивым временам.

Почти вся южная и восточная часть Аравийского полуострова с ее эмиратами и султанатами до 1960-х годов являлась британским протекторатом. Политические интересы Англии в этом регионе диктовались беспокойством за безопасность Индии и желанием контролировать торговые пути в этой части света.

Земли Маската и Омана первыми в свое время попали под контроль европейцев. Начиная с 1508 г. они 180 лет принадлежали португальцам. Отношения между Англией и Маскатом установились в 1798 г. после создания Ост-Индской компании. За этими договорами последовали новые, в том числе те, которые запрещали работорговлю, таможенные договоры и соглашения о мореплавании и торговле. Подобные договоры были позднее подписаны и со странами восточной части полуострова. Современная история этих государств была бы лишена особых событий, если бы не появление на их землях англичан и открытие залежей нефти. До этого местное население жило за счет выращивания фиников, кораблестроения и добычи жемчуга. Основная масса населения — кочевые племена. Самая богатая и независимая (начиная с 1961) из этих стран —

Кувейт с его крупными запасами нефти. Не будет преувеличением сказать, что это крошечное государство буквально плавает в нефтяном море. Кувейт, Бахрейн, Катар и Саудовская Аравия вместе с Ираком и Ираном делают Ближний Восток центром мировой нефтедобычи. Их баснословные доходы оказали революционное влияние не только на экономику, но и на прочие стороны жизни.

Глава 23

АРАБСКИЙ ПОЛУМЕСЯЦ. СИРИЯ И ЛИВАН

Включение Сирии (1516—1517) султаном Селимом в состав Османской империи не повлекло за собой радикальных перемен в унаследованной от мамлюков административной системе. Три главные провинции страны: Дамаск, Алеппо и Триполи — превратились в вилайя (вилайеты), которыми правили вали, или иначе паша. Мамлюкский наместник Дамаска, предавший своего египетского сюзерена, стал номинальным вице-королем. Однако тот, кто изменил своему первому хозяину, без колебаний предаст и второго. Паша провозгласил независимость Дамаска и начал чеканить монеты со своим именем. В ответ на это янычары Сулеймана столь сурово расправились с жителями сирийской столицы, что после этого слово «янычар» стало означать свирепого и жестокого воина.

Турецкие правители-вали сменяли друг друга с головокружительной быстротой, правя всего по паре лет каждый. Неудивительно, что их власть постепенно ослабла и вскоре ограничилась городами и их окрестностями. Для поиска и добычи полезных ископаемых, а также развития людских ресурсов в стране ничего не предпринималось даже на уровне планирования. По мере экономического упадка Сирии усиливалась и ее нестабильность. Деревни на северо-востоке страны, опустевшие при мам-

люках, при Османах исчезли окончательно. Все это привело к тому, что численность населения страны составляла лишь треть от количества людей, в свое время проживавших здесь в римский период. Как несложно предположить, бразды правления страной попадали в руки временщиков, склонных к авантюрам и абсолютно не думавших о благе народа. Самой заметной фигурой среди них является Ахмед аль-Джаззар (1720—1804). Родился он в христианской семье в Боснии и после многочисленных приключений попал в Каир, где продал себя в рабство. В Египте из юношей-невольников готовили солдат-мамлюков. Приняв ислам, он получил имя Ахмед и, обучившись воинскому искусству, попал на службу к мамлюку Али-бею. Али-бей ценил его, постоянно продвигая по службе, и даже произвел в звание бея. Новоявленный бей жестоко подавил восстание бедуинов, за что и получил прозвище Джаззар (мясник).

В 1768 г. он изменил Али-бею и бежал в Стамбул, где поступил на службу Блистательной Порте. Турки назначили его командиром войск, набиравшихся из числа боснийцев, албанцев и североафриканцев. Во время Русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Джаззара в 1772 г. направили в Бейрут для обороны города. После взятия Бейрута русскими войсками Джаззар сдался управляющему районом Сидон Дахиру и проживал в Акко на правах гостя. После убийства Дахира Джаззар объявил себя правителем этой территории и сделал Акко своей столицей, где правил до самой своей смерти в 1804 г. Джаззар распространил свою власть и на Акру, которую в 1799 г. успешно отбил у войск Наполеона Бонапарта. До этого турецкий султан назначил его управляющим вилайета Дамаска, а позднее сделал вице-королем Сирии. За годы своего правления Джаззар заслужил репутацию безжалостного и коварного правителя. В 1804 г., когда он умер, жители страны дружно издали вздох облегчения. Его судьба

является ярким свидетельством того, насколько бурной и непредсказуемой была тогда жизнь в этой части Ближнего Востока.

До 1638 г., до начала правления Мурада V, в Ираке было неспокойно. Отдаленность страны от Стамбула, ее близость к шиитской Персии и многочисленная шиитская община, составлявшая внушительную часть населения, — все это создавало для Блистательной Порты немалые проблемы. В конце 1733 г. Надир-шах осадил Багдад, а через десять лет вторгся в Мосул. Как уже рассказывалось ранее, в 1801—1802 гг. святыни Ирака Кербела и Неджеф были разграблены вторгшимися из Неджда ваххабитами. И в те далекие времена, и в наши дни немало неприятностей правителям Ирака доставляли также непокорные курдские племена. Курды-сунниты, однако, в этническом и языковом отношении очень близки персам.

В 1750 г. Ирак попал в руки мамлюков, которые вели себя здесь не лучше, чем у себя дома в Египте. Местное население интересовало их постольку-поскольку. Все вращалось вокруг интересов отдельных лиц и интриг в столице. Более всего мамлюки заботились о самих себе. Стамбул не вмешивался, довольствуясь ежегодно получаемой с земель Ирака данью. Под властью мамлюков, как и османских пашей до и после этого, жил своей скудной жизнью простой народ, страдавший от коррупции и произвола. Заново восстановить свою власть в этих краях Стамбул сумел лишь в 1831 г., когда мамлюки были изгнаны за пределы страны. В Багдаде разместился гарнизон турецких войск. Из всех многочисленных вали, которых Порта назначала в Ирак, упоминания заслуживает лишь один — Мидхат-паша. Этот наместник отличался либеральными и прогрессивными взглядами. Неудивительно, что великий визирь относился к нему с опаской и считал нужным отправить его

в далекий Багдад. Здесь Мидхат развернул широкую программу общественных работ, включая расчистку забитых песком каналов и строительство новых дорог, учредил сберегательный банк, открыл линию трамвая-конки и техническое училище, аналогов которому не было в Ираке. Кроме того, Мидхат приступил к строительству железной дороги. Однако ревность государственных лиц не оставила ему времени для реформирования страны. Его отозвали обратно в Стамбул, где новый правитель отнесся к нему более благосклонно. Заняв пост премьер-министра в правительстве Абдул-Хамида II, Мидхат стал вдохновителем недолго просуществовавшей конституции 1876 г. Свои последние дни он провел в ссылке, а в Хиджазе, в крепости Таиф, после серии неудачных покушений на его жизнь, в 1883 г. погиб насильственной смертью — был задушен агентами Порты.

В отличие от других арабских стран, попавших под иго Османской империи, Ливану повезло. Турки почти не вмешивались в дела его правителей. Во время турецко-египетской войны 1516 г. (до этого Ливан входил в состав Египта) ливанские правители занимали выжидательную позицию. Однако после того как в 1517 г. султан Селим победоносно вошел в Дамаск, Фахр ад-Дин II аль-Маани из округа Шуф, расположенного к юго-востоку от Бейрута, вместе с другими феодалами признал власть победителя. Понимая потенциальную опасность местной знати для своего правления, Селим выбрал наиболее простой вариант. Признав их власть на местах, он оставил им те же привилегии, которыми они пользовались при египетских мамлюках, и не стал увеличивать размер ежегодной дани. После этого Мааны управляли значительной территорией горного Ливана еще 181 год. Эта династия пришла на землю Ливана в начале XII в. и поселилась в местечке

Бааклин, откуда можно было контролировать дорогу Бейрут—Сидон и совершать набеги на крестоносцев, чьи владения находились на побережье. Пришельцы приняли друизм, религию своих подданных. (Религия друзов, друизм — одно из ответвлений шиитской секты исмаилитов, в XI в. отколовшееся от нее и позднее претерпевшее значительные изменения. — *Пер.*)

При Фахр ад-Дине II (1590—1635) гегемония Маанов достигла своей кульминации. Сам правитель был такого маленького роста, что, по словам недругов, случись ему уронить куриное яйцо, оно бы даже не разбилось. Зато его энергия и амбиции были поистине гигантскими. Кроме того, Фахр ад-Дина отличал необычный интерес к природным ресурсам родовых земель, а сам он всячески пекся о благосостоянии своих подданных. В конце своего правления Фахр ад-Дин велел развивать производство льняного волокна и шелка, строить мосты и караван-сарай, а также покровительствовал торговым связям с такими европейскими городами, как Венеция, Флоренция и Марсель. Благосклонно относился Фахр ад-Дин и к европейским купцам и миссионерам. Занимался он и расширением границ своих горных владений и сумел включить в них плодородную долину Бекаа и побережье от реки Ликус (Собачья река, или Нахр-эль-Кальб; течет у прибрежной дороги, идущей на север, между Бейрутом и Джунией. — *Пер.*) до горы Кармель. По сути дела, Фахр ад-Дин вынашивал планы создания великого Ливана, который должен был пойти по пути независимости и прогресса. Он даже подписал во Флоренции с герцогом Тосканы договор, включавший в себя соглашение о военной помощи против Порты.

В конце концов Османы решили сокрушить своего непокорного вассала. Фахр ад-Дин был вынужден вступить в войну с Османской империей. Превосходящие по численности армия и флот Порты двинулись на Ливан из Да-

маска и Стамбула. В итоге Фахр ад-Дин бежал к своему итальянскому союзнику, где провел два года. Воспользовавшись очередной сменой правителя в Стамбуле, он, полный решимости осуществить свои экспансионистские планы и государственные реформы, вернулся на родину. После того как Фахр ад-Дин наголову разбил посланные против него турецкие войска и захватил в плен присланного из Дамаска вали, Порта была вынуждена признать свершившимся фактом его победу и даже пожаловала званием «повелителя Арабистана» от Алеппо до Газы. Получив бразды правления в свои руки, Фахр ад-Дин пригласил в страну из Тосканы инженеров, зодчих и специалистов по сельскому хозяйству, а также разрешил европейским католическим миссионерам развернуть деятельность в Ливане под его патронатом. Ходили слухи, что сам он тайком принял крещение от личного лекаря-капуцина. И вновь Порта обратила свой подозрительный взгляд в его сторону и не преминула занести руку для удара. Правитель Ливана отважно вступил в бой с превосходящим по численности врагом. Помощь, которую он ожидал со стороны Тосканы, так и не пришла. В 1635 г. Фахр ад-Дин был взят в плен и публично казнен. Его надеждам сделать Ливан процветающей страной не суждено было сбыться, однако они определили вектор будущего развития страны.

Реформаторская политика Фахр ад-Дина, нацеленная на разрыв с традициями в области политики и культуры, была продолжена лишь в годы правления Башира Шихаба II (1788—1840), судьба которого стала своего рода повторением удела его выдающегося предшественника. Шихабы были потомками благородных курайшитов, пришедшими в Ливан за полвека до Маанов. Первыми приняв ислам, они впоследствии стали и первыми христианами. Ливаном они правили из своей столицы Дайр-аль-Камар. Их правление продолжалось примерно полтора века, до 1843 г., и осуществлялось посредством сложной иерархии князей и

шейхов. Подобно своим предшественникам Маанам, Шихабы следовали принципам наследной передачи власти и самоуправления, распоряжаясь жизнью и смертью своих подданных. Их феодальная мощь покоилась на всеобщей воинской повинности, не предполагавшей специальной подготовки. Покуда эмиры династии Шихабов посылали ежегодную дань в Стамбул, Порта особенно не вмешивалась в их внутренние дела. После обращения в маронитскую религию четвертого правителя династии, Мансура (1754—1770), двери Ливана шире распахнулись для капуцинского и иезуитского орденов, а также для европейских купцов. Отношения французов и ливанских маронитов уходят в далекое прошлое, в эпоху Крестовых походов, и в XVII в. они еще сильнее укрепились благодаря политике Людовика XIV. Король-солнце покровительствовал торговле с Левантом и защищал его католическое население. В 1584 г. указом папы Григория XIII в Париже был создан колледж для студентов-маронитов. Ученые, окончившие его и оставшиеся в Европе, пропагандировали и преподавали мудрость Востока в Риме, Париже, Мадриде и других городах. Те из них, кто вернулся в Ливан, основали там школы европейского образца либо стали священниками, епископами и патриархами. Один такой выпускник привез из Рима печатный станок, на котором в 1610 г. была отпечатана первая арабская Псалтирь (на сирийском языке). В то время как между Турцией и Европой опустился плотный занавес Османской империи, именно эти выпускники европейских университетов и их ученики высоко держали факел просвещения, не давая ему погаснуть. На протяжении более пяти десятилетий начиная с 1788 г. Башир железной рукой правил своими владениями. Рослый, с пронзительным взглядом и внушительной внешностью, он вселял ужас в сердца подданных. Его строгость в отправлении правосудия и безжалостность в преследовании преступников стали частью фольклора ливанского народа. С безопасностью в

страну в известной мере пришло и процветание. Башир продолжил начатую еще Маанами традицию веротерпимости. В роскошном дворце, который он построил в Байт-ад-Дине, близ Дейр-аль-Камара, по его приказу были возведены христианская церковь и мечеть. Этот дворец до сих пор считается одной из главных достопримечательностей Ливана. В начале 1820-х гг. в Ливане развернули свою деятельность миссионерские организации из Соединенных Штатов. Благодаря их усилиям Ливан вскоре превратился в духовно-просветительский центр всего Ближневосточного региона.

Первым серьезным испытанием для Башира-государственника на международном уровне стал 1799 г., когда Наполеон попросил у него помощи в войне против турецкого губернатора Акры аль-Джаззара, пообещав ему большую независимость, новые территории и меньшие налоги. Аль-Джаззар также попросил Башира оказать ему военную поддержку. Эмир Ливана предпочел занять выжидательную позицию. Не менее мудро он поступил и в 1810 г., откликнувшись на призыв Порты выступить против захватчиков-ваххабитов. Однако позднее Башир порвал отношения с османами и заключил тайное соглашение с вице-королем Египта Мухаммедом Али. В последующие годы он сотрудничал также с его сыном Ибрагимом-пашой при захвате Сирии (1831). Через девять лет, когда коалиция Турции и ряда европейских государств вынудила Ибрагима к бегству, ливанского эмира насильно переправили на Мальту, а затем в Стамбул, где он и умер. Правление Башира позволило его стране выйти на международный уровень.

С уходом Башира с политической арены страна оказалась в плачевном состоянии. Через пять лет вспыхнули гражданские беспорядки и вражда между христианами,

главным образом маронитами, и друзами, в 1860 г. вылившиеся в настоящую резню. Всего по наущению Порты тогда погибло примерно 12 тысяч христиан. Маленькая страна была втянута в орбиту силовой политики. Под давлением пяти европейских держав (Англии, Франции, России, Пруссии и Австрии) и османского правительства в Горном Ливане был введен так называемый Органический статут. Страна лишилась своих портов. Горный Ливан был интегрирован в единый автономный район — мутасаррифию во главе с губернатором-христианином, или мутасаррифом, который назначался турецким султаном с одобрения европейских держав. В качестве совещательного органа при губернаторе был создан административный совет, избиравшийся из представителей различных ливанских общин пропорционально их численности. Были ликвидированы основы феодальной системы, и страна шагнула на путь прогресса. Ливан получил международное признание как автономное государство, и как таковой мог снять с себя вассальные обязательства перед Портой. Например, он более не был обязан оказывать ей поддержку во время военных конфликтов или платить дань. Мутасаррифия Горного Ливана, как теперь официально называлась страна, доказала свою жизнеспособность и просуществовала до 1915 г. И хотя все это касалось лишь горной ее части, страна успешно развивалась и процветала, что вскоре дало жизнь половице: «Счастлив тот, у кого в Горном Ливане есть хотя бы выпас для козы».

В этот период Ливан стал открытой площадкой для взаимодействия западных экономик и культурных сил. В 1895 г. французская компания завершила строительство железной дороги Бейрут—Дамаск — первой в регионе, которая позднее соединила эти два города с Турцией, Ираком и Египтом. В деревнях и городах страны стали появляться школы

при католических и протестантских миссиях. Перенаселенность страны породила эмиграцию. Следуя традициям своих далеких предков финикийцев, сыны Ливана расселились практически во всех уголках цивилизованного мира.

Первая мировая война (1914—1918) не только прервала прогрессивное развитие, но и принесла Ливану страшные бедствия. В 1915 г., после того как Турция выступила на стороне Германии и Австро-Венгрии, действие Органического статута для Горного Ливана было приостановлено, а власть перешла к турецкому военному губернатору. Таким образом, автономия была ликвидирована. Ливанцев-христиан турки подозревали в симпатиях к французам, всех нехристиан — в симпатиях к арабам. И тех и других считали врагами Турции. Вождей племен казнили либо отправляли в ссылку. Главные источники национального дохода страны иссякли. Транзитная торговля и туризм снизились практически до нуля. Эпидемии и голод привели к тому, что население уменьшилось почти на четверть. После победы Антанты в 1918 г. Бейрут и Горный Ливан, а также Сирия были оккупированы французскими и английскими войсками. Позднее по решению Лиги Наций Ливан и Сирия были переданы в качестве подмандатной территории Франции, а Палестина и Ирак — Англии.

ХРОНОЛОГИЯ

Важнейшие события и исторические личности в порядке упоминания в книге

Древесный уголь в пещере Кармель	ок. 150 000 до н. э.
Ранние образцы керамики, Тель-Халаф	ок. 5000 до н. э.
Изобретение гончарного круга	ок. 4000 до н. э.
Появление металлических орудий труда	ок. 3000 до н. э.
Ближневосточная медь проникает в Европу	ок. 2000 до н. э.
Железные орудия у хеттов	ок. 1350 до н. э.
Окончание бронзового века	ок. 1200 до н. э.
Ранние письменные источники в Месопотамии	ок. 3000 до н. э.
Объединение Верхнего и Нижнего Египта при Менесе	ок. 2900 до н. э.
Объединение Междуречья под властью царя Урука	ок. 2255 до н. э.
Саргон Аккадский	р. ок. 2350 до н. э.
Джосер строит в Египте первую пирамиду	ок. 2650 до н. э.
Хеопс, основатель IV династии	р. ок. 2550 до н. э.
Начало правления XII династии	ок. 2200 до н. э.

Сенусерт III соединяет Нил каналом с Красным морем	ум. ок. 1840 до н. э.
Яхмос изгоняет гиксосов, начало создания египетской державы	пр. ок. 1570—1545 до н. э.
Тутмос III достигает берегов Евфрата	пр. ок. 1502—1448 до н. э.
Эхнатон переносит столицу из Фив в Ахетатон	пр. ок. 1377—1361 до н. э.
Тутанхамон возвращается в Фивы	пр. ок. 1361—1352 до н. э.
Рамсес II воюет с хеттами	пр. ок. 1301—1234 до н. э.
Исход евреев при Мернептахе	пр. ок. 1234—1215 до н. э.
Хаммурапи принимает законы	р. ок. 1686 до н. э.
Вавилон пал под ударами хеттов	ок. 1530 до н. э.
Хетты оккупируют Северную Сирию	ок. 1350 до н. э.
Заключение договора между хеттами и Египтом	ок. 1280 до н. э.
Возвышение Ниневии	ок. 1100 до н. э.
Тиглатпаласар пишет первый трактат о построении великой державы	1116—1093 до н. э.
Салманасар III одерживает решающую победу в Северной Сирии	859—824 до н. э.
Захват Дамаска	732 до н. э.
Капитуляция Самарии	722 до н. э.
Синаххриб оккупирует дельту Нила	671 до н. э.
Разрушение Ниневии	612 до н. э.
Нововавилонский царь Навуходоносор разрушает Иерусалим	586 до н. э.
Персидский царь Кир разрушает Вавилон	539 до н. э.

ХРОНОЛОГИЯ

Камбис присоединяет Египет к Персидской державе	525 до н. э.
Дарий Великий достигает берегов Инда	пр. 521—486 до н. э.
Битва при Марафоне	490 до н. э.
Битва при Фермопилах	380 до н. э.
Заратустра, основоположник зороастризма	р. ок. 600 до н. э.
Птаххотеп, древнеегипетский мудрец	р. ок. 2375 до н. э.
Повесть о Синухете	ок. 1960 до н. э.
Ханаанеи проникают в Сирию	ок. 2900 до н. э.
Расцвет финикийской торговли	ок. 1000—700 до н. э.
Основание колонии Гадес на территории Испании (совр. Кадис)	ок. 1000 до н. э.
Основание Карфагена	814 до н. э.
Бегство Ганнибала в Тир	196 до н. э.
Появление евреев в Палестине	ок. 1225 до н. э.
Царь Давид	пр. ок. 1004—963 до н. э.
Царь Соломон	пр. ок. 963—923 до н. э.
Саргон II разрушает Израильское царство	722 до н. э.
Амос, первый монотеист	р. ок. 750 до н. э.
Александр Македонский одерживает победу в битве при Иссе	333 до н. э.
Он же предаёт огню персидскую столицу Персеполь	331 до н. э.
Селевк I, тетрарх Сирии	пр. 312—280 до н. э.
Поражение Антиоха Великого в битве при Магнезии	190 до н. э.
Мятежники Маккавеи захватывают Иерусалим	164 до н. э.

Помпей нанес смертельный удар по Сирийскому царству	64 до н. э.
Клеопатра, последняя представительница династии Птолемеев	ум. 30 до н. э.
Эвклид Александрийский, великий геометр	р. ок. 300 до н. э.
Зенон, основоположник стоицизма	ум. 261 до н. э.
Ближний Восток под властью Октавиана Августа	ум. 14 н. э.
Каракалла, римский император, сириец	пр. 211—217
В Ливане родился Александр Север	пр. 223—235
Траян разрушил Петру	106
Адриан взял в плен Зенобию, царицу Пальмиры	274
Смерть в Риме апостола Павла	67
Александрийские Отцы Церкви	ок. 190—300
Константин Великий	пр. 306—337
Никейский собор	325
Халкидонский собор	451
Персидский царь Шаппур I дошел до Каппадокии	пр. 240—272
Хосров I вышел к Черному морю	пр. 531—579
Император Ираклий отбросил персов	пр. 610—641
В Мекке родился Мухаммед	570
Умар ибн аль-Хаттаб, халиф	634—644
Решающее сражение при Ярмуке	636
Вторжение в Египет	640
Йездигерд, последний правитель Персии	ум. 651

ХРОНОЛОГИЯ

Усман ибн Аффан, халиф	644—656
Халиф Али ибн Абу Талиб	ум. 661
Муавия, халиф в Дамаске	661—680
Основан Кайраван	670
Война с Византией	674—680
Абд аль-Малик, халиф	685—705
Осада Константинополя	716—717
Вторжение мусульман в Испанию	711
Мусульманское войско преододело Пиренеи	718
Битва между Туром и Пуатье	732
Абу-ль-Аббас, халиф	750—754
Халиф аль-Мансур, строитель Багдада	754—775
Переводы с греческого при аль-Мамуне	813—833
Аль-Хорезми, математик	ум. 850
Хунайн ибн Исхак, переводчик	ум. 873
Ар-Рази, врач	ум. 925
Ибн Сина (Авиценна), врач и философ	ум. 1037
Ибн Рушд (Аверроэс), комментатор Аристотеля	ум. 1198
Исмаил, шестой шиитский имам	ум. 760
Аль-Газали, исламский богослов	ум. 1111
Хасан ас-Саббах, основатель ордена ассасинов	ум. 1124
Абд аль-Кадир, основатель первого суфийского ордена	ум. 1166
Основан орден мавлави (танцующих дервишей)	1173
Вторжение арабов на Сицилию	909
Начало правления Фатимидов	909
Расцвет халифата при аль-Азизе	975—996
Разгром халифата Салах ад-Дином	1171

ФИЛИП ХИТТИ. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Конец правления Саманидов	999
Фирдоуси, великий персидский поэт	ум. 1020
Сельджуки в Багдаде	1055
Сражение при Манцикерте	1071
Омар Хайям, воспеватель вина	ум. 1123
Захват крестоносцами Эдессы и Антиохии	1098
Штурм Иерусалима	1099
Раймунд захватил Триполи	1109
Битва при Хаттине	1187
Смерть Салах ад-Дина	1193
Мамлюки в Египте и Сирии	1250—1517
Захват Бейбарсом Антиохии	1268
Раймонд Луллий начинает миссионерскую деятельность	1276, ум. 1315
Васко да Гама обогнул южную оконечность Африки	1498
Селим I разгромил мамлюков	1516—1517
Осман, отец турок-османов	ум. 1326
Падение Константинополя	1453
Расцвет Османской империи при Сулеймане Великолепном	1520—1568
Присоединение Алжира	1518
Осада Вены	1529, 1683
Начало книгопечатания	1728
Реформы Махмуда II	1808—1839
Первая правительственная газета	1860
Реакция при Абдул-Хамиде	1876—1909
Обнародован текст конституции	1908
Захват власти младотурками	1909
Балканские войны	1912—1913
Турция занимает сторону центральных держав	1914
Мятеж шерифа Хусейна в Хиджазе	1916

ХРОНОЛОГИЯ

Подписание мирного договора в Севре	1920
Мустафа Кемаль возглавил временное правительство	1920
Исмет Инёню, второй президент республики	1938
Военный переворот	1960
Династия Сефевидов	1501—1736
Аббас Великий правил	1587—1629
Династия Афшаридов	1736—1796
Саади, персидский поэт-классик	ум. 1292
Бехзад, мастер миниатюры	ум. 1537
Династия Каджаров	1779—1925
Англо-персидский договор	1814
Российско-персидский договор	1828
Зарубежный контроль над персидской экономикой при Насреддине	ум. 1896
Распространение революции при Мозафердине	ум. 1907
Созыв генеральной ассамблеи	1906
Открыты богатые месторождения нефти	1909
США присылают экономического советника	1911
Независимая Персия входит в Лигу Наций	1920
Некий теолог провозглашает себя Бабом	1844
Бахулла, основатель бахаизма	ум. 1892
Джамал ад-Дин Афгани, реформатор-панисламист	ум. 1896
Кармелитская миссия в Персии	1604
Протестантская миссия	1811
Пресвитериане основали в Тегеране колледж	1925

ФИЛИП ХИТТИ. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Реза-хан Пехлеви захватил власть	1925
Основан Тегеранский университет	1935
Советские войска оккупируют Северную Персию	1941
Мухаммед Реза провозглашен шахом	1941
Тегеранская конференция	1943
Национализация нефтедобывающей промышленности	1951
Полунезависимый Египет при Али-бее	1769
Наполеон Бонапарт в Египте	1798
Мухаммед Али, вице-король	ум. 1849
Поход Египта против Сирии при Ибрагиме-паше	1831
Открытие Суэцкого канала	1869
Рифаа ат-Тахтави, египетский ученый	ум. 1873
Британская оккупация Египта	1882
Контроль над Суданом получает Махди	1881
Судан провозглашен независимым	1956
Египет получил статус протектората	1914
Фуад принимает титул короля	1922
Мухаммед Абдо, реформатор	ум. 1890
Йемен освободился из-под власти Турции	1918
Имам Яхья, первый правитель	ум. 1948
Ахмед, консервативный имам-король	ум. 1962
Начало гражданской войны	1962
Абд-аль-Ваххаб, исламский реформатор	ум. 1793
Ваххабиты захватили Эр-Рияд	1773
Нападение на Дамаск	1808

ХРОНОЛОГИЯ

Абдель Азиз ибн Сауд, основатель Саудовской Аравии	ум. 1953
Сдача нефтяных месторождений в концессию американцам	1933
Фейсал сместил своего брата Сауда	1964
Открытие месторождений нефти в Бахрейне	1932
Кувейт провозглашен независимым	1961
Ахмад аль-Джаззар из Акры Мидхат-паша, либеральный вали Ирака	ум. 1804 ум. 1883
Фахруддин II, феодальный властитель Ливана	пр. 1590—1635
Башир II, феодальный властитель Ливана	пр. 1788—1840
Беспорядки вылились в кровавую резню	1860
Ливан при мутасаррифах	1861—1915
В Бейруте основан Американский университет	1866
Французский мандат на Сирию и Ливан	1919—1943
Фейсал, иракский король при британском мандате	1921
Открытие месторождений нефти в Ираке	1929
Шукри аль-Куатли, президент Сирийской республики	1943
Бишара аль-Хури, президент Ливана	1943—1952
Военный переворот. Ирак объявлен республикой	1958
Лига Наций одобрила британский мандат над Палестиной	1922
Трансиордания превращена в эмират	1920

ФИЛИП ХИТТИ. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Трансиордания объявлена королевством	1946
Основан Израиль	1948
Абдалла основал Хашимитское королевство Иордания	1949
Египет получил полную независимость	1936
Король Фарук	пр. 1936—1952
Военный переворот. Египет провозглашен республикой	1952
Насер избран президентом	1956
Египет и Сирия образуют Объединенную Арабскую Республику	1958—1961

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Исторический фон	5
<i>Глава 2.</i> Физико-географическое положение	11
<i>Глава 3.</i> Ранние этапы эволюции культуры	17
<i>Глава 4.</i> Эпоха великих держав	26
<i>Глава 5.</i> Религия, наука и литература	42
<i>Глава 6.</i> Финикия и Палестина: вклад в мировую культуру	58
<i>Глава 7.</i> Правление Александра Македонского и его преемников	71
<i>Глава 8.</i> Под властью римских цезарей	81
<i>Глава 9.</i> Победное шествие христианства	91
<i>Глава 10.</i> Византийская эпоха	98
<i>Глава 11.</i> Арабский пророк	108
<i>Глава 12.</i> Ислам на марше	116
<i>Глава 13.</i> Халифат	124
<i>Глава 14.</i> Багдад: политический и интеллектуальный центр мира	145
<i>Глава 15.</i> Крушение халифата и государства-преемники	169
<i>Глава 16.</i> Под полумесяцем Османской империи	187
<i>Глава 17.</i> Культура	202
<i>Глава 18.</i> От абсолютизма к республике	210
<i>Глава 19.</i> Имперская Персия	221
<i>Глава 20.</i> Каджарская Персия и европейское влияние	230
<i>Глава 21.</i> Османское прошлое арабских государств. Египет	244
<i>Глава 22.</i> Аравийский полуостров	259
<i>Глава 23.</i> Арабский полумесяц. Сирия и Ливан	267
<i>Хронология.</i> Важнейшие события и исторические личности в порядке упоминания в книге	277

Хитти Филип
КРАТКАЯ ИСТОРИЯ
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
Мост трех континентов

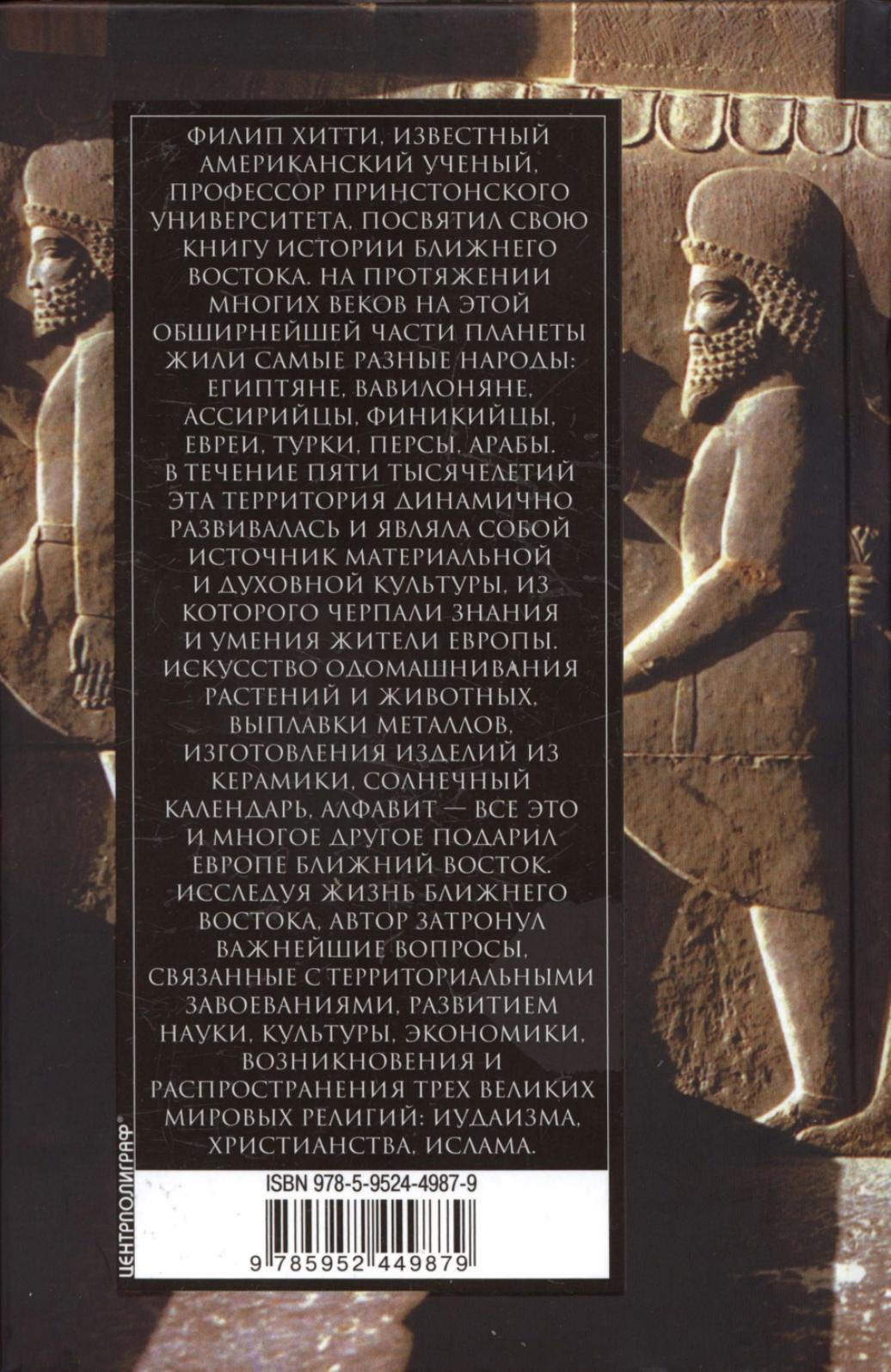
Ответственный редактор *Л.И. Глебовская*
Художественный редактор *Е.Ю. Шурлапова*
Технический редактор *Н.В. Травкина*
Корректоры *О.А. Левина, А.В. Максименко*

Подписано в печать 28.12.2011.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,12. Уч.-изд. л. 13,05.
Тираж 3 000 экз. Заказ № 814

ЗАО «Издательство Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@CNPOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ФИЛИП ХИТТИ, ИЗВЕСТНЫЙ
АМЕРИКАНСКИЙ УЧЕНЫЙ,
ПРОФЕССОР ПРИНСТОНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА, ПОСВЯТИЛ СВОЮ
КНИГУ ИСТОРИИ БЛИЖНЕГО
ВОСТОКА. НА ПРОТЯЖЕНИИ
МНОГИХ ВЕКОВ НА ЭТОЙ
ОБШИРНЕЙШЕЙ ЧАСТИ ПЛАНЕТЫ
ЖИЛИ САМЫЕ РАЗНЫЕ НАРОДЫ:
ЕГИПТЯНЕ, ВАВИЛОНЯНЕ,
АССИРИЙЦЫ, ФИНИКИЙЦЫ,
ЕВРЕИ, ТУРКИ, ПЕРСЫ, АРАБЫ.
В ТЕЧЕНИЕ ПЯТИ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ
ЭТА ТЕРРИТОРИЯ ДИНАМИЧНО
РАЗВИВАЛАСЬ И ЯВЛЯЛА СОБОЙ
ИСТОЧНИК МАТЕРИАЛЬНОЙ
И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ, ИЗ
КОТОРОГО ЧЕРПАЛИ ЗНАНИЯ
И УМЕНИЯ ЖИТЕЛИ ЕВРОПЫ.
ИСКУССТВО ОДОМАШНИВАНИЯ
РАСТЕНИЙ И ЖИВОТНЫХ,
ВЫПЛАВКИ МЕТАЛЛОВ,
ИЗГОТОВЛЕНИЯ ИЗДЕЛИЙ ИЗ
КЕРАМИКИ, СОЛНЕЧНЫЙ
КАЛЕНДАРЬ, АЛФАВИТ — ВСЕ ЭТО
И МНОГОЕ ДРУГОЕ ПОДАРИЛ
ЕВРОПЕ БЛИЖНИЙ ВОСТОК.
ИССЛЕДУЯ ЖИЗНЬ БЛИЖНЕГО
ВОСТОКА, АВТОР ЗАТРОНУЛ
ВАЖНЕЙШИЕ ВОПРОСЫ,
СВЯЗАННЫЕ С ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМИ
ЗАВОЕВАНИЯМИ, РАЗВИТИЕМ
НАУКИ, КУЛЬТУРЫ, ЭКОНОМИКИ,
ВОЗНИКНОВЕНИЯ И
РАСПРОСТРАНЕНИЯ ТРЕХ ВЕЛИКИХ
МИРОВЫХ РЕЛИГИЙ: ИУДАИЗМА,
ХРИСТИАНСТВА, ИСЛАМА.

